

ИПО «МЕМОРИАЛ»

В.А. ХАНЕВИЧ

БЕЛОСТОКСКАЯ ТРАГЕДИЯ

(Из истории геноцида поляков в Сибири)

«Томский вестник»

ТОМСК

1993

Ханевич В.А. Белостокская трагедия (из истории геноцида поляков в Сибири). Томск, Издательство редакции газеты «Томский вестник», 1993г. 191 с. 500 экз. 040550

В книге на основе ранее неизвестных архивных материалов НКВД и УВД, а также воспоминаний старожилов рассказывается о трагической судьбе поляков в бывшем Советском Союзе периода советского тоталитаризма. В основе повествования лежит судьба жителей польского села Белосток, основанного в конце XIX века переселенцами – поляками на севере Томской губернии.

Рассчитана на широкий круг читателей.

Рецензенты:

кандидат исторических наук Б.П. Тренин

Кандидат исторических наук И.Н. Кузнецов

Книга издана Томским областным историко-просветительским, правозащитным, благотворительным обществом «Мемориал» при финансовой помощи Томского машиностроительного техникума, Центра польской культуры в Томске «Дом польский» и администрации Белостокского сельского совета.

ЛР 040550

10-93

№ _____

1188-Р(08)-93

С- В.А. Ханевич, 1993

Дочерям Наталье и Ольге
посвящаю книгу с надеждой,
что им не доведется испытать в своей жизни того,
что пережили их предки.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Трудно в нескольких словах сказать, о чем и о ком эта книга. В первую очередь книга эта о моих земляках, жителях далекого сибирского села Белосток, на чью долю выпало немало суровых испытаний за весь период существования села. И в то же время эта книга и о судьбах многих десятков тысяч поляков, волею судьбы оказавшихся на территории Сибири в начале нашего XX столетия и оставшихся жить здесь после 1920 года - восстановления Советской власти в Сибири.

Судьба многих моих односельчан - это судьба почти всех поляков бывшего Советского Союза, оказавшихся при сталинском режиме одним из репрессированных народов. Следует сказать, что геноцид в отношении поляков со стороны советских органов власти начал осуществляться фактически с начала двадцатых годов. Уже тогда стала набирать размах в большевистской России антипольская пропаганда, производились массовые аресты и расстрелы бывших польских legionеров. В то же время началось организованное гонение на Католическую Церковь - религию большинства поляков. Именно в те годы была сделана попытка вместе с верой лишить моих соотечественников своего языка, культуры, традиционных связей с исторической родиной и сделать их людьми «без роду и племени».

Начавшись в двадцатом, геноцид поляков осуществлялся в той или иной форме в СССР до тех пор, пока у власти находился коммунистический режим со своей идеей построения «светлого будущего» и создания единой общности людей - «Советский народ». И все же самый страшный период для российских поляков пришелся на 1937-38 годы - годы массовых арестов и репрессий неугодных «Отцу Народов» отдельных личностей и целых народов.

Этой теме и посвящена первая часть книги. В ней приводятся воспоминания участников и свидетелей тех событий, используются материалы архивно-следственных дел осужденных, рассказывается о судьбах не только репрессированных поляков, но и о судьбах их палачей - следователей и работников НКВД. Вторая часть книги носит относительно самостоятельный характер и посвящена другим периодам села Белосток. В ней рассказывается об истории основания села в конце XIX века переселенцами - католиками, дается повествование о судьбе сельского костела и польской

национальной школы, рассказывается о трагедии сельчан в период коллективизации, рассказывается о судьбах отдельных жителей села. И все же, говоря о сегодняшней жизни односельчан, вольно или невольно приходится каждый раз обращаться к тем трагическим событиям конца тридцатых годов, когда были уничтожены в застенках НКВД фактически все мужчины - поляки от восемнадцатилетних юношей до глубоких стариков. Все, что происходило с сибирскими поляками позже, было только закономерным результатом событий 1937-38 годов. Завершает книгу Мартиролог, состоящий из установленного в результате долгих поисков поименного списка жителей села, репрессированных в тридцатые годы.

Выражаю искреннюю благодарность всем, кто своими воспоминаниями помог восстановить многие страницы истории села и его жителей, всем, кто поделился профессиональными советами историка и журналиста, всем, кто оказал содействие в доступе к архивным документам КГБ и УВД. Одним словом, всем, кто помог в появлении на свет этой небольшой книжки.

Василий Ханевич

Белосток - Томск, 1993 г.

Часть первая

ТАК БЫЛО...

СВИДЕТЕЛИ И СВИДЕТЕЛЬСТВА.

Уводили тебя на рассвете,
За тобой, как на выносе, шла,
В тесной горнице плакали дети,
У божницы свеча оплыла.
На губах твоих холод иконки,
Смертный пот на челе...
Не забыть!

Анна Ахматова

Одной из самых черных страниц в истории моего родного Белостока стали 1937 и 1938 годы. О трагедии жителей села в эти печально известные годы узнал я, слушая воспоминания своих родителей, бабушек, соседей, односельчан. Позже многое позволили узнать прочитанные архивы КГБ.

1937 год для белостокских жителей начинался обычной чередой крестьянских забот, для большинства - второй год после коллективизации. Первый год колхозной жизни вроде бы прошел и не так плохо, как казалось по первости - получили неплохой урожай, от которого осталось кое-что и по трудодням. Думалось, что впереди уже не будет больше таких «страстей», что происходили в селе в марте-апреле 1935 года при создании колхоза. Однако, обстановка кругом говорила обратное. Все чаще стали приходить сообщения о «вредительской» деятельности и арестах органами НКВД людей известных и рядовых. Поползли тревожные слухи о росте арестов «по линии НКВД» в Кривошеинском районе. 13 августа 1937 года прошли первые аресты и в Белостоке. Пожалуй, неожиданностью стало лишь то, что в числе арестованных были люди известные и уважаемые начальством, еще вчера сами произносившие обвинительные речи против «врагов народа» на колхозных собраниях и в сельсовете.

Арестовали директора школы Червонного Петра Дмитриевича, председателя колхозного правления Дащука Василия

Александровича, а также учителя Борисовца Павла Ивановича, завхоза школы Карелина Николая Максимовича и двух колхозников: бригадира Михню Феликса и семидесятитрехлетнего старика Иоча Феликса Каземировича. Сын Червонного, Владимир, которому тогда было девять лет, о том времени рассказывал следующее:

- «Арестовали отца рано утром. Начали делать обыск и закончили только к обеду. Забрали два ружья, нож охотничий, много отцовских книг, переписку отца со своими родителями и сестрой из Польши. Сестра отца в городе Новогрудке вышла замуж за пожарника-офицера и прислала нам свадебную фотографию на память. И это фото забрали, очевидно, для доказательства связи отца с польскими офицерами... Отца увели, и больше мы его не видели и не знали о нем ничего. Только уже глубокой осенью к нам приехал сотрудник районного НКВД Кипервас и передал матери от отца записку. Этот сотрудник был известен нашей семье: несколько раз еще до ареста отца он останавливался у нас и отец приглашал его к себе обедать. Так, когда он принес записку, мама умоляла его рассказать что-то подробнее об отце. В ответ Кипервас сказал, что отца нашего осудили и будут отправлять в северные лагеря, для чего нужны теплые вещи и все остальное, что указано в записке».

Жене Червонного - Марии Осиповне, а затем сыну Владимиру удалось сохранить эту памятную записку, и мы можем прочитать ее дословно: *«Здравствуй дорогая Маруся! Я жив и здоров и чувствую себя, так как никогда хорошо. Но только хуже всего, что зима захватила меня в летнем платье. Отсюда будь добра вышли мне немного денег, хотя рублей 50, пимы, зимнюю шапку, рукавицы, свитер или полосатую майку и пока на первый случай мне хватит. Володе можешь переишить кой чего из моего платья и белья, а также, если у тебя нет денег, то продай мои часы или пальто, вообще можешь распоряжаться моей одеждой по усмотрению. Ну а пока всего хорошего, горячо тебя целую и детей. Твой Петя. 4/X! 36 г.»*

И на другой стороне листка короткая приписка: *«Посылку, деньги и письмо как живешь посылай по адресу: Колпашево. Окротдел НКВД. Червонному».*

Писав записку, Петр Дмитриевич допустил неточность, указав вместо 37 года год 36. Можно только предположить, в каком состоянии писались эти последние слова...

Виктория Васильевна Дащук об аресте своего отца написала в своем письме такие воспоминания: «Мне тогда было шесть лет, но кое-что я помню сама хорошо, а потом мама рассказывала. Мы, дети, были в тот день в детсаду, и вот мама наша, Мария Ивановна, пришла в садик вся в слезах и забрала нас раньше времени, привела домой. Это было где-то к вечеру. В доме было все перевернуто и

валялось на полу. Я только запомнила мамины слова о том, что и святую книжку (библию) и ту разорвали и бросили на пол. Кто производил арест, я не знаю. Рано утром мама пошла к сельсовету, где были еще арестованные. Была охрана. Спросила у отца: привести ли ей попрощаться нас - детей. На что он ответил, что очень еще рано и пусть спят. В то же утро их всех увезли, и мы не смогли увидеть своего отца в последний раз...

По воспоминаниям Зенчук /Иоч/ Зои Феликсовны, ее отец Иоч Феликс в день ареста «работал на колхозном поле, так за ним прямо в поле поехали и забрали, и даже домой не пустили переодеться. Сестра Франя пошла на следующий день в Кривошеино узнать, что с нашим батькой и только увидела баржу, битком набитую арестованными...».

Не была обойдена вниманием органов НКВД и соседняя деревня Вознесенка Белостокского сельсовета. Там был арестован Тимофей Лаврентьевич Князюк, который в недалеком прошлом был лишен избирательских прав и раскулачен. Как рассказывали, чуть позже арестовали сторожа колхоза «Имени 1 Мая» Ивана Осиповича Киселя. По воспоминаниям одного из старожил, аресту Киселя будто бы предшествовало следующее обстоятельство.

Сидел как-то Иван Осипович на завалинке с мужиками, ведя неторопливые о чем-то беседы, как увидели подъезжавшую к деревне машину - явление в то время в деревне редкостное. Переключился разговор на обсуждение достоинств автомобильного транспорта. Высказал, якобы, в том разговоре Иван Осипович свое желание хоть раз прокатиться на такой машине, а через несколько дней его и в самом деле увезли на машине в райцентр арестованным. Так сказать, мечта сбылась... Его дочь Мария об обстоятельствах ареста вспоминала следующее:

- Приехал уполномоченный из райцентра, милиционер. Маме сказали: - «Сядь и ни с места!» А чего рыли? Чего искали? Не было у нас ничего. Отец и читать-то не умел, неграмотный был. Мама ничего понять не могла, растерялась, не могла толком собрать отца в дорогу. Ей один милиционер из местных все подсказывал: - «Хозяйка, положи хозяину хлеб..., положи хозяину сало... Хозяйка, положи хозяину кружку...». «Когда отца забирали, у нас в хате все белье было постирано и сушилось на дворе. Отец ушел в чем-то очень старом, и мама до смерти простить себе этого не могла: - «В чем я его отправила! Знать бы, мокрое завернула бы, а там бы высушил, надел». Кабы знать! Меньшой брат, помню, бежит за отцом, плачет. Отец повернулся, говорит: - «Я скоро приду»...

По-разному воспринимали в селе первые аресты «по линии НКВД» 1937 года. Большинство жителей села к женам и детям первых «врагов народа» отнеслись с сочувствием и состраданием,

помогали, чем могли. И все же для членов семей арестованных настали тяжелые времена. Семью Червонного сразу же из школьного общежития выгнали, и они вынуждены были ютиться в одной из пустовавших избышек. Должно быть, из-за отсутствия учителей его жену сразу с работы не уволили, но большинство учителей из опасения как бы чего не вышло перестали с ней дружить и даже разговаривать. Один из семиклассников сильно избил сына Володю, и тот несколько месяцев проболел, не посещал школу. Весной сразу же после окончания учебного года они навсегда покинули Белосток.

Дащук Марию Ивановну после ареста мужа вызывали в сельсовет и сказали, чтобы она с детьми готовилась к ссылке. После таких предупреждений вся семья сушила сухари и каждый день, трясясь от страха, в течение нескольких месяцев ждали приговора. Однако его не случилось, и семья осталась на месте. Жена учителя П. И. Борисовца был родом из соседней Вознесенки и сразу же после ареста мужа перебралась к своим родителям. У завхоза Карелина детей не было. Жил он с женой на квартире у Дащук. Откуда они приехали в село - никто не знал, как никто не мог вспомнить и о дальнейшей судьбе жены Карелина. По воспоминаниям Любчик /Дащук В.В./, жена Карелина вскоре тоже была арестована. Точно же утверждать это она не может. Во всяком случае, она у них на квартире после ареста мужа уже не жила.

Но, все же, рассказывая о сочувствии и помощи несчастным женщинам со стороны большинства жителей, следует отметить, что были и такие, кто открыто в разговорах одобрял аресты односельчан, особенно в присутствии какого-нибудь начальства. Кто-то из них, должно быть, верил в разговоры о тайном вредительстве своих соседей и даже друзей, а кто верноподданическими словами надеялся отвести подобную беду от себя и своих семей. Бог им судья.

Как вспоминали старожилы села, подобным образом повел себя местный активист Иосиф Назарук. Работая продавцом сельпо, он всякий раз при встрече с женами арестованных не упускал случая напомнить им о мужьях - врагах народа. Неоднократно на собраниях и просто в разговорах заявлял, что «после ареста врагов народа в селе стало дышать легче». Но не зря народ говорит, что на несчастье других собственного благополучия не сохранишь. Не помогли Иосифу Назаруку принародные клятвы-заверения в любви к «Отцу Народов» и его любимому детищу - НКВД. 21 октября 1937 года пришли и за ним люди в форме...Одна из дочерей Иосифа, Мария, рассказывала:

«...Нас было семь человек детей. Когда арестовали отца, пришел председатель сельсовета Таткин и еще двое работников НКВД из Кривошеино. Один из них каким-то начальником был. Дали отцу

чай дома допить, правда, ему не до чая было, хотя начальник говорил, что в Кривошеино разберутся и отпустят назад. В доме устроили обыск. Забрали все паевые и страховые бумаги, облигации займов. Забрали даже наши новые школьные учебники, что отец нам на следующий учебный год купил, забрали бабушкину святую книжку. Хотели забрать иконы, но баба наша их не отдала. Забрали детекторное радио, сказав, что нам сейчас не положена такая роскошь. Перед уходом отец нам дал наказ помогать друг другу, не бросать и не обижать инвалида Стасика. Потом из Колпашева через райотдел отец прислал письмо с просьбой отправить ему смену белья. Мы отправили посылку с бельем также через райотдел, но ее вернули с пометкой «выбыл»...».

За день до ареста Назарука в Белостоке прошли аресты Лютого Ивана Михайловича, Грига Блажея Устиновича, Смолича Викентия Казимировича и бывшего учителя по труду сельской школы Мозжерина Василия Ивановича. Лютый Иван был в числе тех восьми белостокцев, кого еще в апреле 35 года при создании в селе колхоза судили показательным судом. Получил он тогда из всех восьмерых самый маленький срок - три года лагерей. Просидев в лагере из трех полученных лет всего тринадцать месяцев, за примерное поведение и ударный труд был досрочно освобожден домой. А дома через несколько месяцев опять под арест...

Смолич Викентий, 71-летний колхозник был из бывших раскулаченных спецпереселенцев, сосланных в 1929 году из-под Минска в Нарымский край. К моменту ареста проживал в Белостоке вдвоем с женой Схолей. Его старший сын Витольд, работавший в начале тридцатых годов секретарем сельсовета, уехал из села и устроился работать бухгалтером на заводе в Краснокамске. Уехала из родительского дома и младшая дочь Мария, выйдя замуж за школьного учителя Дутченко.

Арестованных - местного жителя Грига Блажея и учителя Мозжерина старожилы не припомнили, об обстоятельствах их ареста рассказать никто не смог. Узнать же о том, что они были арестованы тоже 20 октября, помогло только изучение архивов КГБ.

Последние два месяца 1937 года прошли для односельчан более-менее спокойно: больше из села работники районного НКВД никого не взяли. Должно быть, как и во всякой советской организации, работающей по плану, районное руководство НКВД подсчитывало итоги своей работы и, надо полагать, рапортовало в Нарымский окротдел НКВД о высоких показателях в работе. О том, что эти показатели были внушительными, можно судить на основании того, что в 1937 году были арестованы в Кривошеинском районе многие советские и партийные руководители «районного» и «местного» масштаба. Десятки учителей и служащих, колхозников и единоличников, бывших спецпереселенцев и «кристально чистых»

перед советской властью в этот страшный для всей страны год были расстреляны либо «планово переселены» в ГУЛАГ.

По данным исследования члена совета Томского общества «Мемориал», кандидата исторических наук Кузнецова И.Н., на 1937 год пришлось 62% всех репрессированных в 30-е годы на территории Томской области. Последующий 1938 год «поглотил» 10 процентов репрессированных. Из всех репрессированных в 37-38 годах 76% были приговорены к расстрелу; 17% - к 10 годам лагерей. Думается, что Кривошеинский район как средне-типичный район Томской области во всех отношениях не отклонился от этих показателей. Однако для Белостока 1937 год явился лишь «прелюдией» будущей трагедии большинства его жителей, произошедшей в начале следующего 1938 года.

14 января 1938 года в Белостоке вновь возобновились аресты. Арестовали Шимановского Тадеуша Викентьевича, Иоча Александра Каземировича, Пронского Станислава Ивановича и Мазюка Франца Михайловича.

Пронский в колхоз не вступил. Будучи хорошим столяром, работал по найму в райцентре, а затем устроился в Томске. Намеревался перевезти в город и семью, а пока изредка навещивался в село их навестить. В тот день, по воспоминаниям его детей, Станислав Пронский рано утром отправился на санях в город, но за ним снарядили погоню и догнали уже по дороге в Томск возле деревни Каличкино. Погоню снарядил председатель сельсовета Таткин, который, кстати, проживал на квартире у Пронских, ел и пил с их стола... Он прекрасно знал о том, когда выехал Пронский и по какой дороге.

Шимановский Тадеуш в свои 67 лет хозяйства своего и семьи не имел. Сторожил костел, питался тем, что люди сердобольные давали. Жил на квартире у Михня Веры Викентьевны, пустившей его к себе в хату на зиму пока муж находится на лесозаготовке в Ергайском леспромхозе. Ей и пришлось провожать его в неизвестность. Она поведала о том, что вечером ворвались к ней в дом председатель сельсовета Таткин и его помощник Толкачев, приказали старику собираться, а у него и вещей-то - одна сумка, на гвозде висела. Положила Вера Викентьевна в эту сумку кусок сала с хлебом и навсегда простилась со своим недолгим постояльцем.

Дочь Мазюка Франца, Анна /Роман/ лично сама обстоятельств ареста отца не видала, так как спала в это время на печке счастливым безмятежным сном четырехлетнего человечка, но из воспоминаний родных знает, что увезли ее отца из хаты в ночь на санях, а мать следом за лошадью бежать пыталась... Как выглядел отец, Анна Францевна не помнит, и фотографии нет посмотреть. Была одна единственная и ту при обыске забрали.

Делясь воспоминаниями об обстоятельствах ареста своих родных и близких, односельчане вспоминали разные подробности и детали, наиболее врезавшиеся в их память за долгие десятилетия. Только вот большинство из них путались в датах ареста, называя, как правило, только одно число - 12 февраля 1938 года. Очевидно, невольно люди свое личное горе и беду своей семьи не могли отделить от той огромной трагедии, что обрушилась на Белосток с вечера 11 февраля 38 года. Вот что запомнилось о том дне Агафье Ивановне Чиблис, в то время 17-летней девушке:

«...Как вспомню о том дне в 38 году, то и сейчас по спине холод... Зашла я в тот день утром как обычно в бригаду за заданием, а мне говорят: - «Ты сегодня будешь сельисполнителем и поступаешь в распоряжение сельсовета». Пошла туда. Сидит председатель сельсовета Таткин и командует - того позови, этого предупреди. И я бегаю. На посылках, одним словом. Вечером подъезжают к сельсовету милиционеров человек тридцать, одних кошевок семь штук. Меня со Шпарковичем Болеславом распрягать лошадей заставили и сена дать. Потом отправили за активистами. Пришли бригадиры - Белявский Вацлав и Маркиш Никодим, председатель колхоза Гелбутовский Марьян, кто-то из учителей... А потом начали мужиков под ружьем приводить. Альфонса Шпарковича привели, а он плачет и причитает: - «Ой, братцы, пустите, у меня жена недавно двойню принесла! Ей же помогать надо», а ему в ответ: - «Потом, потом...». Артиш Болеслав с кубометров приехал в тот день, днем еще сам в сельсовет выпимши заходил доложить, что приехал. Насилу его тогда из сельсовета домой вытолкали, а вечером уже под конвоем привели... Возят и возят мужиков, заведут в сельсовет, запишут что-то, посовещаются начальники между собой о чем-то. Отведут арестованных мужиков в народом под замок, а сами за другими... Я все тут же в сельсовете сижу, дрожу вся, а домой не отпускают /всю ночь до другого дня держали/. А потом и меня заставили с собой ехать понятой при арестах. Приехали до Ханевича Ипполита. Я в санях стою и реву, а мне Таткин: -«Что ты реवेशь? Так надо. Враги они». Милиционер хозяину: «Где оружие прячешь? А ну, показывай!» До Крапивца два раза ездили, но его дома не оказалось. Свекра моего будущего, Михню Осипа, прямо со складов забрали, где он кладовщиком работал. Привели его в старой рваной одежде. Он ко мне с просьбой: «Деточка, передай моим, чтобы хоть валенки передали». А один из милиционеров в ответ: «Будет еще она из-за вас, врагов народа, ноги бить! Она и так из-за вас тут устала, бегаючи...». Но я, конечно, на следующий день утром просьбу эту передала, и валенки принесла. Всю ночь мужиков водили. Привели моих дядьков - всех трех братьев Мазюков, а сын одного из них, Ипполита, Осип, тут же стоит в понятых и чуть не плачет. Ездили понятыми бригадир Белявский Вацлав и Маркиш Никодим, так они не только бумаги подписывали, но и искать

помогали, активность и рвение проявляли. Но, несмотря на это и их, в конце концов, забрали. И председателю колхоза Гелбутовскому Марьяну в конце с вопросом: «Так, а теперь покажите, где вы живете?» И его забрали... Под утро стало светать и такой вой по деревне пошел, что жутко стало. Слышу - моя мама голосит, а меня не пускают. Только когда уже всех мужиков натолкали в нардом, я стала не нужна и меня отпустили. Дома узнала, что деда моего Мазюка Михаила приходили забирать, а он больной на полке возле печки лежал. Но все равно подняли его и заставили из хаты выходить, а он упал возле калитки и стал умирать. Только тогда его оставили в покое....

Свидетельствует Диева /Ханевич/ Елена Фроловна: «В ту ночь всех мужиков в селе забирала. Я с дедушкой, Ханевич Осипом жила /отец умер еще в 1934 год/. Пришли к нам деда забирать два милиционера и Гелбутовский Марьян. У нас в хате ничего не было - только две лавки, стол да кровать с соломой, застеленная домотканной подстилкой. Нечего было забирать. Единственное, что забрали, так это дедов молитвенник и самого деда, в холщевом, без теплой одежды. А ведь он у нас старенький был. Бабушка у нас болела сильно - ноги сильно болели. Передвигаться она могла только с помощью табуретки. Деда увели, и мы с ней одни остались...».

Полина Ивановна Груздева /Онскуль/, также как и Ханевич Елена, жила сиротой у своего престарелого дедушки, Сенько Викентия Антоновича. Ее родители скоропостижно скончались в июне 1937 года от тифа, оставив старикам пятерых своих детей. Старшей Полине в апреле 1938 года исполнилось 14 лет, а младшей её сестренке - всего несколько месяцев, умерла в октябре 1937 года. И в эту сиротскую семью не забыли заглянуть «доблестные» чекисты в ту памятную для белостокцев ночь. Для Полины эта ночь запомнилась следующим образом: «Пришли к нам трое - председатель колхоза Гелбутовский Марьян Иванович и двое неизвестных, предъявили дедушке бумаги на арест и обыск. Обыск ничего не дал, после чего дедушке сказали одеться, и увели с собой. Была глубокая ночь, но до утра никто не мог уснуть, кроме маленьких. А когда наступило морозное сибирское утро, надо же было что-то узнать, куда-то бежать. Я первым делом побежала к своей крестной, Мазюк Мальвине Викентьевне. Муж ее, Франц Михайлович, добрейшей души человек был, работал в колхозе бригадиром, но в середине января 38 года был арестован органами... Рассказала я крестной свое горе. Вместе поплакали. Но мы не теряли веры, что дедушку отпустят, так как он был старый, больной, хромой. Всегда ходил с палочкой, а главное - ни в чем не виноват был. На обратном пути, когда возвращалась домой, в селе была неслыханная могильная тишина. Вернувшись к себе, я услышала

ржание и мычание не кормленных и не поеных коров и лошади. Корова стояла не доенная. И так было в каждом доме, всюду были слезы, боль, обида и недоумение - что могло случиться? За что такая кара на людей? Долго стояла такая не людская тишина в селе, а только мычание коров. Но потом стали выходить женщины и кормить скотину. Она была ни в чем не виновата...»

Иоч Владимиру Эдуардовичу, пятнадцатилетнему сироте и жившему у своего деда Иоча Мартина Матвеевича, все же в ту ночь, можно сказать, Господь отвел беду. Приходили и в их избушку милиционеры, стали деда с печи снимать, спрашивать что-то, а тот глухой - не понимает, что к чему. Слезать с печи сам не может. Так и не взяли, отступились...

Белявская Юзефа в ту ночь навсегда рассталась со своим мужем Антоном. О том, как это произошло, она поведала вот что: «Мы уже знали, что по деревне мужиков забирают. Я мужу со свекровью говорим, чтобы прятался, а он в ответ: - «Что я буду прятаться от своих людей? Будет хуже, если одного в отдельности от мужиков заберут». Сам стал собираться, связал узелок, лег на пол с сыном Мишкой и стал ждать. Приехал Таткин один и его забрал. Когда отправляли мужиков из деревни, я сумела к мужу подойти, а он меня отпихивает - боялся, что и меня заберут. Поцеловала его в последний раз. Губы у него были сильно просмолившие от такой беды...»

Ханевич Екатерина Яковлевна об аресте своего мужа рассказала так: «Ипполита уже в числе последних забрали в ту ночь. Он уезжал в леспромхоз на лесозаготовки и только - только вернулся. После возвращения даже дома дня не побыл. Забирали из дома один милиционер и еще кто-то. Арестовывали по какому-то списку. Поняла я это потому, что на постое у нас был учитель Башкиров. Так вот, когда милиционер зашел, то сразу спросил: - «Кто из вас учитель, а кто хозяин?» Башкиров сказал, что он учитель, а это хозяин. Хозяина моего и увели. Обыска не делали, кажется. Осталась я одна с 9 детьми. Старшие дети от первой мужниной жены были, а младшие уже наши общие... Старшему Станиславу было тогда 12 лет».

В семье Антона Ивановича Иоча также было 9 детей. Одной из них, Надежде, арест отца запомнился в таких подробностях: «Папу пришли арестовывать учитель наш Юклявский и еще кто-то. Мама больная в постели лежала, и подняться с кровати не могла. Она только что незадолго до этого дочь, сестренку нашу младшую родила. Стали спрашивать отца, с кем он переписывается и есть ли письма. Он ответил, что у него сын Антон в Томске, дочь Софья также в Томске в фармучилище учится, остальные дети все маленькие, а больше он ни с кем не переписывается. Спросили про облигации, стали их искать, даже у мамы подушку на кровати

подняли. А потом позволили отцу наскоро взять чашку с ложкой да пару чистого белья и увели. Только после мы спохватились, что отец ушел в старой фуфайке и совсем голодный. Вот мама и говорит мне: Доченька, возьми кусок сала да полушубок и отнеси к отцу, попроси передать». Взяла я все это и к нардому побежала, а к нему даже близко не подпускают, стою и плачу. Но вот вижу, что отца из сельсовета, где его, должно быть, обыскивали и допрашивали, ведут в нардом. Бросилась я к нему, но меня один из конвоиров так пнул, что как мячик в сторону отлетела, но все же передать полушубок и сумочку с салом я сумела. Крикнул мне тогда отец, чтобы слушалась мать и училась. Вот и все. А на утро раненько побежала опять к нардому, чтобы увидеть, как будут уводить арестованных. Много уже баб с детьми собралось, ждут, а военные стреляют вверх, для того чтобы нас отпугнуть. Провожали мы колонну арестованных аж за поскотину деревни...».

Не прошла та ночь без слез при насильном расставании и для моей бабушки, Пилевич Степаниды Романовны, увели из хаты не только мужа, Берната, но и отца Романа и трех его братьев. Из событий морозного и холодного утра 12 февраля ей запомнилось следующее: «Когда мужиков из деревни угоняли, дядька мой - Стась, в санях сидел так как хромым был и пешим ходить быстро не мог. Увидел он меня и крикнул: «Не плачь, племянница, мы скоро вернемся, не виноватые мы...» Еще и песни петь стал. Никого близко к мужикам не подпускали. Помню, как жена Попова Трофима, Ганефа, захотела проститься с мужем и кинулась к нему, так ей конвойный как дал бичом и еще конем переехал. Володя, брат мой, побежал сумку отцу передать и смог передать. Его никто не ударил...».

Другого моего деда - Ханевича Василия, как рассказывал отец, арестовали не дома, а по дороге в Кривошеино. Он в этот день шел пешком в район «хлопотать» бумаги о разрешении выехать на жительство в поселок Самусь под Томском. Ехавший навстречу в кошелке председатель Таткин, поинтересовался маршрутом деда, а когда узнал о том, что тот идет к начальству разрешение подписывать, заявил: «Садись в кошевку и поедешь назад. Начальство следом едет в Белосток и на месте тебе подпишет все твои бумаги». Привезя в село, его долго держали в сельсовете и только к вечеру объявили, что арестован и повели домой делать обыск. Так ли это было на самом деле, точно сказать трудно, так как отец сам этого не видел и не помнит, а только слышал от людей. Сам он лично запомнил лишь то, что отец перед уходом отдал ему из кармана всю мелочь.

Сестра моего деда, Агнеша /Шумская/, поведала об аресте своего брата и отца, Ханевича Ивана Михайловича так, как видела сама: «Днем в тот день наши были дома. Видят из окна, что Вацлава /так в деревне звали деда - Х. В./ повезли мимо в кошевке прямо к

сельсовету. Сразу решили, что его арестовали. Конечно, все здорово перепугались и растерялись. Не знают, что делать, как ему помочь. Схватила тогда мама два ружья, что висели на стене, и бегом в сеновал их прятать... Сидим, ждем, что придут с обыском, а никто не идет. Отправили тогда младшего брата Стасика отнести обед Вацлаву. Пришел он в сельсовет, а председатель Таткин говорит, что Вацлав не арестован, а привлечен только как сельисполнитель и поэтому может спокойно идти домой обедать. Пообедал брат дома и опять вернулся в сельсовет. Не знаю, что он там делал, но только к вечеру вваливаются в хату несколько человек. Один из военных сказал, что Вацлав арестован и будут делать обыск, а затем сразу же к матери: «А ну, баба, иди-ка на сеновал и принеси два ружья, что спрятала, нам все известно». По всему видно, что когда мама прятала эти злосчастные ружья, то за этим делом заметил её один из уполномоченных, что у нас был на постое. Много их тогда разъезжало по всяким надобностям, и председатель сельсовета обычно ночевать и обедать отправлял к нам. Принесла мама ружья и отдала. Больше обыск делать не стали, сказали одеваться тате, и увели его также в сельсовет. Правда, отец через несколько дней вернулся из Колпашево, а Вацлав так и с концом...».

Не только жители Белостока в тот день пережили трагедию насильственного расставания со своими родными и близкими, но и некоторые из жителей близлежащих деревень белостокского сельсовета. В деревне Георгиевке из поляков жил только Мархель Игнат Игнатьевич. Его одного и арестовали. По воспоминаниям его односельчанина Бембеля Анатолия, команду арестовать Мархеля дали председателю Римше Григорию. Но Мархеля на тот момент в деревне не было - поехал в село Монастырское зерно молотить. Так его Римша в дороге перехватил и не дав даже домой заехать переодеться, сразу же в Белосток вместе с лошадью привез. Лошадь потом жена Игната из Белостока сама домой пригнала. В Ново-Андреевке арестовали председателя колхоза Бутына Петра Францевича. Сын Николай отца не запомнил из-за своего малолетства - всего два годика было, но по рассказам матери знает, что когда отца забирать пришли, он сильно заплакал, испугавшись чужого дяди в черной шинели. Когда ему дали поиграть отцову гармошку, то тотчас успокоился.

Станиславу Михайловичу Артишу, уроженцу деревни Вознесенка, судьба выпала быть свидетелем ареста не только своего отца в Вознесенке, но и родственников в Белостоке: «Я в то время еще пацаном был, но хорошо помню как все происходило... В феврале 1938 года ночью к нам в дом пришли три или четыре человека. Один из них был с наганом, хотя все были без формы. Пришли забирать отца. Сделали обыск. Искали что-то в книгах, учебниках, а после их бросали, топтались по ним. Ничего не нашли,

но отца увели с собой... Когда отец еще был в Ергайском леспромхозе на лесозаготовках, там ему заранее кто-то сказал, что его должны забрать, и чтоб он ехал домой в деревню... После приезда он еще с неделю дома пожить успел. Так вот, после ареста отца, побежал я утром в Белосток, куда отца увезли, чтобы передать ему штаны поновее. Прибежал, а никого не пускают и ничего передать не позволяют. Весь клуб или, как его называли в народе, народом милицией оцеплен. Не пустили меня, и штаны не взяли. Пошел я ночевать к своему дяде, Артищу Ивану Христофоровичу. Он на краю села жил. А вечером пришли и в дом к дяде Ивану. Дядя в это время кухонным ножом крошил табак на маленькой скамеечке. Милиционеры, как увидели в руках у него нож, повыхватывали свои наганы и кричат ему: - «Брось нож!» А это был не нож, одно название... Бросил он его в угол. Был ли обыск в доме, я не видел, так как испугался, убежал с испугу в другую комнату, спрятался под одеяло и не выглядывал. В доме поднялся плач. Плакали дядина жена Винтя, дочь ее Станислава, да маленький внук Толик. Дядю увели тоже в народ... Забирали тогда по всему Белостоку. Говорили, что забрали мужиков почти из каждого дома, человек около ста. Милиционеров и энкэвэдэшников не хватало, так им в помощь, якобы, были мобилизованы деревенские активисты и комсомольцы. Один сын дяди, Франц, тоже как комсомолец был мобилизован помогать односельчанам забирать, а другого его сына Ивана вместе с отцом забрали. Больше я к народу из-за страха и не пытался подходить и штаны отцу не передал. Вернулся в Вознесенку. Через несколько дней из Вознесенки тоже несколько мужиков из поляков арестовали: братьев Гавриила и Осипа Левко, Людвиг Лайко и еще кого-то...».

Дополнила воспоминания Артиша С. М. его сродная сестра Черкашина /Артиш/ Зоя Ивановна, проживавшая до 1939 года в Белостоке: «В тот день, когда мужиков забирали, мы на полях молотили. Затемно уже было, а тут такое... Брату Ивану мама говорила, что надо прятаться, но он не послушался. Увели его и отца увели. Пойду я в сельсовет и плачу, плачу, а Таткин /доводился родственником Зое Ивановне - прим. В. Х./ мне: «Не реви, вернется твой отец». И верно. Через несколько дней вернулся брат Франц, конвоировавший этап, но нам ничего не говорил. Недели через две вернулся и отец, который также молчал о том, где остальные. Брата Ивана мы так и не дождались...».

Следует сказать, что сам Франц Иванович в своем письме-воспоминании факт своего невольного участия в конвоировании этапа арестованных категорически отрицает, говоря, что действительно «брали всех мужчин подряд в каждом доме. Милиции было много, но её не хватало. В помощь брали председателя сельсовета, секретаря и в понятия несколько местных мужиков, но

комсомольцев, молодежь не приглашали... Может быть, не доверяли, даже не разрешали наблюдать за их действиями, прогоняли...».

Мария Ивановна Лайко /Кисель/, жена Адама Лайко, при аресте мужа не присутствовала, в отличие от ареста отца в 37 году, по причине его ареста не дома в Вознесенке. По её словам, муж в колхоз поступать отказался. Пытался трудиться единолично, но достатка уже не было. Поехал на заработки в Красный Яр и устроился работать в бондарном цехе. Там его и арестовали. Узнала об этом Мария Ивановна только через полгода, обеспокоенная долгим отсутствием мужа. Поехать в рабочий поселок сама не могла: на руках две дочки малые да хозяйство, «какое-никакое». Стала интересоваться о муже в милиции, где ей сообщили, что он осужден как враг народа без права свиданий и переписки. Других более конкретных сведений ей не посчитали нужным сказать.

Делясь своими воспоминаниями о той незабываемой февральской ночи, некоторые односельчане говорили о том, что после нее не осталось в Белостоке ни одного взрослого мужчины, а, следовательно, и арестов больше не было. В этом отношении они не точны. После арестов в ночь с 11 на 12 февраля кое-кого из мужчин тогда не тронули, некоторые находились на лесозаготовках или еще где-нибудь. Одним словом, Бог миловал. Некоторым казалось, что надолго. Но еще не все жители отошли от шока, полученного в результате настоящей облавы, устроенной НКВД на мужчин-поляков в селе, еще не высохли детские и женские слезы по своим уведенным мужьям и отцам, как через четыре дня после той роковой ночи, 16 февраля днем работники НКВД приехали в село «подчищать» оставшихся поляков. Арестовали 15 человек и повезли в Кривошеино к основному этапу арестованных.

Но даже после этого группового ареста 16 февраля 1938 года, в селе из поляков осталось несколько взрослых мужчин: Шумский Августин, ставший председателем колхоза, счетовод Мазюк Осип, да единоличник Василий Крапивец. Последний избежал ареста просто потому, что послушал совета своей жены и спрятался во время арестов в малинник своего огорода. Дважды за ним приезжали, но не могли найти. Так и спасся. Больше после февральской ночи за ним не приходили. Правде, через несколько дней после арестов председатель сельсовета Таткин заметил ему при встрече, что «не очень-то и хотели его, дескать, в ту ночь забирать, если нужен был бы - под землей нашли бы». Не арестованы были Рудковский Михаил, Михня Осип Осипович и еще несколько человек потому, что всю зиму находились на лесозаготовках и в селе отсутствовали. Одним словом, избежавших ареста мужчин из Белостока можно было пересчитать по пальцам одной руки...

Вот так, в несколько «захватов» были арестованы белостокские поляки. Практически, в каждом доме, в каждой семье побывали «верные стражи» социализма, уводя в неизвестность мужа, брата, сына, отца..., оставляя после себя неизбывное горе на много лет вперед. И еще оставляли эти «дяди с ружьем» после себя, пожалуй, единственный на всех вопрос: - «За что арестовали, в чем провинились?»

Провожая этап арестованных за деревенской поскотиной, каждая их женщин, наверное, думала, что ее мужа /отца, брата, жениха/ арестовали по ошибке и скоро отпустят. И все же... И все же, уже наученные горьким опытом предшествующих лет, свидетельствующим, что советское правосудие не столько судит, сколько карает, и зачастую не только действительно виноватых, некоторые деревенские женщины своим практическим крестьянским умом прикидывали, как прокормить семью до возвращения мужа, во что одеть и обуть... Мужчины же, сразу после ареста, еще до решения суда или каких-то других решений, в глазах охранников, разнокалиберного начальства, да и немалого количества простого народа из «равноправных граждан самого равноправного государства» автоматически превращались во врагов народа, спецконтингент и прочих «контриков».

Трудно сейчас сказать, что думали про себя люди, встречающие на своем пути этап арестованных белостокцев и других, что двигался до Кривошеино и затем далее до Колпашево. Для жителя деревни Тайлашевки Огнева Григория Павловича, в то время всего лишь восьмилетнего ученика Пудовской сельской школы сомнения в правильности ареста возникли сразу же, как только он их увидел. Вот что он об этом написал в своем письме: «Школа наша стояла у дороги, которая вела из села Белосток. Так вот, по этой дороге в феврале месяце 1938 года гнали людей под конвоем. Партия арестованных была примерно около 70-80 человек. Кругом были конвойные из милиции и НКВД. Когда их вели возле школы, мы, ученики, повыскакивали из-за парт и смотрели на них через окно. Тогда учительница Милица Изотовна сказала нам, что это враги народа из Белостока и нечего на них глазеть. А я подумал тогда про себя: какие же они враги народа, когда были обуты в лапти и подпоясаны веревками...».

Антону Михайловичу Рутковскому тот роковой этап повстречался по дороге возле Ново-Александровки, когда возвращался он на лошади из Кривошеино. Скомандовали тогда военные Антону отвернуть лошадь от дороги в сторону и самому отвернуться. Но все же узнал он в том этапе своих белостокских мужиков. Потемнело у него в глазах и не помнил, как лошадь сама вышла на дорогу и рысцой побежала домой. Пришел в себя, когда уже подъезжал к родной деревне. Приехав, рассказал увиденное

жене, сам узнал подробности арестов в селе. Вместе поблагодарили Бога, не допустил он горя в их хату! Но 16 февраля днем пришли и за ним. Хотел Антон спрятаться, да поздно было... В Кривошеино его присоединили к основной массе арестованных ранее.

Удалось увидеть своих отцов среди этапа арестованных возле Колпашево также несколькими белостокским девчонкам, учившемся в то время в Колпашевском педучилище. Одна из них, Арещенко /Иоч/ Мария Антоновна поведала: «И вот, когда мы уже учились на втором курсе, в 38 году в один из зимних дней кто-то из белостокских девчат /учились - Артиш Виктория, Гелбутовская Альбина, Дулинец Анна и Петр, Лайко Мария с Вознесенки / по дороге от педучилища до города встретили большой этап заключенных. Они тогда часто встречались нам по дороге. отошли девчонки в сторону и узнали среди арестованных своих отцов... Сказали, что и мой тата там был. И отцы их тоже увидели и кричали: не плачьте, доченьки, не плачьте. Разберутся, разберутся!

Когда узнали, что родителей арестовали, сразу же пошли и рассказали все своей классной руководительнице Анастасии Ивановне Ивановой, та сообщила директору училища. Директор нас вызвал, выслушал, а потом сказал, чтобы мы шли и учились, а там видно будет. Завуча у нас в училище тоже забрали. Очень он хороший человек был, деньги давал, если нам жить не на что было... А потом, через некоторое время к нам в общежитие пришел отец Артиш Виктории - Иван Христофорович, отпущенный из Колпашевской тюрьмы. Сказал, что его уже допрашивали, а моего отца ещё вроде нет. Он у нас в общежитии даже переночевать не остался, сразу ушел. Ждала я, что и моего отца отпустят, да не дождалась...».

Да. Из арестованных в феврале тридцать восьмого и этапированных в Колпашево часть белостокцев вскоре была освобождена и вернулась домой. Через несколько дней после доставки арестованных в окружной городок были отпущены на свободу старики преклонного возраста: братья Осип и Иван Ханевичи, Шуть Филипп. Старшему из них - Ханевичу Осипу Михайловичу, было в то время под девяносто лет, он умер в 1952 году в возрасте 104 лет.

Выставленные за ворота тюрьмы без куска хлеба и сносной зимней одежды, они около двух недель добирались до родных мест, прося по дороге подаяния у сердобольных людей. По рассказам внучки Осипа Ханевича, Елены Фроловны, пришли старики в Кривошеино к матери Елены страшно истощенными. Немного отдохнули, поели /невестка Осипа Михайловича работала в столовой/ и опять пошли уже до своих хат. Трудным было это возвращение для них не только из-за старческой немощи: оставались

за решеткой их сыновья и зятя, и они не знали, что сказать своим невесткам, внукам.

Как рассказывали, Мазюка Ивана, которого в селе звали по кличке «Пустой лавочник», из села большого забирали: завернули в одеяло и бросили в сани. В Колпашеве он будто бы сразу попал в тюремную больницу и пролежал там до лета. В июне месяце он был освобожден, вернулся домой и вскоре умер.

Из молодых возвратились домой: Кисель Александр Павлович, ставший правой рукой председателя колхоза Шумского Августина, Шведко Степан Казимирович, Грик Флерьян Семенович. Освободили из колпашевской тюрьмы также Киселя Ивана Фомича, причем при таких обстоятельствах, которые не давали ему вплоть до своей смерти в 1982 году с полной уверенностью судить о том: отпустили его официально или он убежал из-под расстрела. Лично сам он мне о событиях своего ареста и загадочного освобождения, как, впрочем, и о всех событиях 37-38 годов, не рассказывал, хотя был мужем моей бабушки Степаниды, а мне с братьями добрым и любимым дедом. Узнал я о том, что дед Фомич в 38 году был также арестован, но вскоре оказался на свободе, только после его смерти со слов бабушки.

Надо отметить, что в целом вся история с «возвращенцами» оказалась наиболее сложной для изучения. Сложна по разным причинам. Сложна уже тем, что люди, будучи арестованными, вместе со всеми, а затем освобожденные по непонятным для себя причинам, старались этот факт своей биографии всячески вычеркнуть из своей памяти и памяти своих близких. На то были разные причины: во-первых, всем просто хотелось жить и не попасть вновь туда, откуда чудом выбрались. Во-вторых, некоторые из жителей села склонны были видеть в возвратившихся предателей, «купивших» себе свободу путем оговора всех остальных. Поводом для такого нелепого утверждения, очевидно, были неоднократные пьяные угрозы бригадира Киселя Александра некоторым женщинам отправить их туда, где и их мужья. И уж он-то знает, дескать, как это делается...

Неясен и сейчас еще вопрос о количестве возвратившихся из Колпашево. Односельчане называли фамилии и имена разных людей. В результате опроса нескольких десятков старожилов, записей их воспоминаний, удалось установить имена и фамилии 17 белостокцев, подвергшихся в 38 году аресту органами НКВД, но впоследствии отпущенных без последствий домой. Естественно, было огромное желание хоть с кем-то из них встретиться, поговорить. Хотелось узнать обстоятельства их ареста и освобождения от них лично, а не в пересказе. Но сделать это оказалось чрезвычайно сложно: прошло пятьдесят лет, одни умерли по старости, другие погибли на фронте или в трудармии.

И все же в результате поисков выяснилось, что двое из семнадцати человек еще живы, а один живет в Томске и мне хорошо знаком. Это был Шумский Павел Адольфович, 1920 года рождения, бывший фронтовик. К моменту моего разговора с ним в октябре 1988 года он уже был неизлечимо болен, парализация мешала говорить. И все же при моем приходе он не ушел от разговора, сам без просьбы заговорил на интересующую меня тему. С трудом собирая непослушным языком слова в предложения, рассказал следующее: «12 февраля в Белостоке настоящая облава была. Забрали тогда шестьдесят восемь человек, согнали к нардому и заперли, а потом пешком погнали в Кривошеино. 16 февраля, уже днем милиция ходила по домам и арестовывала последних оставшихся в селе мужиков и парней. Вот тогда и меня в числе последних взяли. Сколько было арестовано со мною не помню, но всего за два дня забрали, кажется, восемьдесят восемь человек. В деревне осталось всего три взрослых мужика из поляков. Из Белостока нас пешком в сопровождении конного конвоя погнали до Кривошеино. Там также заперли в клубе. Из других деревень тоже пригоняли... Собрали этап в количестве двести сорок одного человека и пешком дальше, по замерзшей реке до Колпашево гнали, как скот. Некоторые мужики плохо одеты были, мерзли сильно, так их на сопровождающие несколько подвод сваливали... В Колпашево загнали в большой деревянный дом и растолкали по камерам. Народа в камерах битком было. Вызывали на допрос. Хотели, насколько я понял, предъявить обвинение в краже подшипников к трактору, так как я был подручным у тракториста. О чем был разговор у следователя рассказывать в камере запрещали. А через восемь суток меня и еще двух сельчан - Зенчука Антона и Матешу Антона привели к следователю, и он сказал, что мы свободны и можем отправляться домой. Но если будем болтать о том, что здесь видели и слышали, то нас заберут снова и уже так легко мы не отделаемся...».

Так и молчал Павел Адольфович целых пятьдесят лет, но только и здесь в своем воспоминании умолчал о том, давал ли он какие-либо показания на своих односельчан, и тем самым, так сказать, «облегчил» свою участь или же от него таких показаний не требовалось. Даже если такое и было, то кто бы мог за это осудить? Ведь за последнее время мы из печати узнали многое о способах получения «признательных» показаний на себя и на своих близких людей у арестованных органами НКВД.

Думалось, что архивы КГБ смогут дать ответ на этот непростой вопрос, однако знакомство с архивно-следственными делами осужденных белостокцев по-прежнему не позволяет с полной уверенностью ответить на вопрос: почему и за что эти люди были освобождены, в то время как другие, точно такие же

безвинные, продолжали сидеть, а потом сгинули навсегда? Пока на этот вопрос ответа не найдено. Можно только строить предположения, от которых до настоящей правды может быть очень далеко.

Следует заметить, что трагедия белостокцев не ограничилась лишь только границами села. Ведь к концу 30-х годов многие односельчане, спасаясь от коллективизации, произвола местных властей, в поисках лучшей доли покинули родные места. Жизнь разбросала их по разным городам и весям, но судьба поляков везде была одинаковой и ничем не отличалась от судьбы моих земляков. Не желая вступать в колхоз, уехала искать лучшей доли в далекие кубанские земли целая группа односельчан - братья Викентий и Антон Михня со своими взрослыми и малыми детьми, их сестра Юзефа с мужем Уцином Егором, братья Иван и Виктор Назаруки с семьями да Кривда Михаил. Братья Михни после многочисленных мытарств осели, наконец, в городе Шахты Ростовской области и устроились работать на шахту. Получили комнатку в бараке. Собирались долго и счастливо жить..., но 26 февраля 1938 года люди в форме зашли в их барачную комнатенку.

По воспоминаниям сына Михни Антона Венедиктовича - Антона, его мать ходила к зданию городского НКВД узнать о муже. Передачу тогда у нее взяли, а встречу не разрешили. Однако свидание все же произошло: арестованный Антон её как-то увидел через зарешеченное окно и даже сумел свою рубашку выбросить. Развернула дома Тофила эту рубашку, а она вся черная от крови... Когда же второй раз понесла она передачу мужу, то её уже не взяли, сказав, что арестованный выбыл. Куда выбыл, конечно, не ответили. И только в 1990 году из ответа Ростовского КГБ стало известно, что братья Михни были расстреляны 14 сентября 1938 года «за принадлежность к контрреволюционной националистической организации». В 1960 году посмертно реабилитированы военным трибуналом Северо-Кавказского военного округа. Подобная участь постигла там же их свояка Уцина Егора и Кривду Михаила. Где-то в Азово-Черноморском крае также были расстреляны братья Назаруки. Михни вскоре после арестов глав семей возвратились в Белосток.

Пришлось вернуться в Белосток также и Смолич Марии Викентьевне из села Колывань Новосибирской области, куда уезжала с мужем на его новое место работы. О причинах возвращения она рассказала следующее: «Семья наша была спецпереселенческая из раскулаченных. Сослали в Нарымский край. Помыкавшись, осели в Белостоке, стали понемножку обживаться. Я вышла замуж за учителя белостокской школы Дутченко Ивана Спиридоновича. Он у нас в школе преподавал русский и литературу, а я в школе ученицей была и всего-то его на четыре года моложе...

«Прогремели» мы тогда со своей любовью. Ивана из комсомола исключили и мы, поженившись, уехали от пересудов в Колывань, что недалеко от Новосибирска. Муж так же стал работать учителем в средней школе, вечером учил взрослых, среди которых были и работники НКВД. Старший мой брат, Витольд, также как и я, в тридцать четвертом году уехал из Белостока в Пермскую область и устроился работать главным бухгалтером механического завода Камского бумкомбината, но потом его понизили до заместителя главбуха. А вскоре я получила письмо от сестры Ванды. Она написала о том, что брата арестовали 7 августа тридцать седьмого года по «линии НКВД». Осенью этого же года из письма мамы узнали, что в Белостоке 21 октября арестовали отца и некоторых других жителей, в том числе директора школы Червонного, где работал муж. Чувствовалось, что и над ним начали сгущаться тучи. 10 января 1938 года приходит муж домой и говорит, что вызывали его в отделение НКВД и спрашивали, работал ли он в Белостоке и знает ли Червонного и Хвалько. Муж ответил, что знает, так как вместе с ними работал в школе. В ответ ему заявили, что Червонный и Хвалько перебежчики из Польши и оказались врагами и ты, дескать, с ними связан. Посидел муж тогда немного дома, а затем в тот же день сам вновь ушел в НКВД и больше не вернулся. На следующий день ко мне на квартиру приехали делать обыск. Все перевернули. Забрали все книги, а их у мужа было очень много, забрали ружье, все облигации, деньги, фотографии; погрузили все на сани и увезли. Оставила я маленькую дочь с хозяйкой квартиры, а сама следом за ними в НКВД узнать о муже. Подбежала я к зданию, а туту как раз Ивана Спиридоновича ведут из тюрьмы. Крикнула я ему, что у нас делали обыск и все забрали. Хотела передать ему перчатки, но конвоировавшие его милиционеры, кстати, бывшие его ученики и меня хорошо знавшие, даже близко не подпустили. Все же я эти перчатки бросила на лестницу, и муж их подобрал. Через несколько дней передали мне записку от мужа из тюрьмы. Он сообщил, что его переводят в Колываньский лагерь и чтоб я берегла детей. Взяла я это письмо и пошла к начальнику НКВД с жалобой и просьбой узнать подробности о муже. Вернули мне 270 рублей, облигации, а фотографии и книги - нет. Позже я слышала, что и начальника того арестовали. После ареста Ивана Спиридоновича все знакомые сразу же отвернулись от меня, знакомые милиционеры не разговаривали, школа отказывалась платить за квартиру. Жить в таких условиях стало невозможно, и я вернулась в Белосток. Вот тогда узнала подробности об аресте отца и других белостокских мужиков. Всех забрали. Даже Шуть Антона забрали, хотя он с «большим приветом» был. Дурака по «линии НКВД» загребли. Бабы потом горько шутили между собой: - «Уж политик так политик был Шуть Антон...».

Для учителей Хвалько Константина Ивановича и Бека Алексея Ивановича наш Белосток не был длительным местом жительства. Хвалько, проработав заведующим белостокской школой два года, был переведен учителем в Кривошеино. Учителя немецкого языка Бека после работы в селе с 1933 по 1935 год преподавательская судьба забросила в Колпашево, где он также преподавал иностранный язык в средней школе. И все же Белосток в их судьбе, надо полагать, не был лишь эпизодом их учительской кочевой жизни: Хвалько женился на местной девушке из соседней деревни Вознесенка, где до Белостока учительствовал. Нашел свое семейное счастье и Алексей Бек, пятидесятилетний одинокий уроженец Варшавы. В Белостоке познакомился и женился на некой Соколовской Елене Антоновне из семьи репрессированного священника. Родилась маленькая дочурка. Впереди была, как думалось, спокойная семейная старость, а этого не произошло. Осенью 1937 года Бек и Хвалько были арестованы.

Немало жителей Белостока, покидая село, оседало в городе Томске. Однако город не стал спасением от арестов для Пронского Сигизмунда, Баха Павла, Мазюка Семена. Все они, как и многие другие жители города, были репрессированы. В отношении же одного из белостокцев, ставшего горожанином в 1936 году, судьба, можно сказать, смилостивилась. Речь идет о Мазюке Валерии Ипполитовиче. Рассказывая о прошлом, он признался, что в 1938 году тоже был арестован и препровожден в подвал горотдела НКВД. Но через сутки его почему-то освободили. Те сутки неволи запомнил Валерий Ипполитович на всю жизнь... До самой своей смерти был убежден в том, что тогда, в тридцать восьмом году, спас его член бюро горкома партии, начальник автобазы городского элеватора Петченко, якобы заступившийся за своего лучшего шофера.

Кроме Томска было еще одно место, куда до коллективизации уехало несколько семей белостокцев на постоянное место жительства. Речь идет о поселках Осиновка, Никифоровка, Александровка Кожевниковского района. По сравнению с нарымскими условиями, эти места были более благоприятными для занятий земледелием, там хорошо родила пшеница. К тому же, в тех местах также жило много поляков. С тех мест часто приезжали свататься к белостокским девушкам.

Еще до коллективизации в деревню Никифоровку переехал Грик Иосиф Августович, сюда же вышла замуж Пилевич Мальвина за Лекаревич Клементия, в 1933 году из Белостока переехал в эти места Дащук Петр с семьей. Были и другие переселенцы. Однако долго самостоятельно похозяйствовать на новых землях им не пришлось - началась коллективизация, а затем аресты работниками милиции и НКВД.

Дочь Дащука Петра, Екатерина Петровна, рассказывала, что ее отец, работая председателем ревизионной комиссии колхоза имени Тельмана, 12 февраля 1938 года поехал с отчетом в Кожевниково. Возвращаясь назад вечером в деревню, по пути зашел на огонек в сельсовет и там сразу же был арестован. Больше его семья не видела и не знала о нем ничего до 1958 года. После реабилитации жена Петра Александровича получила свидетельство о его смерти, якобы, в 1945 году от сердечной недостаточности в местах заключения города Омска. Сама жена Дащука Петра, Анна Осиповна, при нашей встрече 1 марта 1990 сказала, что дети ее в пятьдесят восьмом году «выхлопотали» для нее за мужа пенсию в размере семи рублей, которую недавно повысили до четырнадцати рублей в месяц. В отношении пенсии Анна Осиповна сказала, что ей очень повезло. Объяснила, что еще в 1958 году в Собесе предложили ей самой выбирать: получать за мужа единовременное пособие в размере семисот пятидесяти рубле или пожизненно получать пенсию в семь рублей. Она выбрала тогда пенсию и не жалеет, потому что за прошедшие 32 года получила значительно больше предложенного ранее пособия...

В небольшой деревушке Никифоровке живших там поляков арестовывали таким образом: им через председателя сельсовета объявили, что необходимо собраться в сельсовете с ружьями для участия в каких-то учениях. Когда мужики собрались, им предложили ружья поставить в угол, а затем объявили, что все они арестованы. Среди арестованных были Лекаревич Клементий и его братья - Иван, Эдуард и Феликс. Видел всю эту процедуру ареста сын Клементия - Александр, в то время пацан, увязавшийся идти вместе с отцом на «учения» в сельсовет. Впоследствии, жена Лекаревича Клементия, Мальвина, не выдержав издевательств местных жителей, в 1942 году вместе с детьми перебралась на свою родину в Белосток.

В настоящее время известны имена двадцати двух уроженцев и жителей Белостока, покинувших село до 1937 года и впоследствии репрессированных на новых местах жительства. Однако уже сейчас можно сказать, что список этот далеко не окончательный. Многие из белостокцев, не желая вступать в колхоз, навсегда уехали из родных мест и больше сюда не возвращались. Вполне возможно, что кто-то из них также разделил судьбу своих земляков. Ведь судьба белостокцев тридцатых годов не уникальна - это типичная судьба многих и многих тысяч поляков, живших в СССР в те незабываемые годы. Подавляющее большинство из них были репрессированы только за то, что были поляками, носили польские фамилии и имена. Все они стали жертвами польского геноцида со стороны Советской власти. Об этом говорят изученные архивные материалы на многих репрессированных поляков, проживавших на территории

Нарымского края, Томской области, Западной Сибири. Об этом поведали воспоминания моих земляков, жителей Белостока. Однако долгим, очень долгим был путь, что пришлось пройти всем нам, прежде чем они смогли без боязни рассказать о пережитом.

НАКАЗАНИЕ УМОЛЧАНИЕМ ИЛИ ДОЛГАЯ ДОРОГА К ПРАВДЕ

Забыть, забыть велят безмолвно
Хотят в забвенье утопить
Живую боль. И чтобы волны
Над ней сомкнулись.
Боль забыть!

Александр Твардовский

После насильственного расставания с арестованными, должно быть, у каждой женщины к вопросу «за что арестовали?» прибавился вопрос: «Где он? Что с ним?» Ответы на эти вопросы затянулись на пятьдесят лет.

Сразу после арестов мужчин Белостока никто из родственников в селе не получил хоть каких-то разъяснений о судьбе арестованных, о результатах расследования на суде. Сказано было для всех одно и то же - мол, осуждены на десять лет без права переписки и отправлены в дальние лагеря. Не знали еще тогда, что стоит за этими словами работников НКВД. Верили женщины этим заявлениям. А что оставалось делать? И ждали. Ох, как ждали все эти длинные черные годы, надеялись на возвращение близких и дорогих людей. Когда же прошли эти такие долгие десять лет, рассудив, что срок заключения уже заканчивается, а мужчины из лагеря не возвращаются, наиболее отчаянные стали обращаться с письменными запросами о судьбе родных.

Мария Смолич все пыталась узнать о судьбе мужа, брата, отца... Писала в разные инстанции письма. Вместо ответов ее вызвали в кривошеинское отделение УГБ и пригрозили, что если она и дальше будет писать, то вполне реально может попасть туда, где и муж. Потребовали дать расписку в том, что она больше писать не будет. Вновь стала писать Мария Викентьевна уже только после смерти Сталина...

Примерно подобное произошло с Анной Роман /Мазюк/. Сразу же после войны кто-то из уполномоченных, часто останавливавшихся у них в хате на ночлег, посоветовал ее матери написать, подсказал и адрес назвал. Как самая грамотная в семье, написала тогда Аня прямо Швернику в Москву. Потом, как рассказала Анна Францевна, ее мать вызвали и допрашивали, пытались узнать фамилию того, кто посоветовал написать и указал адрес. Потребовали больше не писать и адрес «высоких инстанций» забыть. Ответа из Москвы они тогда не дождались и больше писать

боялись. Это уже потом в шестидесятых годах они получили на отца справку о реабилитации и двести рублей старыми деньгами.

Семья Адама Лайко вскоре после его ареста перебралась из деревни в Томск. В 1948 году его дочь Анна, тогда еще школьница, решила узнать о судьбе отца. Вот как она об этом вспоминает: - «Девушка, соседка меня сагитировала. Фамилия ее - Гордынская, имя уже забыла. Отец ее тоже был репрессированный. «Давай, - говорит, - напишем». Вот я и написала. Пришел ответ. Повестка. Почему-то запомнился день - 11 января. Нужно было явиться в здание на площади Ленина, где сейчас онкологический диспансер. Пришла. У входа солдат. Звонит куда-то по телефону. Там, видно, что-то спросили. А он в трубку смеется: - «Да ребенок же это!» Через некоторое время пришел за мной солдат с автоматом, велел идти за собой. Коридоры темноватые, по сторонам камеры с глазками. Страшно мне стало. Зашли в комнату. Сидит женщина. Я ее фамилию запомнила - Копейкина. Запомнила из-за несходства с фамилией - она такая толстая была, не знаю, как на одном стуле умещалась. Чтобы я ничего не увидела, она «дело» положила на стол поперек, чтобы, когда открывала его, я видела только обложку. Посмотрит немного, закроет. Я узнала тогда от нее, что отец осужден без права переписки на десять лет. Суд был, якобы, десятого февраля 38 года. Я подсчитала, что десять лет проходит, и спрашиваю:

- А где он сейчас?

- Я не знаю, может быть, попал под бомбежку, может быть, новый срок дали.

Так ответила мне эта женщина. Я когда вышла, то все думала - под какую бомбежку, война ведь не в Сибири была...»

Второй раз Анна Адамовна разговор од отце повела с работниками «органов» уже в 54 году при следующих обстоятельствах: «Училась я тогда в железнодорожном техникуме. Училась хорошо. Перед окончанием появилась возможность поступить в железнодорожный институт без экзаменов, в числе отличников. Но был у нас один парень, которому я, видимо, была конкуренткой. Он написал на меня «куда надо», что я, дескать, скрываюсь под другой нацией. Дело в том, что я как раз паспорт получила. И мне в нем без моего ведома написали «русская». Поступала полькой, а стала русской. Но шел уже тогда пятьдесят четвертый год. Меня не арестовали, как было бы прежде, но допрос устроили. Товарищ из органов спрашивал о том, какие книги читаю, чем интересуюсь. И все ближе подходил к отцу. Я чувствовала, к чему он клонит. Напряжение было ужасное. Наконец он в лоб спрашивает: - «Вы все про мать, про сестру Веру, а про отца ничего. Где он, чем сейчас занимается? Я едва не разрыдалась: - «В сорок восьмом мне об отце ничего не

сказали, а в пятьдесят четвертом я должна отвечать, где он?» Я, конечно, не крикнула, но такая осталась обида. До сих пор...».

Владимир Петрович Червонный вместе с матерью и сестрой весной 38 года из Белостока уехали на золотиносные Ленские прииски, туда, где не спрашивали о родственниках. Мать, Мария Осиповна, устроилась учительницей, а во время войны работала в шахте, получила там травму на всю жизнь. Сразу же после войны попал на шахту и Володя. В 1956 году решил он с матерью вернуться в Томск, хотел устроиться работать на «почтовый ящик». Но здесь подвела Владимира Петровича анкета - отец «враг народа». Вот тогда и решил он еще раз, теперь уже лично сам, а не через письменный запрос узнать о судьбе отца. По его воспоминаниям это происходило так: «Посоветовали мне по вопросу реабилитации отца съездить в областную прокуратуру к Волкову. Принял он меня хорошо, выслушал, попросил написать заявление. Только тогда пошли ответы. Вызвали в КГБ и сказали, что отец умер 8 февраля 1944 года от гнойного плеврита в местах заключения. Я начал спрашивать о том, где похоронен отец, а они мне: - «Что вам положено знать, мы сказали, а остальное не положено». В 1962 году выдали за отца пособие в сто пятьдесят рублей. Волков посоветовал заявление написать. Пока это пособие выдавали, как всегда, что-то мудрить стали, пока Волков не позвонил куда-то. Через неделю деньги получил, купил на них водки и помянул отца...».

Виктория Дащук вспоминала о том, что где-то в 1956-ом или 1957-ом году в Белосток приезжал работник КГБ их Томска и все расспрашивал женщин об арестованных в 30-е годы. Спрашивал, что они за люди были, как работали в колхозе и были ли в те годы какие-нибудь в селе пожары, крупный падеж скота. Вот тогда мать Виктории сама, набравшись смелости, спросила о судьбе своего мужа. Тот ответил, что муж, дескать, живой и скоро вернется...

После смерти Сталина и прошедшего XX съезда партии, осудившего культ личности, писать письма и запросы о судьбе родных стало уже делом безопасным. Стали приходиться ответы тем, кто не оставил надежду узнать о судьбе родных. Так, например, Астич /Мазюк/ Марии Павловне в середине августа 56 года из прокуратуры Томской области за подписью помощника прокурора области Волкова пришел ответ, в котором сообщалось, что ее заявление с просьбой пересмотреть дело на отца Мазюк Павла Михайловича прокуратурой направлено для окончательного разрешения в Верховный суд СССР, который еще 7 сентября 1955 года прекратил производством на него дело.

Примерно такой же ответ получила и моя бабушка Габриэля в мае 1965 года на запрос о судьбе мужа Ханевича Василия Ивановича. Начальник подразделения УКГБ по Томской области Пасякин сообщал, что «дело Ханевича В. И. пересмотрено и прекращено Верховным Судом СССР 7 сентября 1955 года, и что он

по этому делу реабилитирован посмертно». А далее в этом же ответе рекомендовал бабушке обратиться в Верховный Суд СССР за получением свидетельства о его смерти - в Кривошеинский райбюро ЗАГС. Пожалуй, стоит сказать, что эта бумажка вместе со свидетельством о смерти деда потом долгие годы хранилась в железной коробке из-под чая у бабушки в комод и были единственным напоминанием о деде, о его судьбе.

Всякий, кто обращался в районный ЗАГС за свидетельством о смерти родных, получал на руки стандартный гербовый бланк с заполненными полностью, но в большинстве только частично соответствующими графами. Так, М.В. Смолич 24 октября 59 года получила на своего отца свидетельство о смерти следующего содержания: - «Гр. Смолич Викентий Каземирович умер 7 августа 1941 года в возрасте ... лет. Причина смерти - недостаточность сердечной деятельности. О чем в книге записей актов гражданского состояния о смерти 1959 года августа месяца 24 числа произведена соответствующая запись за № 45. Место смерти - ...». Внизу этого документа, как и положено, стоит гербовая печать и подпись.

Другие жители Белостока получили справки о смерти, где были указаны иные даты смерти и причины. Так, были выданы документы, что Шведко Станислав Казимирович умер, якобы, 12 марта 1943 года от рака пищевода, Артиш Осип Осипович - 16 февраля 1945 года от воспаления легких. Якобы от воспаления легких умерли: Назарук Осип Семенович - 18 апреля 1944 года; Белявский Антон Николаевич - 3 ноября 1941 года; Артиш Антон Осипович - 23 января 1946 года. Рак легкого «скосил» Дащука Василия Александровича - 13 декабря 1945 года и Кривду Франца Ивановича - 3 декабря 1944 года... У других причиной смерти указывались: гангрена или туберкулез легких, рак или язва желудка, воспаление мозговой оболочки или гипертоническая болезнь, злокачественное малокровие или паралич сердца, но ни одного расстрела.

Однако, некоторые односельчане, получившие свидетельства уже в шестидесятых годах, получили документы, где в качестве причины смерти приведенные выше болезни не указывались, но даты смерти стояли предвоенные. Так, в отношении моих дедов - Ханевича В. И. и Пилевича Б. И., стояла дата смерти 14 мая 1938 года. Эти даты смерти и отсутствие в указанных документах записи о причине смерти наталкивали на определенные предположения, но это будет впереди.

Дело в том, что в начале 50-х годов надежду на скорое возвращение мужчин домой у белостокских жителей дало событие для них знаменательное - о себе дал знать письмом один из арестованных в 1937-38-х годах. Это был Иоч Иван Александрович, на момент ареста двадцатилетний холостой тракторист. В письме матери Стефании он сообщил, что жив, был осужден на десять лет

лагерей и их отбыл на Колыме и теперь вольнонаемным работает там же. Написал, что женился, но о своем отце, брате и других односельчанах ничего не сообщил. И все равно, даже само известие о его существовании давало нашим женщинам надежду на то, что живы и их мужья и, может быть, скоро возвратятся домой. Однако год шел за годом, но никто не возвращался. На свои запросы стали получать справки о посмертной реабилитации, но сердцем по-прежнему продолжали ждать, не веря официальным документам, хотели знать правду.

Когда Иван Александрович в конце пятидесятых годов первый раз приехал в отпуск в Белосток к сестре Габриэле /мать уже умерла/, то толпа женщин хлынула к нему с расспросами о своих мужьях и братьях. Ничего не сказал им тогда Иван Иоч. ничего не сказал и моим родителям, и своей сестре. Как только приехал в село, то сразу же сказал: «Я знаю, Габриэля, ты хочешь знать про мужа, брата Костю, отца..., но я ничего не скажу. Не то время».

Очевидно, чувствуя себя без вины виноватым, что остался жив, когда судьба других неизвестна, не выдержав женских слез и расспросов, на которые не мог ответить, он уехал из села буквально на следующий день. Только в следующий приезд в годы семидесятые он кое-что поведал о своей жизни советского зэка в течение долгих десяти лет на знаменитой Колыме. Однако в подробности не вдавался и не любил обращаться к этой больной для всех теме. Сказал только, что с остальными арестованными односельчанами ему за все эти десять лет встретиться на многочисленных этапах и пересылках не пришлось и судьба их ему не известна за исключением своего отца. Сказал, что отец умер еще в Колпашево в лагере.

И все же, уже в 1991 году, откликаясь на мою просьбу более подробно рассказать о колпашевском периоде своего заключения, написал в письме буквально следующее: «...где-то в первых числах января 38 года последовал арест моего отца. Через месяц были арестованы все мужики в Белостоке, кто был дома. Всех нас поместили в клуб возле костела, а утром 12 февраля, как только чуть стало светать, нас поставили по четыре человека в ряд и пешком погнали до Кривошеино. Когда гнали по Белостоку, то жены и дети выбегали к родителям, но конвой, вооруженный винтовками и плетками, не допускал их близко. Вечером прибыли в райцентр. Там я встретил знакомого председателя колхоза бывших Ново-Кривошеинских хуторов. Мы с ним должны были быть в скором времени в Новосибирске на слете передовиков от Кривошеинского района. Ведь я как тракторист занимал первое место в соревнованиях по всему Запсибкраю, и его колхоз был в числе передовых. И вот в Кривошеино встретились арестованными. Оттуда нас этапом погнали в Колпашево, куда мы шли три дня. Когда прибыли в Колпашево, то нас сразу посадили в тюрьму,

которая была переполненная. Продержали нас там дней пять-шесть. Я там попал в камеру отдельно от белостокских мужиков. Когда меня вызвали на допрос, то первым делом спросили имя, отчество и год рождения, где и кто есть родные. Когда я спросил, за что вы меня посадили, я же занял первое место в соревнованиях трактористов по всему Запсибкраю, а они мне в ответ говорят: «Вот ты и скрывался под своей работой...» Это и был весь допрос, больше меня не допрашивали. Где-то через неделю нас всех белостокских и много других вместе с этим этапом направили в Березовский лагерь, что находился ниже Колпашева в километрах сорока. В бараках, где не видно было солнца, мы находились до весны. Кормили нас: пятьсот грамм хлеба черного /я никогда не ел такого за все последующие годы заключения/ и один вилок капусты на сто человек да голая вода...

Здесь я узнал, что в соседних бараках находится мой отец, арестованный раньше нас. Стал просить лагерное начальство о переводе его в наш барак, и оно удовлетворило мою просьбу. Однако, отец вскоре умер у меня на руках. Когда я попросил начальство дать возможность нам с братом самим похоронить его, то услышал в ответ: «Мы еще посмотрим от чего он умер, может, вы его сами убили». Умер же он от голода и от вшей. Ведь вшей на всех нас было как муравьев на муравейнике. В этом лагере мы находились до весны, но где-то в начале мая нас посадили в баржу и отправили до Новосибирска. При посадке в баржу мы еле-еле на ногах стояли, шли, держась один за другого, а по сторонам вооруженный конвой с собаками. В Новосибирске ночью прямо к барже подошла машина-«воронок», и стали нас по фамилии называть. Набили «воронок» до отказа и отправили в городскую тюрьму. Из белостокских никто, кроме меня, в эту машину не попал, и больше я никого из них не встречал, и куда их отправили, сказать не могу. Меня же с товарищами по «воронку» до рассвета продержали на улице во дворе тюрьмы, а затем объявили, что осужден заочно на десять лет лагерей. Вот так начиналась моя лагерная жизнь...».

Пробыл Иван Иоч на «архипелаге ГУЛАГ» все отмеренные ему десять лет, как говорится, от звонка до звонка. Катал тяжелую тачку с землей для промывки золота в студеной магаданской земле, рубил кайлом мерзлый грунт, промерзал до костей в ледяной воде... Что остался жив, считает даром Божиим и ежечасно благодарит его за это. Говорил, что не думал, что останется жив и поэтому из лагеря писем домой все десять лет не пытался даже послать. Первое письмо написал только выйдя на свободу. Говоря о пережитом, сказал, что читал книги Солженицына и нашел у него только тридцать процентов того, что пришлось ему перенести...

После отбытия срока заключения остался там же - на руднике поселка «Транспортного» Магаданской области, но уже как

вольнонаемный. Работал шофером дальних рейсов. Рассчитывал подзаработать денег и уехать побыстрее с опостылевших мест, но задержался еще на двадцать лет. Только когда здоровья уже совсем не стало, переехал с семьей на родину жены в небольшой городок Киргизии.

Хрущевская «оттепель» пролетела очень быстро, так и не дав моим землякам полного и вразумительного ответа на вопрос о судьбах арестованных в 1937-38 годах. Вновь настали времена, когда писать и говорить о пережитом кошмаре тридцатых годов стало «неприлично». Шли годы, одно десятилетие сменяло другое. Тихо и незаметно стали уходить в мир иной состарившиеся матери и жены «врагов народа», выросли и сами стали дедушками и бабушками их дети, казалось, смирившиеся с невозможностью узнать о месте и времени смерти отцов. Взрослыми стали внуки репрессированных, лично сами уже ту трагедию не видевшие и мало что о ней знавшие.

Вновь напомнили о себе «ежово-бериевские» времена многим жителям Томской области в мае 1979 года. В самом начале месяца в разгар весеннего паводка обвалился высокий берег Оби в черте города Колпашево. В результате обвала обнаружилось большое тайное захоронение трупов на месте бывшего здания окротдела НКВД. Как рассказывали очевидцы, трупы расстрелянных очень хорошо сохранились и можно было их опознать. Однако, местное партийно-советское начальство с высочайшего одобрения Москвы и с помощью руководства Томского УКГБ совершило беспрецедентный акт вандализма - все захоронение винтами буксира было смыто в реку и уничтожено. Сейчас об этом акте уничтожения трупов расстрелянных в тридцатые годы «врагов народа» знают по всей стране и за рубежом.

В 1979 году об открывшемся захоронении и его варварском уничтожении ходили противоречивые слухи и домыслы. Как рассказывали некоторые из моих односельчан, обнаружение этого захоронения отозвалось для них болью в сердце и вопросом: «А может там лежат кости и моего отца?» На этом дело и ограничилось, заявлений в органы не писали и вопросы свои оставили при себе. К тому же и писать и выяснять в то время было бесполезно. Одним словом - «застойные времена».

Наказание, выпавшее на долю несчастных жертв сталинского произвола распространялось на их детей и внуков, так как вплоть до начала новой волны реабилитации конца восьмидесятых годов действовал неписанный закон, известный с древнейших времен - «даминацио меморис», т.е. наказание молчанием. Такое происходило, когда имена людей из числа «врагов народа» прямо или косвенно вычеркивались из истории страны, семейной истории. Очевидно, власть предержавшие рассчитывали на то, что через одно-два десятилетия еще теплившаяся память о творимых преступлениях

Сталинской клики безвозвратно канет в небытие и тогда уже ничто не помешает в который раз переписать некоторые страницы нашей отечественной истории.

Для людей моего поколения, родившихся уже после смерти «Вождя народов», как и большинства людей старшего возраста, многое узнать о творимых злодеяниях органов НКВД в тридцатые годы помог, так называемый, процесс гласности и демократизации общества, начавшийся с конца восьмидесятых годов. Газетные и журнальные публикации, особенно журнал «Огонек», буквально обрушили на читателей целый поток информации, раскрывающей многие неизвестные страницы отечественной истории. Однако и в это время партийные и советские власти страстно желали процесс открывания правды задержать и даже остановить политикой умолчания, выдачей дозированной информации, недопущением независимых историков к архивам КГБ, УВД, партийным архивам. Партаппарат всячески стремился остановить огромное желание людей раскрыть многие «белые», а точнее «черные» страницы истории, используя для этого испытанный арсенал методов - запреты, проволочки, оттяжки, интриги и прочие бюрократические «штучки». Однако время уже было не то, процесс демократизации стал выходить из-под его контроля...

Осенью 1988 года в Томске по инициативе небольшой группы демократически настроенных людей, еще в семидесятые годы подвергавшихся гонениям властей и КГБ, стала проводиться работа по созданию в городе историко-просветительского общества «Мемориал», которое могло бы объединить людей, желающих знать историю страны настоящую, а не препарированную, людей неравнодушных к пережитым страданиям народа за годы господства в стране тоталитаризма.

Помню, как услышав по городскому радио короткое объявление о предстоящей учредительской конференции общества «Мемориал», на следующий день 10 декабря 1988 года поспешил в актовЫй зал здания профсоюзов на проспекте Ленина, 55. Большой зал был забит «до отказа» людьми, пришедшими сюда не по разнарядке какой-то, как бывало прежде, а по зову души и сердца. В зале были люди разных профессий, общественного положения, возраста. И все же преобладали люди пожилого возраста, для которых тридцатые годы не были далекими...

Из выступлений запомнились эмоциональные и необычайно откровенные для того времени речи тогда еще неизвестных мне правозащитника В.Г. Фаста, журналиста В.З. Нилова, переводчика Н.В. Кащеева, историка Г.А. Шахтарина, известного в городе профессора пединститута Л.Ф. Пичурина и многих других будущих активных деятелей общества. Здесь окончательно укрепился в желании более подробно изучить трагедию своих односельчан и справедливо рассчитывал на помощь вновь создаваемого общества.

В конце конференции заполнил анкету члена общества, на обороте которой очень коротко изложил все, что знал о судьбе своих дедов и их односельчан, и попросил оказать содействие в изучении их трагедии.

Надо сказать, что знания мои тогда о «Белостокской трагедии» были еще очень скудны и противоречивы. Из документальных свидетельств имелись лишь справка о смерти деда Василия, выданная бабушке в 1965 году, да ответ начальника подразделения УКГБ Пасякина на запрос о судьбе деда в том же году.

Через несколько дней позвонила на работу историк госуниверситета И.В. Нам и попросила прийти в университет на собрание группы мемориальцев и более подробно рассказать о событиях 1937-38 годов. Встретил на этом собрании много близких по интересам людей и их искреннюю заинтересованность и желание помочь мне в своих изысканиях. Стал регулярно посещать эти собрания, ставшие впоследствии регулярными заседаниями исторической секции «Мемориала». Начал принимать участие в решении многих вопросов деятельности общества и вскоре на одном из заседаний совета общества был избран в члены правления. Вот так и началась моя деятельность в обществе, поставившем перед собой трудную задачу познания ПРАВДЫ.

Встречаясь на заседаниях совета общества с одним из его членов, начальником подразделения УКГБ по Томской области, занимающегося вопросами реабилитации, Ю.А. Петрухиным, попросил его ответить более подробно о судьбе репрессированных родственников. В своем заявлении перечислил известные мне девять фамилий. В отношении же других репрессированных жителей Белостока и Вознесенки дело осложнялось тем, что я просто не знал фамилий, имен и других необходимых для запроса сведений. К тому же, КГБ в то время не очень охотно шло на дачу какой-либо информации не только «посторонним историкам», но и родственникам репрессированных. Лишь только то, что Ю.А. Петрухин был избран в члены совета общества «Мемориал», вопреки существующим инструкциям он позволял себе иногда оказывать небольшие услуги членам совета. Это и давало мне возможность постепенно получать ответы на некоторые интересующие меня вопросы. Для выяснения подробностей ареста односельчан и установления как можно более полного списка репрессированных, я начал расспрашивать о событиях пятидесятилетней давности старожилов села, родителей.

По-разному относились люди к моей инициативе воссоздать картину трагедии земляков. У многих первой реакцией на просьбу рассказать о событиях 1937-38 годов был страх, сидевший в людях все эти долгие десятилетия. Страх был практически у всех, но только одни его прятали, старались подавить, а других приходилось подолгу уговаривать и убеждать, заводить разговор издалека...

Особенно негативно на мое желание заняться этим делом прореагировали родители и жена Светлана. Они боялись за меня, говорили, что рано или поздно КГБ всю нашу «лавочку», т.е. «Мемориал», прихлопнет, а я разделю участь дедов. Впрочем, впоследствии они с моей работой в «Мемориале» смирились и даже во многом помогали.

Огромную помощь в установлении списков репрессированных земляков оказали О.И. Кисель, В.И. Мазюк, Л.К. Шумский, И.А. Зенчук и другие старожилы села. Для них многие репрессированные были не просто односельчанами, а друзьями детства, соседями и родственниками... Помнится, как Осип Иванович Кисель, уже серьезно больной и постоянно лежащий в постели старик, закрыв глаза мысленно как бы шел от одной хаты села к дугой, называя фамилии, имена года рождения многих сгинувших навсегда в тридцатые односельчан, друзей. Практически на каждом томе тогда останавливался Осип Иванович, а я заносил в свой блокнот все новые и новые фамилии. Себя он считал везучим человеком, избежавшем участи своих сверстников только потому, что еще в 1936 году был осужден по «простой» уголовной статье за нарушение правил торговли /работал продавцом/ и отсидел в лагере всего два года из присужденных пяти лет лишения свободы.

Собранные по воспоминаниям старожилков списки репрессированных затем передавал Ю.А. Перетрухину для проверки и затем месяцами ждал подтверждения их или опровержения. Но, как правило, списки подтверждались. Значительную поддержку и помощь в своих розысках получил я от многих своих земляков после опубликования в областной газете «Красное Знамя» в ноябре 1989 года очерка о судьбе белостокцев и о результатах поисков. В конце очерка был помещен установленный список репрессированных белостокцев в количестве шестидесяти четырех человек. Просто не ожидал, что этот очерк станет для многих моих земляков откровением. Как выяснилось, только из этого очерка некоторые потомки расстрелянных впервые узнали о судьбе своих дедов и прадедов.

Десятки односельчан, в разное время покинувшие село и осевшие в разных концах страны стали присылать письма-воспоминания, добавляя в опубликованный список новые фамилии, рассказывая о своих судьбах после ареста отцов. Присылали сохранившиеся фотографии, справки о реабилитации и другие семейные реликвии, просили ответить более подробно о судьбе своих близких. В частности, их конкретно интересовало какие обвинения предъявлялись белостокским «врагам народа», где расстреляны, кто палачи и многие другие вопросы интересовали моих земляков. Однако, в то время еще на эти и другие вопросы ответить было невозможно из-за главного - закрытия архивов КГБ. На все мои просьбы дать возможность самому ознакомиться с

архивно-следственными делами осужденных белостокцев получал неизменно вежливый отказ.

Очевидно, на всю жизнь запомнится то необычное состояние, с каким впервые весной восемьдесят девятого года шел в «высокое» здание КГБ на Кирова 18, чтобы получить ответ на свой запрос о судьбе родственников. Одно дело беседовать с сотрудником КГБ вместе с товарищами по обществу, так сказать, на своей территории, а совсем другое самому добровольно идти в «логово дьявола» - учреждение, с именем которого и его предшественников связалось слишком много страшного и преступного в нашей истории. Шел со смешанным чувством простого любопытства к этой известной «фирме», чувством «первооткрывателя» некоторых тайн судьбы дедов и прадедов и надеждой хоть краем глаза посмотреть на их «уголовные» дела. Шел также с немалой долей страха... Все мы впитали этот страх вместе с молоком матери, жили со страхом и не просто от него избавляемся.

Встретил меня тогда молодой вежливый человек, проводил в один из кабинетов и стал терпеливо рассказывать то, что заранее выписал из уголовных дел себе в листок. Много «лишних» вопросов я ему тогда задавать не решился, да и то, что он говорил, записывать за собой не разрешал. Желанных архивных томов я тогда не увидел и продолжал добиваться разрешения к их доступу. Немалое содействие в этом оказал декан исторического факультета университета Б.П. Тренин и профессор пединститута Л.Ф. Пичурин. В конце-концов к весне 1991 года я все же смог получить возможность самостоятельно полистать и сделать необходимые выписки из страниц одного из томов архивно-следственных дел репрессированных жителей Белостока и узнать то, что более пятидесяти лет тщательно скрывалось. обстоятельно изучить многие интересующие меня архивные «дела» я смог уже после известных событий августа 1991 года, когда в повестку практического решения встали вопросы не только открытия архивов КГБ, но и всего существования этого «государства в государстве», его коренной реорганизации.

Нет. На этом трудная дорога к ПРАВДЕ не закончилась. Не закончилась потому, что и сегодня нам по-прежнему недоступны многие документы, раскрывающие тайные пружины механизма развязывания в стране массового террора в тридцатые годы, в том числе, и против поляков. В частности, из трех томов уголовно-следственного дела на арестованных в роковую февральскую ночь белостокцев, один из них мне так и не был показан. А касался он уже процесса реабилитации моих земляков, и в котором, помимо их судьбы, как видно по всему, есть документы, связанные с ролью в их судьбе работников НКВД, их показаний «о своей причастности» к «белостокскому делу».

Нет больше статуи «железного Феликса» на Лубянке в Москве, но ее мрачная тень ещё по-прежнему витает над нашими городами и селениями. Можно быстро сбросить с постаментов памятники бывших вождей и их «Малют Скуратовых», можно разрушить стены «Лубянок» и переименовать их /в который раз!/ в новое ведомство, находящееся за их стенами, но намного труднее изменить мировоззрение и психологию людей. Совсем не просто избавиться от груза прошлого, что давит на нас. Одним словом, предстоит еще немало пройти по тернистому пути обретения подлинной правды об эпохе, коротко именуемой - «тоталитаризм», и в которой сталинщина занимает только определенное место.

ХРОНИКА ТЕРРОРА

«Не ничего тайного, что не
сделалось бы явным; и ничего
не бывает потаённого, что не
вышло бы наружу...»

Евангелие от Марка.
Гл.4.22.

Воспоминания очевидцев о эпохе «Отца народов» чрезвычайно ценны для более полного восприятия того периода, однако даже самые полные воспоминания не смогут заменить архивных документов. Только дело в том, что для историков, интересующихся судьбами людей, побывавших в «ежовых рукавицах» советских, так называемых правоохранительных органов ВЧК-ОГПУ- НКВД-МГБ как раз эти то источники информации были долгие годы недоступны. Говорить о полном преодолении этого препятствия ещё рано, но политические изменения в России за последние годы и особенно после провала путча августа 1991 года позволили положительно решить и эти вопросы.

Таким образом и я получил возможность изучить многие архивные документы на лиц польской национальности, хранящиеся в архиве УМБРФ по Томской области. Следует сразу отметить, что знакомство с архивно-следственными делами репрессированных односельчан и других сибирских поляков позволило получить ответы на многие интересующие вопросы, проследить в деталях механизм действия репрессивного аппарата НКВД, документально установить хронику репрессий в отношении сотен жителей Нарымского округа и других районов Томской области.

Прежде чем приступить к изложению документально подтверждённых подробностей по аресту и дальнейшей судьбе белостокских «врагов народа» хотелось несколько слов сказать о самих первоисточниках полученной информации - архивно-следственных уголовных «делах» на осуждённых по статье 58 УК РСФСР.

Всю многолетнюю историю действия карательных органов в стране 20-50-х годов, ставшую одним из необходимых звеньев всей политической системы большевистского государства в эти годы можно проследить по эволюции делопроизводства органов ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ.

Известно, что в первые годы Советской власти работники Чека не очень-то утруждали себя канцелярской работой и действовали без «буржуазного бюрократизма». В последующие годы идея

«всеобщего учёта и контроля» получила реализацию и в создании своего советского делопроизводства в карательных органах. Если в томах уголовных дел периода конца 20-х -начала 30-х годов ещё прослеживается какая то незавершённость карательного делопроизводства и импровизация следователей ОГПУ в оформлении результатов своего труда, то в томах уголовных дел второй половины 30-х годов уже видны результаты большой проделанной работы по унификации и стандартизации следственного делопроизводства: типографским способом или на ротапинтере в сотнях тысяч экземпляров отпечатанные анкеты арестованного, протоколы об окончании следствия, протоколы обыска, ордера на арест и прочие нужные для «органов» документы.

Одним словом, всё было сделано для повышения производительности труда следователей НКВД, а те в порыве служебного рвения пошли ещё дальше, распространяя стандартизацию уголовных «дел» и на их внутреннее содержание. Поэтому многие «следственные материалы» на осуждённых, как братьев – близнецов невозможно отличить друг от друга. Разве что стоят разные фамилии как осужденных, так и вершителей их судеб. Пожалуй, главное отличие одних томов следственных дел от других состоит в различной нумерации дел да количеством «врагов народа», в них оформленных. Пришлось изучать как индивидуальные, так и групповые, до 125 человек каждое.

Почти всякое такое «дело» начинается, как правило, с трафаретно написанной короткой справки на арест человека или группы людей. В нем голословно утверждается, что якобы следствием по делу «вскрытой и ликвидированной контрреволюционной шпионско-диверсионной повстанческой организации (идет название организации –Х.В.) установлено, что в деятельности названной контрреволюционной организации активное участие принимали следующие лица...». Далее в тексте этого документа перечисляются фамилии и имена людей, подлежащих аресту. Завершает этот документ подпись составителя и печать соответствующего райотдела или горотдела НКВД. Кроме печати эту «справку» заверяли своей «утверждающей» подписью начальник управления НКВД, а «санкционирующей» - прокурор. Однако довольно часто в следственных делах я вообще не находил подписи прокурора, а в других его подпись стояла уже после произведенного ареста.

Затем по этой абсолютно бездоказательной по содержанию «справке» на заранее обречённых людей выписывали ордера на арест, заполняли установленные следственно-бюрократические бумаги, приговаривали, расстреливали или сажали, а затем опять писали упомянутые «справки» на арест уже новой партии обречённых. Впрочем, многие изученные мной архивно-следственные дела подтверждают свидетельства очевидцев о том, что арестовывали и без формальных справок и ордеров на арест и

даже не удосуживались во многих случаях соблюсти формальность и составить требуемые бумаги уже после ареста человека. Всё это наглядно иллюстрируют тома уголовно-следственных дел на моих земляков и других сибирских поляков, к изложению которых и стоит приступить.

Итак, изученные архивно-следственные материалы на белостокских «врагов народа» подтвердили воспоминания односельчан о том, что жатву своего «урожая» в селе органы НКВД начали 13 августа 1937 года. Арестовали тогда сразу шесть человек. Осуществили это задание сотрудники Нарымского окротдела НКВД Малышев, Веснин и сотрудник Кривошеинского райотдела НКВД Горкин. Помогали им в качестве понятых председатель сельсовета Таткин и оперуполномоченный райисполкома по Белостокскому сельсовету А.М. Осинцев. Но вряд ли родные арестованных исключая понятых могли знать их фамилии, а тем более знать о том, что будет написано в уголовно-следственных делах их близких, к чему присудят и за что накажут...

Изученные архивно-следственные материалы на арестованных 13 августа 1937 года белостокцев показали, что их всех шестерых распределили по трём самостоятельным уголовным «делам», из которых индивидуальное было только на завхоза школы Карелина Николая Максимовича. Объяснить это можно, очевидно, тем, что он своей национальностью и, так сказать, социальным статусом, несколько отличался от остальных жителей села. Материалы его уголовного дела позволяют проследить основные вехи его жизненного пути.

Родился Н.М. Карелин в 1878 году в деревне Батакам Нерчинско-заводского округа Восточно-Сибирского края в состоятельной крестьянской семье. В 1901 году окончил учительскую семинарию в городе Чите, работал учителем в своём родном селе. В 1909 году стал членом миссионерского православного общества и в 1913 году епископом Мефодием был рукоположен в сан православного священника. После этого был назначен духовным наставником в миссионерское училище в местечко Ирген Читинского округа. В этом училище воспитывались дети-сироты разных национальностей и отец Николай занимался тем, что приобщал их к православной вере.

С приходом Советской власти училище прекратило своё существование, но отец Николай продолжал служить людям и Богу: с 1922 по 1928 год являлся священником одного из сельских приходов в своём родном крае. Очевидно, к этому периоду и относится единственная фотография, сохранившаяся в уголовном деле Карелина. На ней отец Николай сфотографирован в церковной рясе в окружении группы людей, очевидно, своих родных и близких. На изображении священника Николая рукой неведомого чекиста поставлен жирный фиолетовый крест. Должно быть этот крест на

этой фотографии был поставлен при его аресте во время обыска 13 августа 1937 года, но крест на его судьбе Советская власть поставила намного раньше...

В 1928 году Читинским окротделом ОГПУ Карелин был арестован по подозрению в контрреволюционной деятельности, но за недостаточностью улик через два месяца освобожден. Не имея возможности в дальнейшем проводить религиозные богослужения, занялся хлебопашеством. В 1931 году он вновь был подвергнут аресту и осужден Читинским окружным судом “за организацию контрсаботажа хлебопоставок” к одному с половиной году лишения и трем годам ссылки в Нарым. Вот при каких обстоятельствах отец Николай попал из Сибири в Сибирь - в наши края.

Проживая в Белостоке с 1932 в ссылке вместе с женой Агафьей Миколовной, ничем не выделялся среди других “пришлых”. О том, что был священником, никому не рассказывал, и местной власти известен был только как сосланный кулак. Чтобы прокормиться, с большим трудом устроился работать в сельской школе завхозом. Был исполнительным и добросовестным работником...

То, что Карелин был в прошлом православным священником и к тому же ссыльным кулаком, послужило поводом для его ареста и последующего осуждения в тридцать седьмом. Работники НКВД причислили его к участникам якобы действующей в Сибири подпольной контрреволюционной эсеро-монархической организации, работающей по заданию японской разведки и зарубежной белогвардейской организации под названием РОВС - “Российский общевойсковой союз”. По данным органов НКВД якобы еще в 1935 году один из руководителей этой организации бывший генерал Эскин установил в Новосибирске связи с людьми, возглавлявшими к-р эсеровские организации в Западной Сибири и что “с 1931 по 1937 года членами боевого повстанческого штаба Михайловым, Эскиным, Долгоруковым и Пироцким в Нарымском округе была сформирована повстанческая дивизия, в состав которой входил ряд войсковых подразделений и отдельных боевых отрядов, возглавлявшихся боевыми офицерами царской и белой армии...”/из обвинительного заключения на Н.М. Карелина/.

На своем первом допросе 15 августа 1937 года сотруднику Кривошеинского НКВД Меринову Карелин сообщил только то, что знакомство в селе поддерживал лишь с учителем по труду белостокской школы Мосжериним и местным жителем из поляков Пронским Станиславом. Как допрашивали Карелина - неизвестно, но на следующем протоколе допроса от 14 сентября он поставил свою подпись под признательными показаниями о том, что в контрреволюционную эсеро-монархическую организацию был завербован в марте месяце 1937 года бывшим белобандитом и городовым города Каменец-Подольска, а в настоящее время парикмахером села Кривошеино Чернобаем Л.А. Тот его якобы

познакомил с командиром подпольного повстанческого полка, организующегося в Кривошеинском районе, бывшим полковником царской и колчаковской армии Тимошенко. Тот, в свою очередь, назначил Карелина попом походной церкви своего повстанческого полка и дал задание проводить вербовку в к-р организацию из враждебно настроенных против Советской власти людей и приобретать оружие...

Здесь же Карелин “признался”, что, выполняя это поручение, завербовал в к-р организацию преподавателя по труду Мосжерина, в прошлом бывшего кулака за неуплату задолженностей перед государством. Протокол допроса от 15 сентября, составленный, как и предыдущие, сотрудником НКВД Мериновым, по своему содержанию был очень коротким и включал в себя только подтверждение предъявленных Карелину обвинений. Обвинительное заключение против него, сочиненное Мериновым совместно с помощником начальника оперотдела Нарымского НКВД Суровым и утвержденное начальником Колпашевского окружного НКВД Мартоном, тоже не было громоздким и включало в себя всего три пункта: он обвинялся в том, что “1 - являлся активным участником к-р эсеро-монархической организации...; 2 - Дал согласие с оружием в руках выступать против Советской власти...; 3 - Выполняя задание, лично завербовал Пронского и Мосжерина и лично для себя приобрел охотничье ружье, которое хранил для использования в вооруженном выступлении”...

Решением “тройки” УНКВД Запсибкрая от 22 сентября 1937 года Карелин Николай Максимович был приговорен к ВМН /расстрелу/ и расстрелян 21 октября 1937 года. Дело на него было пересмотрено 22 июля 1960 года военной прокуратурой СибВО как смежное. Это означало, что в уголовном деле за номером 7126 том 95 не было заявления родственников о его реабилитации...

На арестованных в селе 13 августа 1937 года директора школы П.Д. Червонного, учителя П.И. Борисовца, колхозного ветеринара Ф.В. Михня, бывшего члена колхоза “Червонный штандарт” Ф.К. Иоча и еще пятерых поляков, живших на территории Нарымского округа, было заведено одно уголовное дело под номером 7138. В самом его начале как вещественное доказательство подшита схема так называемой шпионо-диверсионной к-р группы “ПОВ”, возглавляемой перебежчиком из Польши Червонным, на территории Кривошеинского района. На обратной стороне схемы сделана короткая приписка о том, что эта схема обнаружена при обыске, но не указано у кого.

В отношении Червонного роль вещественного доказательства в его “подозрительном прошлом” сыграла справка, подписанная начальником Нарымского окротдела НКВД Мартоном о том, что Червонный Петр Дмитриевич действительно является перебежчиком со стороны Польши, состоящим на учете в Нарымском окротделе.

Также в качестве вещественных доказательств против него послужили изъятые при аресте два ружья и малокалиберная винтовка с запасами пороха и патронов, метрическая записка на польском языке, гимназическое польское удостоверение, переписка на сорока восьми листах, паспорт, выданный 12 августа 1937 года /за один день до ареста/.

В качестве вещественного доказательства принадлежности к “антисоветскому элементу” Иоча Ф.К. послужили изъятые у него при обыске четыре экземпляра религиозной литературы, монета царской чеканки достоинством в один рубль и семнадцать листов переписки и справок. Одна из справок тут же была приобщена к делу. Представляла она собой выписку из постановления президиума Кривошеинского райисполкома от 13 февраля 1936 года по рассмотрению жалобы Иоча. Жаловался он на незаконное исключение его из членов колхоза вначале января 1936 года. В справке говорится, что Кривошеинский орган Советской власти посчитал Иоча исключенным из колхоза правильно на том основании, что “Иоч в колхоз вошел с целью укрыться от государственных обязательств и внутри колхоза проводить разлагательную работу... До вступления в колхоз Иоч саботировал проведение выполнения весенней посевной компании 35 года, за что был оштрафован сельсоветом на пятьсот пятьдесят рублей... Кроме того, Иоч категорически отказался засыпать установленные для него семенной и фуражный фонды, имея все возможности их засыпать...”. Кроме вышеперечисленных изъятых при обыске вещественных улик у Ф.К. Иоча значится некая карта повстанческого движения, однако, в материалах архивного дела она отсутствует.

В отношении ветсанитара Ф.В. Михни в качестве улики послужила изъятая при обыске охотничья берданка и составленная в день ареста характеристика, подписанная председателем сельсовета Таткиным. В этой характеристике, в частности, говорится, что в “колхозе Михня занимался вредительством по распространению болезни лошадей и как ветсанитар не обеспечил выполнения постановления президиума райисполкома по борьбе с чумой свиней...”.

В протоколе обыска, сделанного в квартире учителя Борисовца П.И. изъятыми значатся два охотничьих ружья, одно из которых к стрельбе непригодное. Кроме ружей изъятыми числятся паспорт, военный билет и личные записи на двадцати листах. В сопроводительной характеристике, подписанной председателем сельсовета, говорится, что Борисовец прибыл в Белостокский сельсовет в 1932 году и работал преподавателем в Вознесенской школе. А далее - “В 1934 году был взят органами НКВД в Могочинскую комендатуру как кулак. Из комендатуры вернулся в 36 году и опять работал преподавателем в Белостокской НСШ...”

П.Д.Червонного лично допрашивал начальник Кривошеинского РО НКВД Кипервас, а Ф.К. Иоча, Ф.В. Михню и П.И. Борисовца - сержант госбезопасности Кривошеинского РО НКВД Баранов. /Впоследствии он займет место своего начальника при переводе Киперваса в окротдел на повышение/. После трех-четырёх допросов они “сознались” в том, что являлись активными участниками контрреволюционной шпионо-диверсионной организации под названием “Польская организация войсковая”, сокращенно – ПОВ. Они, якобы, завербовали в эту организацию целый ряд лиц, хранили охотничьи ружья для использования их в вооруженном восстании. Червонный “признался” в том, что был завербован в “ПОВ” ксендзом Жуковским и являлся командиром к-р шпионо-диверсионной группы в Кривошеинском районе и командиром повстанческого отряда. Подпись Михни Феликса стоит под признательными показаниями о том, что он будто бы еще с 1931 года являлся шпионом польских разведорганов, а незадолго перед арестом подготавливал отравление лошадей и крупного рогатого скота в колхозе “Червонный штандар”/так в оригинале/. Иоч Феликс дал показания о том, что, якобы, подготавливал поджог складов Кривошеинского “Заготзерна“, произвел поджог свинарника в колхозе “Червонный штандар”, “...который был спасен благодаря усилиям сбежавшихся колхозников...“. На самом же деле, тогда свинарника в колхозе вообще не существовало. Надуманными были и другие обвинения.

Обвинительное заключение по делу Червонного и других перечисленных выше белостокцев, а также еще пятерых поляков, проходящих с ними по делу, составил и подписал сам начальник Кривошеинского РО НКВД Кипервас, утвердил - начальник Нарымского окротдела НКВД Мартон. 18 октября 1937 года все девять человек постановлением Комиссии НКВД и прокурора СССР от 18 октября по приказу номер 128 были осуждены к “ВМН” и расстреляны 5 ноября 1937 года. Реабилитированы 28 марта 58 года.

Из арестованных белостокцев тринадцатого августа 37 года председатель колхоза В.А. Дашук был “приписан” к другой группе арестованных в Кривошеинском районе поляков. Из двадцати шести человек, проходящих по одному с ним делу, пожалуй, знакомым для него был только Хвалько Константин Иванович, преподаватель Кривошеинской средней школы, а некогда директор школы в Белостоке. На допросах двадцать первого сентября. вначале у помощника оперуполномоченного Каргасогского РО НКВД Лаченко, а затем у следователя Галдилина В.А., Дашук сразу же “признался” в предъявленных ему обвинениях, тем более, что на него имелся в деле “компромат” в виде характеристики, написанной рукой председателя сельсовета Таткина. В этой характеристике-доносе на одного из своих помощников по проведению совмероприятий глава Советской власти в селе отметил, что Дашук

“...двадцать восьмого апреля во время польской пасхи споил допьяна парторга крайкома и после этого пошел с парторгом в польский костел, тем самым его дискредитируя... Политически опасен. В хлебоуборке по колхозу проявлял полнейший саботаж...”.

К.И. Хвалько, арестованный двадцать второго сентября в Кривошеино, допрашивался следователями Лаченко и Смирновым ежедневно с двадцать пятого по двадцать седьмое сентября и на всех имеющихся в деле протоколах допросов стоит подпись. Как, впрочем, признательные подписи есть и на протоколах других арестованных по этому делу. Подлинность их никто не проверял и трудно сказать, чьи они на самом деле. Обвинительное заключение сочинил на всех “однодельцев” Хвалько начальник четвертого отделения УГБ Нарымского окротдела НКВД лейтенант госбезопасности Галдилин и передал его по инстанции своему непосредственному начальнику Сурову. Тот, заверив его четвертого октября 1937 года, отправил еще выше. Постановлением Комиссии НКВД и прокурора СССР от восемнадцатого октября все двадцать шесть человек были приговорены к расстрелу. В справке о приведении приговора в исполнение указано, что В.А. Дашук и К.И. Хвальк были расстреляны 4-5 ноября 1937 года. До приведения приговора в исполнение содержались в Томской тюрьме. Реабилитированы двадцатого августа пятьдесят седьмого года определением военного трибунала Сибирского военного округа.

Арестованные в октябре тридцать седьмого жители Белостока И.С. Назарук, Я.М. Лютый, В.К. Смолич, Б.У. Грик и житель Вознесенки И.О. Кисель, как и еще двадцать поляков из поселков Ново-Киевка, Маличевка, Прогресс и других деревень района “проходили” по тому же делу под номером 7138, что и Червонный П.Д., только материалы их следственного дела находились в другом томе под номером десять. Арест в Белостоке и Вознесенке двадцатого и двадцать первого октября произвели сотрудники Кривошеинского РО НКВД Соболев и Царев в присутствии понятых А.А. Пилатова, И.Д. Липовки и председателя сельсовета И.Д. Таткина.

На первом и единственном имеющемся в деле протоколе допроса Назарука Иосифа от четырнадцатого ноября можно прочитать, что следователь НКВД Черных потребовал назвать первым делом его близких знакомых из числа поляков и белорусов, а также знакомых из административных ссыльных, проживающих в пределах Кривошеинского района. Кроме этих вопросов следователя интересовали обстоятельства приезда семьи Назарука в Сибирь, состояние хозяйства, родственные связи. Председатель сельсовета Таткин в характеристике на своего помощника, члена президиума сельсовета и первого председателя колхоза, написал, что тот в тридцать пятом году вступил в колхоз, якобы, только для того чтобы показать себя активистом и завоевать себе авторитет перед сельским

активом. И что сам потом вскоре вышел из колхоза и тайно проводил работу против колхоза. Далее написал о том, что Назарук якобы в тридцать шестом году “пролез продавцом в сельпо и проводил свою работу против сельпо”.

Арестованный Лютый Ян на допросе семнадцатого ноября следователю Смирнову кроме “признательных” показаний в принадлежности к контрреволюционной организации “ПОВ” показал, что еще в тридцать пятом году был судим по 58 статье за то, что вел, якобы, антисоветскую агитацию среди крестьян-единоличников против вступления в колхоз. Конкретно это якобы выразалось в том, что Лютый взял у Иоча Феликса письмо, полученное тем из Италии от ксендза Гронского и читал его среди крестьян села Белостока. Письмо, естественно, сдержало контрреволюционную клевету против Советской власти. Он будто бы признался также и в том, что “познакомившись с кулацкой частью села - Мазюк Адамом, Бельским Михаилом, Карпыш Людвигом /были осуждены вместе с Я.И.Лютым в 1935 году - Х.В./, Иоч Феликсом, организовали польскую националистическую к-р кулацкую группу и проводили агитацию за выезд из Нарыма в Польшу. Приводили примеры из полученных писем от родственников из Польши, что там жить хорошо и никакого насильяства над рабочими и крестьянами нет как здесь. Советская власть насильно загоняет в колхоз, раскулачивает поляков и высылает дальше на Север...”. Далее в “признательных” показаниях Я.М.Лютотого записано, что по его инициативе еще в 1932 году вышеуказанная группа решила послать в Москву в польское консульство Михню Феликса для исходатайствования разрешения от польского консула на выезд из России в Польшу.

Арестованного В.К. Смолича “обрабатывали” на допросах два следователя: десятого ноября - следователь Смирнов, а девятнадцатого ноября - следователь Ларионов. У последнего он, в частности, ”признался” в том, что нелегально в Польшу уехали сын Витольд и брат Адам, и впоследствии из письма сына он узнал якобы о том, что брат Адам “...с польскими властями ездил по рабочим собраниям и рассказывал о тяжелой жизни в Советском Союзе, за что польскими рабочими за клевету на Советскую власть был убит...”

Обвинительное заключение, решившее судьбу арестованных - Назарука, Смолича, Грика, Лютотого, Киселя и остальных однодельцев, написал двадцать первого ноября оперуполномоченный окротдела НКВД Карпов. Особым совещанием НКВД и прокурора СССР от четырнадцатого декабря тридцать седьмого года все семнадцать человек были приговорены к расстрелу. Приговор привели в исполнение восьмого января тридцать восьмого года. Реабилитированы десятого февраля пятьдесят девятого определением военного трибунала СибВО.

Арестованный в Белостоке учитель труда В.И. Мозжерин как единственный русский среди “взятых” белостокцев в октябре тридцать седьмого года был приписан следователем к так называемой эсеро-монархической организации, куда был якобы завербован завхозом школы Карелиным. Мозжерин, в свою очередь, “сознался” в том, что завербовал в эту организацию единоличника-кулака Артимовича Адама. В анкете арестованного В.И. Мозжерина указано, что до революции он с 1907 года служил в царской армии, а в 1914 году, воюя санитаром, попал в плен и пробыл там до 1923 года. Из этой же анкеты стало известно, что в Белостоке он проживал с женой Марией, дочерью Екатериной и внуком Григорием. В протоколе допроса записано, что Василий Иванович Мозжерин уехал из села Ордынска Ордынского района Запсибкрая, где работал в промартели столяром “из-за боязни быть разоблаченным за контрреволюционную деятельность, но свою деятельность не прекращал и в Белостоке до момента ареста... Проводил к-р агитацию против колхозников и клеветал на Советскую власть и ее руководство. Говорил, что в Ордынском районе всех крестьян коммунисты насильно загоняют в колхоз, отобрали весь хлеб, колхозники умирают от голода, едят дохлых лошадей...”

Постановлением “тройки” УНКВД от первого декабря тридцать седьмого В.И. Мозжерин и еще одиннадцать человек, проходящих по одному делу, были приговорены к расстрелу. Приговор исполнили через семь дней. Реабилитирован президиумом Томского областного суда под председательством судьи Скрябина четырнадцатого ноября пятьдесят седьмого года.

Также как и Назарук были осуждены “тройкой” первого декабря и расстреляны восьмого декабря тридцать седьмого года жители Вознесенки Князюк Т.Л. и Потуремский И.М., арестованные двадцатого октября и обвиненные в принадлежности к той же эсеро-монархической организации. Их на допросах двадцать пятого ноября следователь Окороков заставил признаться в том, что еще в 1920 году они являлись активными участниками кулацкого восстания, происходившего в некоторых селах Ново-Александровской волости в поддержку известного в Сибири Колыванского восстания. Главным же обвинением в отношении Т.Л. Князюка было то, что в течение трех лет до самого ареста двадцатого октября он не хотел сдавать государству госплатежей, скрываясь от властей в тайге. Жил тем, что вдали от поселка занимался хлебопашеством, собранный хлеб прятал в ямы, а зимой из ям вытаскивал и “тайным образом ночами привозил домой и размалывал на своей ручной мельнице...”. Кроме вышеуказанного, его обвинили еще и в том, что из чувства мести за неоднократные распродажи его хозяйства готовился совершить убийство председателя сельсовета Таткина и его заместителя Толкачева...

Посмертно были реабилитированы белорус Потуремский и русский Князюк вместе с другими пятнадцатью представителями этих национальностей, проживавшими в соседних с Белостоком деревнях Крыловке, Пудовке и других поселках района, только тридцать первого декабря пятьдесят восьмого года по решению президиума Томского областного суда.

Следующую партию “врагов народа” из Белостока, а именно С.И. Пронского, А.К. Иоча, Т.В. Шимановского и Ф.М. Мазюка, проявив все свои чекистские способности, в один вечер - четырнадцатого января тридцать восьмого года, “обезвредил” сотрудник Нарымского окротодела НКВД Худяков. Конечно, не он один, а с помощью активистов-понятых - Таткина, Толкачева Василия и других. Дом Пронского Станислава удостоился чести быть подверженным вторичному обыску на другой день после ареста хозяина. Сделал это начальник Кривошеинской милиции Ковалев. Глава местной Советской власти Таткин собственноручно написал на всех арестованных соответствующие характеристики. Кроме них, на Ф.М. Мазюка и А.К. Иоча как на колхозников были составлены так называемые “справки”, под которыми стоит подпись председателя колхоза Гелбутовского, но написаны они рукой Таткина. В справке на А.К. Иоча, в частности, говорится, что он, работая в колхозе “Червонный штандарт”, порученную работу всегда затягивал и выполнял вредительски, проводил агитацию, направленную на развал колхоза, за что второго января тридцать восьмого года якобы из колхоза был исключен.

В подобном же документе в отношении бригадира колхоза Мазка Франца сказано, что он занимался разложением дисциплины в своей бригаде и будто бы первого января тридцать восьмого года зажег солому около кладки колхозного хлеба с целью его сжечь.

Эти слова из справок почти слово в слово перейдут затем в протоколы допросов, обрастут подробностями, и следователи. Смирнов и Ларионов оформят их одними из пунктов обвинительного заключения.

Веским доводом к к-р принадлежности старика Шимановского послужит его признание в том, что с 1901 по 1907 год он проживал в Америке у своего брата Осипа, работал на одном из заводов. Арестовал и допросил костельного сторожа сотрудник РО НКВД Худяков. Пронского Станислава допрашивал также сотрудник РО НКВД Баранов, которому подследственный “как на духу” поведал о том, что “является активным деятелем католической церкви, бывшим колчаковским офицером. В течение тридцать седьмого года развернувшим активную вербовочную работу в ПОВ-скую к-р организацию и вовлекший в нее лично и через завербованных лиц около двадцати новых участников...”.

Обвинительное заключение по следственному делу номер 7138, том 19 (а именно по нему проходили С.И. Пронский, А.К. Иоч,

другие, указанные выше белостокцы и еще восемь человек польской национальности, проживавших в Кривошеинском районе), составил 24 января 1938 года оперуполномоченный 3-го отдела Нарымского окротдела НКВД Калинин, утвердил его временно исполняющий дела начальника окружного управления НКВД Суров /начальник окротдела НКВД С.С. Мартон к этому времени был сам арестован и находился под следствием/. Постановлением НКВД СССР от 10 февраля тридцать восьмого года одиннадцать человек из двенадцати, проходящих по делу, были осуждены по статьям 58-2, 6, 8, 11 УК РСФСР к расстрелу. Приговор привели в исполнение 1-го апреля 1938 года.

Единственным из этой дюжины обреченных, не получившим “высшей меры социальной защиты диктатуры пролетариата” оказался мой семидесяти пятилетний прадед Иоч Александр Казимирович. Нет, его не оправдали и не осудили: в выписке из приказа постановление “Особого совещания” прокурора СССР и комиссара НКВД от 10 февраля тридцать восьмого года за номером 927 в длинном списке обреченных напротив фамилии прадеда Александра под номером 308 стоит резолюция: - “дело доследовать”. Кто и почему из высших чинов НКВД в Москве подарил ему счастливую возможность умереть не от пули палача, а на руках сыновей Константина и Ивана от голода и вшей в тюремном бараке возле Колпашево, мы, очевидно, уже никогда не узнаем...

Определением ВТ СибВО от 18 апреля 1958 года одиннадцать расстрелянных были реабилитированы и дело на них прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления. Прадед Александр реабилитирован не был на том основании, что ему не успели дать срок заключения и приговорить к расстрелу - помешала “естественная” смерть...

О судьбе арестованных односельчан темной ночью с 11 на 12 февраля тридцать восьмого года рассказали два небольших тома архивно-следственного дела под № 2635. За восьмьюстами восемнадцатью страницами этих двух томов, не считая третьего тома с материалами реабилитации, долгие годы скрывались обстоятельства арестов и последующей судьбы подавляющей части моих земляков, уведенных ранним морозным утром под конвоем в неизвестность... В справке на арест, составленной сотрудниками НКВД Калининским десятого февраля тридцать восьмого года, утвержденной новым временным начальником Нарымского отдела НКВД Ульяновым, (Н.А.Суров, исполнявший обязанности начальника окротдела НКВД был арестован 21.6.38 года и 21.6.38 года приговорен к расстрелу), и санкционирующей подписью окружного прокурора Старикова от 17 февраля /через пять дней после ареста/ значится девяносто семь человек польской национальности. Из них шестьдесят один человек были жителями

Белостока, а остальные из деревни Петровка, поселков Красный Яр, Могочино, Кривошеино.

В протоколах обысков всех арестованных указаны фамилии сотрудников Кривошеинского и Нарымского НКВД, взявших на себя всю “тяжесть” работы по аресту активных членов контрреволюционной шпионо-диверсионной повстанческой организации “ПОВ”. Вот только фамилии сотрудников НКВД, производивших аресты в Белостоке в ту роковую ночь: Максимочкин, Анашук, Ларионов, Кальчев, Соболев, Ковалев, Коршов, А.И. Шаруха, Жирнов, Леоненко, Коретов, Портнов, Липичун, Селявский, Смокотин. Вполне возможно, что это далеко не полный список специалистов по арестам, а лишь только тех, кто оставил свои следы в протоколах обысков. Кроме работников НКВД к проведению арестов были привлечены многие местные активисты. После завершения “операции” активисты из поляков также были арестованы и разделили судьбу своих земляков. И так было не только в Белостоке с использованием активистов, но и в других местах Нарымского края.

Из всех девяноста семи человек, указанных в справке на арест, только в отношении шестидесяти пяти было заведено указанное уголовное дело. По остальным никаких документов в деле нет. Вполне возможно, что кто-то из них вообще не арестовывался по причине “естественной” смерти (списки на арест составлялись заранее), кто-то избежал ареста, уехав из родных мест, кто-то был арестован раньше и “проведен” по другому делу, а кто-то вскоре вернулся домой “без последствий”. Из Белостока такими счастливыми оказались пятнадцать человек, впоследствии до самой смерти не проронившие и слова о днях, проведенных в колпашевской тюрьме...

Всех шестьдесят пять человек, проходивших по этому делу, быстро и без особых формальностей “обработала” всего за два дня 20 и 21 февраля бригада следователей НКВД: Смирнов, Меринов, Доценко, Карпов, Воробьев, Гришин, Горбунов, Кипервас. Особо изощряться в сочинении обвинений на арестованных следователям НКВД не пришлось, так как на каждого арестованного уже были написаны соответствующие характеристики рукой председателя сельсовета Таткина и секретаря Волосача Михаила - своеобразные “шпаргалки-заготовки” для следователей. Из следственных материалов видно, что все до одного обвиняемые на первом и единственном допросе подписали или по неграмотности заверили отпечатком пальца “признательные показания” о своей активной деятельности в контрреволюционной организации “ПОВ”. В обвинительном заключении, составленном 26 февраля тридцать восьмого года начальником пятого отделения третьего отдела УГБ лейтенантом госбезопасности Волковым, после небольшой общей вступительной справки о вражеской деятельности “польской

организации войсковой” на территории Кривошеинского района перечислены личные вклады каждого обвиняемого в общее “контрреволюционное дело”.

Так, один мой дед, Пилевич Бернат получил следующие пункты обвинения:

“1 - является активным участником к-р шпионско-диверсионной организации “ПОВ”, в которую был завербован в мае тридцать пятого года Артиш Болеславом;

2 - лично завербовал в вышеуказанную контрреволюционную организацию Шумского Адама Осиповича. (А.О.Шумский был освобожден из тюрьмы Колпашево и вернулся из тюрьмы без предъявления обвинения - Х.В.):

3 - вел систематическую контрреволюционную агитацию среди польского населения, использовал религиозные чувства последнего и свой авторитет как члена костельского совета, вел религиозную пропаганду в контрреволюционных целях, преследуя срыв сельхозработ и массовый выход из колхоза;

4 - собирал сведения о политической настроении населения и передавал их Артишу Болеславу”.

В отношении другого деда Ханевича Василя обвинение выглядело следующими пунктами:

1 - являлся участником националистической контрреволюционной “Польской организации войсковой”, существовавшей в Кривошеинском районе, в которую был завербован в тридцать шестом году поляком Иоч К.А.;

2 - лично завербовал в к-р организацию “ПОВ” Кривду Ф.И., которому дал задание вовлекать в организацию новых лиц;

3 - в тридцать седьмом году совместно с участником к-р организации Иоч К.А. сгноил 130 центнеров колхозного хлеба;

4 - в тридцать восьмом году готовил теракт над председателем колхоза;

5 - систематически занимался националистической агитацией, восхвалял фашизм, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 58-2-8-9-10 и ст. 58-11 УК РСФСР”.

Прадед Михня Романа кроме традиционных для всех пунктов обвинения о том, что был завербован, а затем сам завербовал; что систематически занимался националистической агитацией и восхвалял фашизм, получил дополнительные пункты обвинения в таком изложении:

3 - в тридцать пятом году совместно с участниками контрреволюционной организации поджог сарай с сельхозмашинами, пожаром уничтожено - сеялка, жнейка и сенокосилка;

4 - сам лично и через завербованного Гавриленко занимался сбором шпионских сведений, которые передавал Михне Иосифу;

5 - изъявил согласие в момент восстания с оружием в руках бороться против Советской власти...”.

И если в достоверность предъявленных обвинений Михне Роману со стороны следователя НКВД Меринова по некоторым пунктам обвинения еще можно было как-то при очень большом желании поверить, учитывая политику массового террора в стране и огромный размах шпиономании, то в отношении пунктов три и пять обвинения ...?! При чуть более внимательном подходе даже сталинское правосудие уже тогда могло бы заметить небольшую неувязочку. Дело в том, что Михня Роман не мог в принципе заниматься поджогом и с оружием в руках бороться против Советской власти. И не потому, что её обожал и даже не столько потому, что у него дома не было ружья. Не мог он взять в руки оружие по причине отсутствия самих рук... Нет, сами руки у него были, а вот почти все пальцы начисто отморожены по пьяному делу еще в начале двадцатых годов. С тех пор он не то, что ружья в руках не мог держать, а давно самостоятельно прикурить и застегнуть пуговицы...

Подобные нелепые обвинения были предъявлены практически всем арестованным и никто их не проверял, очных ставок не устраивал, протестов и жалоб не рассматривал... Судьбу белостокцев решало в Москве “высокое” начальство в лице прокурора СССР Вышинского и комиссара союзного НКВД Берии, а также их первых заместителей. В выписке из протокола номер 1080 от девятого апреля тридцать восьмого года говорится следующее: - “...Слушали: материалы на обвиняемых, представленные УНКВД по Новосибирской области, в порядке приказа НКВД № 00485 от 11 августа 1937 года. Постановили: Артимовича Адама Осиповича 1912 г.р., уроженца д. Белосток Кривошеинского района Новосибирской области - расстрелять...”. И далее то же самое в отношении всех за исключением одного. Дата расстрела у всех шестидесяти четырех человек - одна: четырнадцатое мая тридцать восьмого.

Исключением был младший брат бабушки Gabrieli - Иоч Иван Александрович, получивший решением все того же “ОСО” десять лет заключения в сталинских лагерях. Видно, не суждено ему было разделить участь своего брата Константина, отца и односельчан, не суждено было умереть и в ГУЛАГе за все десять лет пребывания в “солнечном” Магадане.

Повезло ему и в сорок девятом году после завершения срока заключения. Наверняка не знал тогда Иван Александрович, что был всего на волосок от повторного срока заключения, если бы попало его дело в ходе проверки к человеку, безразличному к судьбам эзков. Должно быть, старший оперуполномоченный пятого отдела

управления МГБ на Дальнем Севере /г. Магадан/ старший лейтенант Палий не был таким равнодушным человеком... В августе сорок девятого года ему было поручено изучить документы Иоча Ивана и определить его дальнейшую судьбу. Запросив архивно-следственное дело по обвинению Иоча Ивана и других его земляков, старший лейтенант внимательно изучил его и пришел к сомнению в правомерности осуждения Иоча в тридцать восьмом году. В своей справке по результатам проверки предложил: - “Иоча И.А. аресту не подвергать и дело сдать в архив”. Для того времени, надо признать, это был смелый поступок. Так избежал он вторичного ареста в сорок девятом году за преступления десятилетней давности, которых не совершал. Реабилитация для него живого и остальных мертвых наступила только в 1958 году. Судебная комиссия по уголовным делам Верховного суда СССР в своем заседании седьмого сентября пятьдесят пятого года постановила обвинения в отношении И.А. Иоча и других шестидесяти четырех расстрелянных отменить “за недоказанностью предъявленных обвинений”.

Несколько по-иному, точнее, с другими датами, определилась судьба одного из белостокцев арестованного в ту же роковую ночь одиннадцатого февраля. Речь идет о Никодиме Осиповиче Примаке, 1901 года рождения, завхозе деревенского маслозавода. По национальности он был латыш и уже после этапирования в Колпашево “отсортирован“ и приписан к большой группе арестованных в эти дни латышей и латгальцев, проживавших в поселках Маличевка, Малиновка, Петропавловка. Всех сто двадцать пять человек арестованных латышей “провели” по одному уголовному делу так называемой “националистической латышской к-р диверсионно-повстанческой организации под названием “Партия святых”. Все сто двадцать пять человек постановлением НКВД СССР от двенадцатого апреля тридцать восьмого года по приказу 224 были осуждены к расстрелу, что и было сделано двадцать второго мая тридцать восьмого года.

Реабилитация наступила для них только двадцать первого марта пятьдесят седьмого года. Как показывают изученные материалы архивно-следственных дел, в февральские дни тридцать восьмого года аресты происходили в районе не только в селах с польским или латгальским населением. Районное НКВД помимо массовых арестов-облавы было в состоянии производить еще аресты “в индивидуальном порядке” во многих других селах и деревнях района. Так, например, в эти же дни были арестованы жители Ивановки белостокского сельсовета Лябик Михаил Тарасович, 1870 г.р. и Господарик Ефрем Гаврилович, 1890 г.р., обвиненные в причастности к религиозной баптистской группе. Вместе с ними “проходили” по одному делу как участники эсеро-монархической организации татары Гайнулин Абрам из деревни Нуркай и председатель колхоза Сафин Латыш из Ново-Исламбуля, украинец

Соколик Петр Максимович из поселка Украинка, бывший протоиерей православной церкви Тихомиров Николай Михайлович, проживавший в селе Ново-Александровка, остяк Атепко Максим из деревни Тунгусово и другие, всего тридцать девять человек. Судьба их была такой же, что и жителей Белостока: решением “тройки” управления НКВД по Новосибирской области от двенадцатого марта все были приговорены к расстрелу и тридцать первого марта тридцать восьмого года расстреляны.

И только шестидесяти восьмилетний кустарь-бердщик из Тунгусово Одинокоев Николай Сергеевич умер в тюрьме за два дня до решения “тройки”... Однако, вернемся вновь к моим землякам-полякам.

Следующий виток репрессивного маховика для белостокцев и других нарымских поляков пришелся на шестнадцатое февраля тридцать восьмого года. Приехавшие рано утром в Белостоке сотрудники Кривошеинского РО НКВД Черных и Каранакоев совместно с помощниками-понятыми Таткиным и Власовым в паре без особых хлопот арестовали последних оставшихся в селе пятнадцать взрослых мужчин. На следующий день “тандем” Каранакоев-Таткин арестовали четырех жителей Вознесенки, двадцатого февраля - жителя Ново-Андреевки Шимановского Викентия.

Дальнейшую участь арестованных в указанные дни узнал из архивно-следственного дела под № 2642. В нем оказались собраны материалы еще на сто двадцать два “активных участника ПОВской организации” со всего огромного Нарымского округа. Однако, и в этом списке подавляющую долю составляли арестованные поляки из Кривошеинского района, а именно деревень Петровки, Полозова, Петропавловки. В шести справках на арест указаны фамилии ста двадцати двух человек, но в отношении двадцати двух из них данных об аресте и дальнейшем “следствии” в деле не имеется. Вполне возможно, что они были арестованы раньше и в списки на арест попали вторично из-за спешки или же каким-то образом избежали ареста.

Однако, общая цифра 122 уже было проставлена и её требовалось “отрабатывать”. Сделали это легко и просто - арестовали недостающих двадцать два человека без традиционных справок на арест и санкции прокурора. В числе этих дополнительных двадцати двух “врагов народа” оказались Левко Осип и Бембель Василий, жители Вознесенки, доарестованные соответственно 26 и 28 февраля тридцать восьмого года.

Проведением допросов этой партии арестованных поляков, кроме уже упоминавшихся ранее работников НКВД Карпова, Грищина, Доценко, Меринова и Смирнова, сотрудника Могочинской комендатуры, занимались также сотрудники Нарымского окротдела НКВД - Лукичев, Быков, Веселов,

помощники оперуполномоченных райотделов НКВД: Каргасокского - Яковлев, Бакчарского - Поляков. В течение третьего, четвертого и пятого марта требуемые “признательные показания” были собраны на всех сто двадцати двух человек.

Наибольшую производительность в работе по этому делу показали следующие сотрудники НКВД: Карпов - девятнадцать человек допрошенных, и Меринов - шестнадцать человек. Следует отметить, что это был далеко не предел в их работе. Сейчас известно, что тогда нормой для следователей НКВД было в день “пропустить через себя” не менее десяти арестованных. Наиболее опытным доверялось составление обвинительного заключения. По этому групповому делу обвинительное заключение составил десятого марта младший лейтенант госбезопасности Кипервас, повышенный в должности до начальника окротдела НКВД. Утвердили это обвинительное заключение без замечаний начальник отдела Волков и его непосредственный шеф - временно исполняющий дела начальника нарымских чекистов Ульянов.

Таким образом, потребовалось всего двадцать три дня от ареста до составления обвинительного заключения на группу в сто двадцать два человека, после чего состряпанное “дело” было отправлено в Новосибирск. Во второй половине мая в Колпашево пришла шифротелеграмма о том, что двадцать первого апреля тридцать восьмого года Особое совещание в лице заместителя наркома НКВД СССР и прокурора СССР всех без исключения осудило к высшей мере наказания - расстрелу. Привели приговор в исполнение двадцать второго мая тридцать восьмого года.

Реабилитирована была эта группа нарымских поляков двадцатого сентября пятьдесят седьмого года военным трибуналом Одесского военного округа, решением которого дело о каждом из них производством было прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления.

Почему реабилитацией занимался военный трибунал Одесского военного округа, объяснили сотрудники управления АФБ РФ по Томской области. По их мнению, это было сделано просто потому, что местные органы, занимающиеся реабилитацией в пятидесятые годы, на могли в установленные сроки выполнить весь объем работ и попросили помочь товарищей из Одессы...

На этом “репрессивна хроника НКВДешного характера” в отношении жителей моего Белостока завершилась из-за полного использования “исходного материала” - мужчин. Справедливости ради следует заметить, что репрессии по так называемой “линии НКВД” женщин села не коснулись. Никто из них не был осужден по политической 58 статье, хотя в Нарымском округе такие случаи имели место. Для моих земляков репрессии не прекращались, а только приняли другие формы. Женщинам и детям предстояло еще долго нести на себе тяжелое клеймо жен и детей “врагов народа” со

всеми вытекающими последствиями. Подросткам еще предстояло вырасти, чтобы послужить контингентом военных и трудовых лагерей, а также других мест социалистического воспитания и перевоспитания. Все это еще будет впереди, а пока можно подвести некоторые итоги приведенной выше хроники репрессий.

Изучение архивно-следственные дела тридцатых годов в отношении жителей села Белостока показывают, что с тридцатого августа тридцать седьмого года по шестнадцатое февраля тридцать восьмого года было арестовано органами НКВД восемьдесят восемь человек. Цифра впечатляет, если знать, что в селе по итогам переписи 1937 года насчитывалось всего сто двадцать семь мужчин от восемнадцати лет до глубоких стариков. К тому же уже после переписи несколько человек по разным причинам /уехали, умерли/ были вычеркнуты из списка жителей села, тем самым еще ниже опустив этот статистический показатель. Шестьдесят восемь человек из всех арестованных в то время были необоснованно репрессированы. И лишь двоим из них посчастливилось остаться в живых.

Кроме этого, к приведенной выше цифре расстрелянных и осужденных односельчан следует прибавить еще более двадцати установленных фамилий жителей Белостока, уехавших на новые места жительства и “взятых” органами НКВД уже там. А если сюда же добавить еще семь человек, осужденных по статье 58 УК РСФСР в тридцать пятом году при коллективизации и к тридцать седьмому году уже “сидевших”, то общая цифра белостокских “врагов народа” подкатится к сотне. Однако, и эта цифра еще не окончательная. Так, и сегодня еще пока не подтвержден факт репрессий в отношении нескольких жителей села, арестованных органами НКВД вместе с другими. Так что приведенная мною выше статистика может в дальнейшем быть скорректирована в сторону увеличения.

Что касается других деревень белостокского сельсовета, то выявленная по ним “расстрельная статистика” выглядит следующим образом:

1. Вознесенка - 13 человек расстрелянных;
2. Ивановка - 3 человека расстрелянных;
3. Георгиевка – 1 человек расстрелян;
4. Ново-Андреевка -2 человека расстреляны.

И только среди жителей ближайшей к Белостоку Верх-Бровки органами НКВД на были обнаружены “враги народа”- редчайший случай для нарымских деревень! Возможно, это произошло потому, что в ней не жили тогда “подозрительные” поляки, латыши или немцы и к тому же не нашлось местного Павлика Морозова, способного “настучать” на своих. А может быть просто из-за того, что нарымскими поляками и другими нацменами был выполнен до органов НКВД план изъятия “врагов народа” и, следовательно, в других местах потребовалось меньше работы для

поиска. По полякам же по всему видно никакого плана доведено не было, а действовал стахановский призыв: “Чем больше- тем лучше”. Практически не было в Сибири ни одной польской семьи, которой не коснулся в тридцатые годы репрессивный поток. Сколько было таких семей?

Карательная сталинская машина не остановилась на тридцатых годах, и тем более по отношению к полякам. Впереди еще будет “Катынский лес”, массовые депортации поляков в наши сибирские просторы в конце тридцатых - начале сороковых годов с так называемых присоединившихся земель Западной Украины и Западной Белоруссии. И опять же массовые высылки с этих территорий после освобождения их от гитлеровских захватчиков. Освобождали польский народ от “коричневой” тирании фашизма, но вместо долгожданного освобождения насаждали свой “красный” коммунистический порядок...

По данным польских историков, за все предвоенные и первые послевоенные годы в Сибирь и Казахстан было вывезено не менее полутора миллионов поляков, многие из которых навечно остались в нашей сибирской земле.

Так в первый предвоенный сороковой год с занятых советскими войсками районов Львовщины и Белостокщины несколько сот семей польских граждан насильственно были вывезены в районы нашего Нарымского округа и где в досталь хлебнули сибирского гостеприимства местных партийных и чекистских товарищей. Неизвестной нам пока остается общая цифра высланных в Нарымский округ в предвоенные и послевоенные годы польских граждан. Благодородную задачу выявить и устранить этот пробел в истории Нарымского округа взял на себя житель города Вроцлава Часлав Базан, в прошлом один из невольных нарымчан. Его усилиями установлены данные более чем на две тысячи человек соотечественников, оказавшихся в годы войны на территории Нарымского округа, а ведь были сосланные поляки и в других районах Томской области, и их судьба еще ждет своего исследователя.

Ждут обстоятельного изучения и некоторые данные о тайном массовом захоронении возможно польских военнослужащих зимой 1939-40 года на окраине Томска, о чем мне поведал в разговоре бывший сотрудник УГБ по Томской области А.И. Рыжий... Одним словом, впереди еще после расстрелянных 1937-38 годов будет немало “белых пятен” в польско-советских отношениях, о которых долгие годы. советские власти не желали даже упоминать. Однако, эта тема уже особого разговора.

А теперь, пожалуй, вновь стоит вернуться к судьбам моих земляков и рассмотреть некоторые из них более подробно. Каждый из них жил своею жизнью, имел свои мечты, свои представления о

смысле человеческого бытия. И все они без разбору в свой час были отданы в жертву существующей системы человекопожирания.

ИХ ТРАГИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ...

«Как овца ведён Он был на
заклание».

ИС.53.7

КСЕНДЗ МИХАСЁНОК

Ксендз Николай Михасенок принадлежал к числу тех немногих католических священников, живших в Сибири в годы начала «советского эксперимента», неотъемлемой чертой которого было варварство воинствующего атеизма. Священники стали первыми его жертвами...

Родился Николай Михасенок в семье латышского крестьянина на Витебщине, сам хлеборобствовал. Однако земля не тянула его к себе. В 1911 году в возрасте 23 лет принял он сан священника. Спустя два года после окончания Санкт-Петербургской духовной семинарии приехал в Томск. Находился в должности викарного священника томского католического прихода, много ездил по делам пасторской службы, много разъезжал по огромной территории Томской губернии. Одним из продолжительных мест его службы стало село Белосток и должность настоятеля белостокско-маличевского прихода.

Деятельность его как священника была традиционна и стара как само христианство: крестил детей, провожал в мир иной усопших, венчал новобрачных, причащал и исповедовал. Ксендз для католиков в те годы был не просто священником, но и добрым советчиком в мирских делах, и заступником, и судьей... Люди платили за это любовью и преданностью, а представители новой советской власти ненавидели и боялись. Ненавидели как человека «старого» мира и служителя культа. Но боялись трогать, видя решимость прихожан защищать его от произвола властей.

И все же в 23-м году, не выдержав провокаций со стороны волисполкомовских работников и лишившись костельного дома, реквизированного под школу, ксендз Михасенок покинул Белосток. Местные старожилы говорили, что он сбежал из села, опасаясь ареста. О его дальнейшей судьбе им ничего не было известно, и только знакомство с архивно-следственным «делом», заведенным на него в 27-м году органами ОГПУ Новосибирска, позволило проследить его дальнейший жизненный путь.

В Новосибирск ксендз Михасенок приехал в 25-м году из Томска по просьбе местной римско-католической общины для проведения

религиозных служб в пустующем городском костеле. Однако недолгой была радость прихожан. 4 апреля 1927 года незадолго до праздника Святой Пасхи Христовой, ксендза арестовали, что вызвало среди прихожан волнение. Не видя явной вины его в каких-либо нарушениях советских законов, они связали арест с желанием властей лишить верующих католиков религиозной службы в праздники Пасхи, а затем закрыть костел. Костельный совет написал заявление в Новосибирское ОГПУ с просьбой освободить своего ксендза из-под ареста хотя бы для совершения в костёле религиозных служб накануне и в дни Святой Пасхи. Чекисты оказались глухи к просьбам католиков, заявив, что он арестован за очень серьезные контрреволюционные преступления и не может быть освобожден из тюрьмы даже на время под поручительство прихожан...

Основной перечень «преступлений» был изложен в так называемом меморандуме материалов, в котором указывалось, что ксендз Михасёнок неоднократно во время совершения религиозных обрядов в костелах Томска и Новосибирска якобы произносил проповеди антисоветского характера, оказывал «крупное влияние на малосознательных католиков, которые под этим влиянием проникаются фанатичной ненавистью ко всему советскому...»

Другим пунктом предъявленного обвинения было то, что Михасенок якобы еще в 24-м году пытался сбежать в Польшу по чужим документам, но документов не достал. Обвинили его и в том, что в 25-м году после ареста ксендза Омского прихода Бугениса он будто бы высказал желание освободить Бугениса посредством взятки и что для этого даже получил из-за границы тысячу рублей, чем «подорвал авторитет органов соввласти перед заграничными представителями католического духовенства...».

В этих направлениях и стали «раскручивать» Михасенка следователи Новосибирского ОГПУ Белецкий, Богородицкий, Бебрекарле и другие, однако ксендз «раскручиваться» не желал, все предъявленные обвинения отвергал. В отношении 600 рублей, изъятых у него при обыске, пояснил, что, действительно, до 27-го года получал от епископа Пиотровского из Харбина небольшие деньги для своего пропитания и часть из них действительно намеревался истратить для помощи ксендзу Бугенису, но не в виде подкупа властей. Он собирался передать эти деньги ксендзу Бугенису при отправке его в ссылку, ждал для этого удобного случая, отложенные для этого деньги держал в неприкосновенности, а сам еле-еле сводил концы с концами. Ксендз Николай был беден, как церковная мышь: при аресте у него изъяли пустой кожаный бумажник да медный нагрудный крестик на серебряной цепочке.

Трудно сказать, как часто и какими методами его допрашивали в течение месяца, так как в «деле» имеются, кроме трех протоколов допросов, только несколько клочков бумаги, исписанных дрожащей

рукой ксендза Николая. Когда и в каком физическом и душевном состоянии он их писал, можно только предполагать. Так, на одном из них написано, что, если бы он столкнулся с осуждениями правительства со стороны прихожан, то, как католический священник, доносить об этом органам власти не стал. На другом клочке бумаги его рукой написаны всего два предложения; «У меня есть желание, чтобы народ во всем мире веровал. Больше писать ничего не могу»...

Не добившись признательных показаний от самого ксендза, следователи стали обрабатывать свидетелей, но и те не давали против него желаемых показаний. Даже Антон Жикевеверин, один из местных коммунистов-поляков, на допросе 7 апреля высказал мнение, что с делом ксендза нужно «как можно больше осторожности». После допроса нескольких свидетелей 27 мая помощник начальника контрразведывательного отдела ОГПУ по Сибирскому краю Бебрекарле посчитал, что дело следствием достаточно выяснено, и предъявил ксендзу обвинение по двум «контрреволюционным» статьям принятого всего год назад нового уголовного кодекса РСФСР со своей знаменитой пятьдесят восьмой статьёй: 58-14 УК (антисоветская агитация с использованием религиозных предрассудков масс) и 58-18 (дискредитация советской власти путем распространения о ней ложных слухов).

И все же, понимая, что собранных материалов явно не хватает для передачи дела на рассмотрение Сибирского краевого суда, начальство Сибирского краевого ОГПУ в лице его начальника Заковского и начальника СОУ ОГПУ от 2 апреля 1924 года (номер 172, раздел IV, пункт «а»), решило направить дело ксендза Михасенка в Особое Совещание при Коллегии ОГПУ для рассмотрения во внесудебном порядке. С этим не согласился помощник краевого прокурора Сибири Рейхбаум. Однако органы ОГПУ уже в те годы не очень-то обращали внимание на прокуроров, считая их «пятым колесом» своей карающей колесницы. Дело направили в Москву для внесудебного рассмотрения без санкции прокурора, однако в столице московское руководство дело ксендза Николая рассматривать не пожелало и вернуло его на дооформление «по форме».

И в другой раз помощник прокурора Рейхбаум не поставил свою подпись под обвинительным заключением и вторично предложил ксендза из-под стражи освободить. Чекисты так просто не сдались: дело вновь отправляется в Москву, а вместе с ним за подписями Заковского и Бака сопроводительная записка следующего содержания:

«... как видно из него (дела ксендза -прим. авт), прокурор с направлением дела на Особое Совещание не согласен. Причина этого заключается в том, что НАШИ СООБРАЖЕНИЯ в отношении Михасенка ему неизвестны. Дополнить дело еще какими-либо

свидетельскими показаниями мы сейчас не можем. Исходя из того, что агентурные материалы на Михасенка вполне достаточны и, что самое главное, обработка его результатов не дала, ПП ОГПУ по СК считает необходимым применение к Михасенку высылки через Особое Совецание. Более конкретные агентурные материалы не прилагаются, поскольку спецсводками Вам представлялись регулярно». На этот раз московское начальство ОГПУ посчитало доводы сибирских товарищей убедительными и решением ОСО от 25 ноября 1927 года отправило ксендза Михасенка Николая Ивановича, 1888 года рождения, по статье 58-6 УК РСФСР в концлагерь на три года без применения к нему амнистии.

Для отбытия срока заключения его направили в печально известный «СЛОН» - Соловецкие лагеря особого назначения. После отбытия срока по постановлению все того же ОСО от 28 апреля 1930 года Михасенок был отправлен в ссылку в Северный край еще на три года. Документов о том, что в дальнейшем стало с ксендзом, в «деле» нет, но нетрудно и без них догадаться: наступали времена еще более жестокие, когда священникам всех вероисповеданий, а также многим другим лучшим людям России место на этом свете было только за колючей проволокой...

СИБИРЯК БАХ

Судьба не уготовила сибиряку Баху такой всемирной известности, как его однофамильцу. Более того, о нем не знают современные жители даже в его родном селе Белостоке. А между тем он родился и жил в этом сибирском польском селе и к тому же был музыкантом, костельным органистом, как и всем известный Иоганн Себастьян Бах.

Впервые о своем земляке с такой известной фамилией услышал я из воспоминаний своей двоюродной бабушки Фелемены, которая рассказала, что еще в двадцатые годы до закрытия в селе костела при торжественных богослужениях на органе играл Бах Станислав, да играл так хорошо и проникновенно, что люди плакали, восхищаясь его игрой... Что же потом случилось с сельским органистом, она не знала, как не могли о нем рассказать и другие старожилы. Восполнить этот пробел в истории села помогли архивы КГБ.

Знакомясь с судьбой ксендза Томского римско-католического прихода, а с 1926 года администратора католической церкви по всей Сибири Юлиана Гронского, арестованного томским ОГПУ в 1931 году, среди материалов его архивно-следственного дела удалось обнаружить копию обвинительного заключения на семерых поляков, арестованных и осужденных в городе Новосибирске в одно время с

ксендзом Гронским. Среди них оказался и уроженец Белостока Бах Станислав Михайлович, на момент ареста живший в Новосибирске и служивший органистом в местном костеле.

В отношении всех семерых в обвинительном заключении говорилось, что с момента восстановления Советской власти в Сибири «вокруг римско-католического костела в Новосибирске стали группироваться контрреволюционные элементы из среды бывших крупных торговцев, домовладельцев и других лиц, живущих на нетрудовой доход, которые под видом ревностных прихожан костела создали из последнего центр антисоветской работы, на протяжении нескольких лет отрицательно влияли на всю польскую колонию в Новосибирске. Будучи на протяжении всего этого времени тесно связана с ранее находящимися в Новосибирске ксендзами Жуковским и Михасенком, ныне осужденными за шпионаж, а в последнее время с ныне арестованным ксендзом-администратором Сибири Гронским, эта группа являлась носителем разных контрреволюционных разговоров, исходящих от вышеозначенных ксендзов, и широко использовалась последними в своих контрреволюционных целях...».

Бах Станислав в дополнение к вышесказанному обвинялся еще и в том, что не представлял органам ОГПУ интересующие сведения на ксендзов, с которыми общался. Иначе говоря, его обвиняли за уклонение от доносительства на своих духовных отцов и наставников... В заключение этого обвинительного постановления в отношении Баха и шестерых его «однодельцев» говорилось, что их следственное дело будет направлено на рассмотрение коллегии ОГПУ для принятия решения. Какое было принято решение в отношении сибиряка Баха и как сложилась его дальнейшая судьба в «деле» ксендза Гронского, сведений не имелось.

Возможно, что дальнейший жизненный путь костельного органиста Баха «сибирского» так и остался бы для его земляков неизвестным, если бы не книга «Боль людская». В 1991 г. сотрудники управления КГБ по Томской области издали 1-й том книги памяти томичей, репрессированных в 30- 50 годах на территории области по статье 58 УК РСФСР. Книга состоит из поименного списка всех осужденных по этой контрреволюционной статье Уголовного кодекса. Оказался в этом скорбном списке и Бах Станислав, 1900 года рождения, проживавший перед арестом в селе Татьяновка Шегарского района Томской области и работавший бухгалтером областного дома инвалидов. В отношении его судьбы в книге приводится всего два слова: «Арестован в 1938 году. Расстрелян».

И вот держу в руках уголовное дело на Баха, из которого открылась трагедия этого человека, уничтоженного, но не сломленного карательными органами. В деле указано, что в 1931 году он был осужден особым совещанием ОГПУ по статье 58-б и 58-

10 УК РСФСР на три года лишения свободы, срок наказания отбывал в Беломоро-Балтийском трудовом лагере. Отбыл срок заключения в 1933 году. С 1933 по 1937 год работал в Ордынском районе Запсибкрая бухгалтером в одном из отделений связи, вместе с женой воспитывал дочерей Янину и Тамару. В 1938 году он с семьей переехал в Шегарский район, устроился работать в областной дом инвалидов.

Арестовали его 9 февраля 1938 года сотрудники Шегарского РОНКВД Песоцкий и Зоськов в один день вместе с еще шестью работниками дома инвалидов, в прошлом раскулаченных и высланных в Нарымский округ жителей Западной Белоруссии и Эстонии. Всех их «объединили» в одну контрреволюционно-шпионско-диверсионную повстанческую группу кулаков-поляков, «действующую» в областном доме инвалидов, и начали выбивать из них признательные показания. Через несколько дней допросов все шестеро «признались» в причастности к указанной повстанческой группировке, «дали» показания против себя и своих товарищей. И только Бах Станислав стоял на своем, упорно отрицая все предъявленные ему обвинения и «факты» антисоветской агитации.

«Факты» эти были взяты из так называемых свидетельских показаний руководства дома инвалидов, в частности, Макарова и Филимоненко Александра. Последний в отношении Баха показал, что «... Бах враждебно настроен к соввласти и с момента прибытия в дом инвалидов стал активно проводить среди рабочих и служащих контрреволюционную агитацию. Так, в начале февраля 1938 года в одной из бесед он говорил, что советская власть просуществовала 20 лет и за эти 20 лет немало насосала народной крови, занимается грабежом и разбоем. Никак ей не угодишь, сколько ни работай, все равно останешься виновным о чём-либо. (...) А в январе месяце он говорил так: «Что Советская конституция? Это просто болтовня и останется болтовней. Ничего она не дает-это видно с самого начала ее применения в жизнь. Она нисколько не охраняет интересы трудящихся, в ней говорится одно, а делается другое...», или вот еще говорил: «Говорят, что 20 лет при советской власти строили и много построили, а все ничего нет, только то и есть, что построили заключенные...».

Вполне возможно, что Бах Станислав именно так и думал, ибо предшествующий опыт «трудоармейца» Беломорканала на многое ему раскрыл глаза, но, чтобы такое говорить малознакомым людям, а тем более члену партии и комсомольцу, тот же приобретенный опыт подобного не допускал.

Следователей НКВД, очевидно, интересовали и родственные связи Баха, из которых, возможно, рассчитывали «выудить» не только польское, но и немецкое происхождение его семьи, в чем он их разочаровал. Так, на допросе 17 февраля следователю Песоцкому он заявил, что о происхождении своей семьи не знает, сам родился в

Сибири. До революции его семья занималась хлебопашеством, обрабатывая всего 8 десятин земли, из имущества имела двух коров и двух лошадей да деревянный плуг... Сам он с 1922 по 1925 год учился в Томском музыкальном техникуме. Был органистом в костелах Новосибирска, Томска, родного села Белосток. Из родственников он назвал только мать, проживавшую в Томске с его братом Павлом, работавшим в «Союззаготскоте» счетоводом.

Между тем «следствие» в отношении Баха Станислава, несмотря на его упорное нежелание давать признательные показания на себя и других, а также категорический отказ подтвердить то, в чем «признались» его сослуживцы по дому инвалидов, шло своим ходом. В обвинительном заключении по делу Баха Станислава, утвержденном начальником Томского горотдела НКВД Овчинниковым, в отношении его говорится, что проведенным следствием доказано, что «...Бах С. М. является активным участником контрреволюционной шпионско-диверсионной повстанческой организации, в которую был завербован сыном помещика Рыбинцовым. Вместе с ним обсуждал план совершения террористического акта над районными работниками в период начала войны, собрал ряд сведений шпионского характера и передал их Рыбинцову, активно распространял к-р фашистскую агитацию, высказывал пораженческие настроения, возводил клеветнические измышления на Советскую власть и партию,..». Одним словом, стандартное обвинение, каких было написано в те годы миллионы. Обычным было и наказание - расстрел по постановлению Особого совещания НКВД от 9 апреля 1938 года. Приговор привели в исполнение 8 мая 1938 года в Томске.

Не избежал участи Баха Станислава и его брат Павел, расстрелянный в Томске 2 июня 1938-года, кстати, в отличие от своего старшего брата «во всем признавшийся». На этом можно и поставить точку в описании судьбы никому не известного музыканта со всемирно известной музыкальной фамилией. Обычная судьба...

ПОЛЬСКИЙ ПЕРЕБЕЖЧИК БУЖЕМОВСКИЙ

Начиная с советско-польской войны 1920 года, для многих поляков, волею судьбы оказавшихся на территории Советской России, главной целью стало стремление вырваться из «социалистического рая» в независимую Польшу. Однако были и те, кто добровольно переходил границу в обратном направлении. Таких в СССР называли «польскими перебежчиками».

Разные это были люди... Нелегально перебирались в социалистическую Россию польские коммунисты, боясь репрессий

от «панского» правительства Польши за свою деятельность. Переходили границу просто обманутые люди, поверившие большевистской пропаганде о больших возможностях людей труда. Убегали на советскую сторону совершившие преступления уголовники или дезертиры польской армии, не желающие исполнять польские законы... Всех их, несмотря на широчайший разброс социального положения и приверженности к коммунистической идее, в общем то ждало одно и то же - дотошная проверка на предмет советской благонадёжности, фильтрация и сортировка, а затем годы жизни под постоянным контролем органов ОГПУ-НКВД до 1937 года - года их поголовного ареста как польских шпионов.

Жили «польские перебежчики» и в моем родном селе Белостоке. Так, в 1933 году директором Белостокской школы работал Константин Иванович Хвалько. До перехода границы он состоял членом компартии Западной Белоруссии и был хорошим другом секретаря этой партии Василия Шаранговича. После Хвалько вплоть до 1937 года директором школы работал Петр Дмитриевич Червонный, в 1925 году перебежавший советско-польскую границу с целью получить высшее образование.

Одно время в селе жил Бужемовский Владимир, тоже из числа польских перебежчиков. О нем и пойдет повествование. С его судьбой познакомился я, изучая «архивно-следственное дело», заведенное на него в 1937-ом. В Белостоке он появился в 1935 году вместе с тремя такими же товарищами. Жили они тем, что занимались рыть колодцы, выполняли другую разнообразную работу. Скоро Владимир женился на девушке из соседней деревни Вознесенки и перебрался туда на жительство. Там родилась дочь Валюша. Семья обзавелась небольшим хозяйством, в колхоз вступать отказался, промышляя охотой...

Как показывают архивные документы, с самого начала перехода границы в 1927 году он как польский перебежчик находился на спецучете в органах ОГПУ-НКВД. В 1932 году привлекался ОГПУ по делу о поджоге складов «Заготлен» в райцентре, но тогда сумел доказать свою невиновность. 1 апреля 1937 года в Кривошеинском райотделе НКВД на него был выписан ордер за № 44, однако арестовали Бужемовского только через 23 дня. Сделал это начальник милиции Ковалев. Поначалу предъявили обвинение в том, что будто бы являлся участником «контрреволюционной группировки» в селе Кривошеино, состоящей из административно - ссыльных, вместе с которыми наряду с прочими «деяниями» обсуждал возможность поджога государственных колхозных складов».

Как видно из материалов дела, судьбу Бужемовского решали одновременно два следователя НКВД: в Колпашеве - помощник оперуполномоченного Нарымского окротдела НКВД Кох, а в Кривошеине – начальник райотдела НКВД Кипервас. Основанием

для ареста Бужемовского послужили, очевидно, показания арестованного и осужденного в начале 1937 года Тимофея Гнутикова. Так, на допросе 12 апреля в отношении Бужемовского он показал, что последний во время хлебоуборки оказывал содействие единоличнику Тимофею Князюку укрывать хлеб от сдачи государству, высказывал по адресу председателя Белостокского сельсовета угрозы его убить, а на квартире Ивана Осиповича Киселя, читая газету и увидев в ней снимок членов советского правительства, якобы заявил: «... вот сюда зарядика бы поллитра, тогда бы сразу колыхнулась Советская власть...».

Кроме показаний уголовного Гнутикова, у следователя против Бужемовского были также свидетельские показания его односельчан, в частности, колхозника Федота Крючкова. Он поведал на допросе, что Бужемовский неоднократно выражался разными словами на колхоз, а однажды, проезжая на лошади, хлестнул бичом его и Ивана Колбека, крича: «С дороги... колхозники!»

После ареста Владимира Ивановича сбор материалов против него начался с новой силой. В Вознесенку направили сотрудника Кривошеинского РО НКВД Худякова для сбора «свидетельских показаний» на Бужемовского. На первом допросе Бужемовский признал свою вину в том, что написал фиктивные справки для получения паспортов по просьбе родственников жены и заверил эти справки фальшивой печатью Белостокского сельского совета, что имелась у братьев Дымба. Свое участие в подделке справок Бужемовский объяснил тем, что хотел помочь людям получить паспорта для выезда из деревни. В других же предъявленных преступлениях контрреволюционного уклона он упорно не признавался, а именно того от него упорно добивался Кипервас, проводя допрос за допросом.

Между тем следователь Кох, заканчивая дело по группе административно-ссылных, в отношении Бужемовского как участника «группы» сделал вывод о том, что «он поддерживал тесные связи с участниками группы, однако преступления совершал не в связи с этими лицами...». И поэтому дело его выделили в особое производство. А предъявленное ему обвинение переквалифицировал «на чисто уголовное» по статьям 169 и 170 УК РСФСР. Для окончания следствия его вновь отправили обратно из Колпашева в Кривошеино в распоряжение начальника РОНКВД. И если бы не «чекистское рвение и партийная бдительность» начальника Кривошеинского райотдела НКВД Киперваса, Бужемовский, возможно, получил бы небольшой срок заключения. Однако этого не произошло. Очень, видно, хотелось начальнику райНКВД выявить у себя в районе побольше антисоветчиков, шпионов и прочих «недобитков». Тем более, что начальство в Окротделе уже высказывало недовольство низкими темпами работы в районе по выявлению именно этой категории.

Снова Кипервас командирует своего сотрудника Худякова в Вознесенку для допроса группы колхозников по делу Бужемовского. Необходимые свидетельские показания против него были собраны. Следует отметить, что за весь период следствия по делу нашего «польского перебежчика» было допрошено 11 человек и все они так или иначе дали нужные показания против обвиняемого. Разве что только счетовод колхоза Мамаев при даче свидетельских показаний самому начальнику райотдела НКВД Кипервасу при допросе ³ июня коротко заметил, что антисоветских высказываний в своём доме от Бужемовского не слышал. Однако это уже Киперваса не интересовало, если он в тот же день «постановил» предъявленное обвинение Бужемовскому по статьям 169 и 170 вновь дополнить политической 58-10.

Вновь начались для подследственного допросы с требованием признать обвинения по этому политическому довеску, но он стоял на своём, упорно отрицая все предъявленные ему «факты» антисоветской агитации. 16 и 23 июня в целях доказать виновность Бужемовского Кипервас лично провёл очные ставки со свидетелями, что в последующем с другими подследственными уже практически не делалось. Однако и на очных ставках Бужемовский отказывался признавать свою вину в части 58 статьи, хорошо понимая, что с этим «довеском» срок его заключения будет намного больше. И всё же на одном из допросов 16 июня 37-го года на вопрос следователя о желании вернуться в Польшу искренне сознался в том, что не против бы съездить в Польшу повидаться с отцом...

Еще на первом допросе Владимир Бужемовский не избежал вопроса о мотивах перехода границы и довольно подробно на него ответил. Сказал, что ещё работая батраком в городе Вильно, у него зародилось желание уйти из Польши в Советскую Россию для получения образования, но не было для этого возможности и средств. Появилась такая возможность только в 27 году с призывом в Польскую армию: по прибытии в часть через полмесяца его отправили в школу подофицеров в местечко Молодечно. Там советская граница была рядом... Таким образом дезертир Бужемовский прослужил в Польской армии всего 1 месяц и 8 дней, но этого было достаточно чтобы получить в обвинительном заключении своего дела немаловажную для обвинения запись о том, что он является бывшим курсантом подофицерской школы 86 пехотного полка Польской армии, а не бывший крестьянин-батрак, имевший всего трёхклассное образование сельской школы...

На допросе 23 июня Бужемовский, не выдержав чекистского напора Киперваса, частично признал себя виновным и в антисоветской агитации, отметив, что «будучи выпимши иногда может что и говорил...». Всё. Чекист Кипервас был доволен. Буквально в этот же день удовлетворённый начальник райотдела НКВД собственноручно подписал обвинительное заключение на

обессиленного от допросов Бужемовского, включив в это обвинение и то, в чём Владимир до конца упорствовал и не признавал. Вписал, что обвиняемый вел систематическую контрреволюционную агитацию среди крестьян, клеветал на проводимые в селе мероприятия партии и Советской власти, одобрял фашистскую деятельность троцкистов, высказывал террористические взгляды в отношении членов Советского правительства и сельского актива...

Дело было готово и оформленное в специальную папку под номером 13403 направлено через Нарымский окротдел НКВД в спецколлегию Запсибкрайсуда, а сам обвиняемый этапирован в томскую тюрьму. Однако судьбу Бужемовского определила не спецколлегия краевого суда, а набиравшая грозную силу «тройка». О ее решении говорит следующий документ-выписка из протокола: «Слушали: Дело № 13403 Нарымского Окротдела НКВД. Бужемовский Владимир Иванович, 1905 года рождения, уроженец г. Вильно (Польша), польский перебежчик. Проводил среди колхозников контрреволюционную пропаганду против мероприятий советской власти, одобрял контрреволюционную деятельность троцкистов, связавшись с уголовниками, снабжал их фиктивными справками. Постановили: Бужемовского Владимира Ивановича расстрелять. Лично ему принадлежащее имущество сдать в архив».

Расстреляли Бужемовского 28 августа 1937 года. Он был первым «врагом народа», найденным среди моих земляков в 1937 году. Остальные были позже... Реабилитировали его только 27 июля 1989 года. Позже других земляков...

«КРЕПКИЙ ХОЗЯИН»

В нашем селе Белосток крестьянское хозяйство Иосифа Августовича Грика еще при единоличной жизни считалось в числе крепких... Приехав в Сибирь вместе со своим отцом одиннадцатилетним парнишкой из-под Гродно, наравне со взрослыми принимал участие в налаживании семенного хозяйства. Корчевал, пахал, сеял, жал... Пришло время - женился, отделившись от отца, стал заводить своё хозяйство. Собственными руками построил двухэтажный дом - пятистенок. Постепенно благодаря многолетнему труду от зари до зари жизнь входила в нормальное русло. Надежной опорой в старости обещали стать 7 сыновей и дочь...

Однако беспокойно было на душе у Иосифа: со всех сторон власти давили налогами, хлебозаготовками, кое-кто из сельских активистов пытался свести личные счета, подступала коллективизация... В один из вечеров стоявший у них на квартире председатель сельсовета «по- дружески» посоветовал Иосифу из

села уехать, иначе обещал раскулачить и сослать "куда Макар телят не гонял". Ничего не оставалось, как распродать за бесценок нажитое годами добро и уезжать из родных мест. Не он один тогда бросал политые потом свои крестьянские наделы и уезжал туда, где казалось поспокойнее.

Так в 1932 году оказался Иосиф Грик в Кожевниковском районе Запсибкрая. Поселился в небольшой деревушке Никифоровке и вновь принялся обихаживать землю-кормилицу, благо, что она здесь была намного плодороднее нарымской. Понемногу обжился и на новом месте. Однако и здесь власть была та же: те же хлебопоставки, налоги, коллективизация...

Налоги платил сполна, но вступать в колхоз категорически отказывался. Также поступали и его соседи, такие же хлеборобы, поляки по национальности. Так и не создали колхоза в польской деревушке Никифоровке вплоть до 1938 года. А после уже началась другая кампания...

20 января 1938 года и в эту Богом забытую деревушку за всеми мужиками-поляками приехали сотрудники НКВД. Зашли они и в дом Грика Иосифа, но не застали его дома. Почти полгода скрывался он от ареста, но, в конце концов, был председателем сельсовета выслежен и арестован. Что с ним произошло в дальнейшем, удалось проследить по материалам его архивно - следственного дела, хранящегося в архивах Томского КГБ.

Об обстоятельствах своего ареста Иосиф Августович написал сам в своей жалобе на имя председателя Верховного суда РСФСР в мае 1940 года из мест заключения следующее: "... 5 июля 1938 года меня арестовал председатель Осинковского сельсовета Кожевниковского района и направил в районную КПЗ, где я пробыл два дня. Затем меня направили в томскую тюрьму, где я просидел шесть дней. Там (в тюрьме - Х.В.) меня вызывали для подписи моего материала, я просил зачитать мой материал и мое обвинение, но мне его не зачитали и принудительным порядком заставили подписаться. Я был вынужден подписаться. После моей подписи меня обратно посадили в тюрьму, где я просидел семь месяцев до 6 февраля 1939 года. Затем меня направили в этап, а перед этапом зачитали, что я приговорен к 8 годам лишения свободы. (...). По своему суждению я приговорен к лишению свободы как национал, так как мои родители проживали в Польше..."

Там в чем же все-таки в действительности обвинялся И.А. Грик и кто "состряпал" его дело? Находим ответ в его следственном деле на эти и другие вопросы. Справку на арест его составил лейтенант госбезопасности Романов, временно исполняющий дела начальника Томского горотдела НКВД, утвердил ее начальник УНКВД по Новосибирской области майор госбезопасности Мальцев, постановление о предъявлении обвинения сочинил

младший лейтенант госбезопасности Горбенко, а всю черновую работу по его делу (проведение допросов, вернее, их сочинение и составление обвинительного заключения) провел оперуполномоченный сержант госбезопасности Иванов. Протоколов допроса в "деле" всего два: от 6 июля, где записаны анкетные данные, и от 16 июля, в котором написано, что он сознался в том, что является членом шпионско - диверсионной националистической группы, которая якобы являлась одной из резентур общей шпионской организации на территории Западной Сибири...

В руководители названной шпионской группы, состоящей всего из двух человек (к лету 1939 года почти никто из поляков- мужчин на свободе не находился), следователь НКВД "определил" Згурского Адама, 1891 года рождения, слесаря гаража Кожевниковского райпотребсоюза, сосланного в 1933 году на пять лет в Сибирь из Минска. Однако еще раньше "признательных» допросов, проведенных сержантом Ивановым, его начальник Горбенко в постановлении о предъявлении обвинения записал, что он рассмотрев материал (какой?- Х.В.) по делу Грика и приняв во внимание, что гражданин Грик, уроженец Польши нелегально перешел границу" (уж не в детском ли возрасте в начале века при переезде в Сибирь -Х.В.). Далее в этом документе говорится, что "Кожевниковское РО НКВД располагает данными о том, что Грик и Згурский распространяют контрреволюционные измышления о скором приближении войны фашистских государств против СССР и неизбежной гибели Советской власти. Клеветают на руководителей партии и правительства, проводят контрреволюционную агитацию среди колхозников за выход из колхоза, имеют переписку с родственниками, живущими за границей и восхваляют жизнь в фашистских капиталистических странах...».

За всё, что было сочинено следователями НКВД в их обвинительном заключении, получили Иосиф Грик и Адам Згурский приговором «тройки» от 19 октября 1939 года по 8 лет лагерей по целому «букету» 58 статьи УК РСФСР: 58-4-6-9-11. Повезло. Если бы эта же «тройка» рассматривала их дело всего на несколько месяцев раньше - не избежать бы им расстрельного приговора. А так лагерь...

Написав в сороковом году из Севураллага НКВД жалобу по инстанции Иосиф Грик просил разобраться с его делом и пересмотреть приговор. Виновным он себя не признавал. Невероятное дело, но жалоба его дошла до высоких инстанций и была назначена дополнительная проверка по его делу. 19 февраля и 19 марта 1941 года были допрошены бывшие односельчане Грика - Мальвина Лекаревич и Елена Гавицкая.

Обе они, несмотря на страх, так как у самих мужья были арестованы органами НКВД, охарактеризовали Иосифа Грика как хорошего односельчанина и законопослушного гражданина, всегда в

срок выполнявшего все денежные и натуральные платежи государству. Сказали они и о том, что никаких контрреволюционных высказываний от него не слышали. Однако, их показания к делу приобщены не были, других следственных "мероприятий" не проводилось, и никакого решения по делу Грика принято не было.

Как известно, жизнь лагерная не сахар. Каждый день в любой момент мог стать последним в жизни "простого советского заключённого". Между тем дни шли за днями. Один год "отсидки" сменял другой, и конца им не было видно... Как потом рассказывал Иосиф односельчанам, в лагере он занимался тем, что плел лапти для заключённых, полностью лишился зубов и совсем не думал, что останется жив... О том, что его уже посчитали не жильцом на этом свете, может служить решение лагерного начальства от 5 февраля 1943 года о его комиссовании и досрочном освобождении. Согласно директиве комиссариата юстиции и прокурора СССР от 23 октября 1942 года за № 467, лагерному начальству разрешалось досрочно освобождать «безнадежных» доходяг умирать дома. Грику "повезло", а вот его одноделец Згурский, не выдержав тягот лагерной жизни, 15 января 1945 года умер.

А между тем заявление, написанное Гриком еще в 1940 году с просьбой о пересмотре дела и последующем изменении приговора неспешно продолжало своё движение в потоке канцелярской волокиты. 13 сентября 1945 года, через 5 лет после её написания, жалоба Грика попала к представителю нового послевоенного поколения органов ЧК- ОГПУ-НКВД-МГБ, следователю управления МГБ по Томской области Елизавете Николаевне Бабиковой. Та же, воспитанная в лучших традициях «славных чекистов» 30-х годов, рассмотрев жалобу и архивно- следственное дело под N- 796234 по обвинению Грика и Згурского, нашла, что осуждены они были абсолютно правильно, в совершенных "преступлениях" сознались, «изобличались показаниями двух человек, а также, принимая во внимание, что Грик из лагеря освобожден в связи с тяжёлым заболеванием», постановила ходатайство Грика об пересмотре дела оставить без удовлетворения. Одним словом, по-прежнему Иосиф Грик оставался врагом народа, лишенным всех прав и средств к существованию.

Следователю Бабиковой как видно судьба какого-то бывшего зека- доходяги, волею судьбы оказавшегося моим земляком, была безразлична. Обязательно спросил бы её об этом, если бы знал, что в своё время и она приложила свою руку к судьбе моего земляка.

Иосифа Грика лично знать мне по малолетству не довелось, а вот с Е.Н. Бабиковой встречаться приходилось. Почти восемь лет вплоть до 1985 года мне довелось с ней регулярно встречаться, работая на кафедрах общественных наук ТИСИ. Я работал на кафедре

политической экономии, а она доцентом соседней кафедры истории КПСС. Была в то время Елизавета Николаевна человеком в институте известным и уважаемым – старый опытный педагог, наставник молодёжи, ветеран труда и партии, по праздникам часто в парадном костюме с кучей правительственных наград сидела в президиуме... Я и не догадывался в то время о чекистском прошлом этой убелённой сединой женщины. Это только в 1989 году из воспоминаний бывшего следователя КГБ А.И. Спраговского и бывшего заключённого ГУЛАГа Алексея Кропочкина стало известно, что Е.Н. Бабикова сама лично после войны принимала участие в фальсификации дел.

Как она допрашивала подсудимых мне не известно, но, очевидно, так как много позже принимала экзамены по истории КПСС у студенток-первокурсников. Доводилось своими глазами видеть такую картину: сидит уважаемая доцент Бабикова за столом в студенческой аудитории с папиросой Беломора в губах и рассеянно слушает, а рядом на стуле задыхаясь от едкого папиросного дыма и не смея возразить что-то лепечет молодая студенточка об «организующей и направляющей роли партии». Как тут не поверить словам о том, что привычка-вторая натура. Однако, Бог с ней с Бабиковой. В конце концов не она сфальсифицировала дело Иосифа Грика и не о ней сейчас идёт повествование.

Вернёмся к судьбе Иосифа Грика. Нет, дома вопреки расчётам тюремщиков он не умер. Крестьянская выносливость, более- менее сносная пища позволили ему выжить, вернуться с того света. После освобождения из лагеря он вновь вернулся в места своей молодости. Вначале жил в селе Кривошеино, а потом вновь переехал в Белосток, где прошла большая часть его жизни, где были похоронены родные и близкие. Мечтал вновь встать на ноги, начал выращивать скот, свиней, другую живность. И даже парализация жены Степаниды не заставила его отказаться от этой вековой заботы крестьянина. Жил в селе тихо и незаметно, стараясь ничем не напоминать "органам" о том, что еще жив: как бы вновь не отправили "досиживать" свой срок. Только в 1959 году решился и написал заявление в областной КГБ с просьбой выслать справку о его "непричастности и каком - либо преступлении", отметив, что справка необходима для восстановления стажа работы. Прождав более 7 месяцев заветную справку и не получив ответа, он 28 ноября 1959 года вновь написал заявление, но уже на имя прокурора области. На этот раз заявлению был дан ход. После детального изучения его уголовного дела и дополнительной проверки определением Военного трибунала СибВО от 25 января 1960 года постановление "тройки" УНКВД от 19 октября 1938 года по Грику и Згурскому было отменено из-за "отсутствия события преступления".

Однако с заветной справкой о реабилитации Иосифу Августовичу долго пожить равноправным гражданином не пришлось... Однажды он попался "под горячую руку" одному из колхозных активистов и был безнаказанно избит так, что "тронулся головой" и 8 марта 1961 года после кровоизлияния в мозг и парализации скончался.

Ничто сегодня не напоминает в селе о некогда крепком хозяине Иосифе Грик. Разве что косогор, где когда-то стоял его двухэтажный дом, старожилы по-прежнему зовут «Гриковой горой»...

БРАТЬЯ - «УГОЛОВНИКИ»

О Викентии и Петре Маркиш я в детстве слышал от бабушки как об уголовниках, совершивших убийство с грабежом какого-то заезжего парнишки, еще в начале 30-х годов. За долгие годы об этом преступлении, совершенном Винцуком и Петруком (так их в деревне называли), среди старожиллов сложилось устойчивое мнение как о чуть ли не единственном осуждении по справедливости. Более того, некоторые женщины говорили, что Маркиши за душегубство свое заработали по десять лет тюрьмы, а их мужья «запросто так» по какой-то неведомой им «политической» статье сгинули неизвестно где. Верных сведений о судьбе братьев-уголовников в селе не знал никто. Только ходили слухи, что в тюремном лагере один из них был якобы разорван собаками при попытке к бегству, а другой свой срок отсидел и вернулся. Некоторое время жил в райцентре, а после уехал куда-то.

Многое прояснить в судьбе братьев Маркишей помогло уголовное дело, заведенное на них уже в местах заключения и хранящееся в настоящее время в архиве КГБ. Вот что поведали несколько десятков пожелтевших страниц, сшитых в один небольшой том уголовного дела под № 8776.

Заключенные Маркиш Петр Матвеевич (1905 г. р., уроженец села Белосток, десятник дорожного строительства Кривошеинского Дорстроя, женатый, шестеро детей) и Маркиш Викентий Матвеевич (1909 г. р., уроженец Белостока, единоличник, холостой) были арестованы соответственно 5 и 6 мая 1937 года районной милицией по подозрению в убийстве, а 13 сентября районным судом признаны виновными и осуждены по уголовной статье № 166 к различным срокам заключения: Петр - к 10 годам ИТЛ, Викентий - к 8 годам лагерей с добавлением обоим по 5 лет поражения в правах. Для отбытия наказания были направлены в томскую ИТК №1.

Каких-то других официальных сведений о мотивах и обстоятельствах совершенного братьями убийства, как и его доказанности, в этом деле не имеется, но зато довольно подробно

описывается дальнейшая судьба братьев-уголовников, неожиданно для себя вдруг ставших «политическими».

Находясь в лагере, они без видимого повода в марте 1938 года были арестованы и препровождены в томскую тюрьму, где пути-дороги братьев через некоторое время разошлись: каждому уготована была своя судьба. В январе 1939 года Викентий Маркиш узнал, что считается теперь не как уголовник, а как «контрик», осужденный "тройкой» УНКВД по статье 58-6 (шпионаж) на те же 8 лет лагерей... Изменение таким образом своего «социального статуса» в лагере нисколько не устраивало Викентия, и он в жалобе на имя прокурора СССР из Верхотурского лагпункта № 1 в июле 1939 года попросит разобрать его дело, утверждая, что неправильно осужден как по статье 58 УК РСФСР, так и по статье 136.

В заявлении напишет, что никакого следствия и суда «гласного» по 58-й статье не было. В чем конкретно он обвиняется, ему неизвестно, и тут же наивно дополнит: «...неужели одно то, что я по национальности поляк, может служить моей виной в шпионстве? Кто я такой? Родился в 1909 году в семье крестьянина, в Польше никогда не был. С малых лет работал по найму. Последнее время работал в Томске грузчиком...». Закончит свою жалобу просьбой освободить его из лагеря, так как его невиновность «ясно можно установить путем ознакомления с делом».

Жалобе был дан ход, и «дело» Викентия Маркиша было рассмотрено, но приговор «тройки» оставлен был без изменения, так как все «положенные» документы в «деле» имелись. В их числе - и протоколы допросов с признательными показаниями как самого Викентия, так и его брата Петра, да еще двух братьев Гавиловских, поляков из Тяжинского района Запсибкрая, так же, как и брата Маркиши, осужденных в 1937 году по уголовной статье на 8 и 5 лет. Один из них работал бухгалтером, а другой - заведующим магазином... Допросы всех четверых составлены сержантом госбезопасности Крысовым. И если бы Викентий Маркиш мог сам ознакомиться со своим «делом», то прочитал бы в отношении себя и остальных обвинительное заключение следующего содержания:

"...В III часть ИТК № 2 на з/ка Маркиша П. М., Маркиша В. М., Гавиловского И. А. и Гавиловского П. А. поступили материалы о том, что они в лагере занимаются вредительско-шпионской деятельностью. Проведенным по данному делу расследованием установлено, что з/к (перечисляются фамилии. - Х.В.) организовались в к-р группу под непосредственным руководством и указанием Маркиша Петра Матвеевича. Проводили в ИТК шпионскую подрывную деятельность. Контрреволюционная шпионско-повстанческо-диверсионная группа проводила подготовительные работы к вооруженному лагерному восстанию с целью освобождения заключенных. Наряду с этим проводила подрывную шпионскую работу, а также распространяла среди з/к

клевету и антисоветскую агитацию пораженческого характера, восхваляла фашистские капиталистические страны. Допрошенные обвиняемые (перечисляются фамилии. - Х. В.) виновными себя признали. На основании вышеизложенного (перечисляются фамилии братьев. - Х В.) обвиняются в преступлении, предусмотренном ст. 58-2- 6-9-11 УК РСФСР. На основании ст. 208 УПК следственное дело подлежит направлению начальнику 3-го отделения ОМЗ УНКВД по НСО для последующего направления по подсудности. Вещественных доказательств нет. Обвиняемые содержатся в томской тюрьме.

Оперуполномоченный 3-го отделения ОМЗ УНКВД сержант
госбезопасности Крысов.
Составлено 30 марта 1938 года».

Все это заверяет подпись...

Конечно же, этот итог следственного усердия сержанта Крысова без всяких замечаний утвердил его непосредственный «шеф» - начальник 3-го отделения ОМЗ (отдела мест заключения) младший лейтенант госбезопасности Парфенов и отправил дальше по подсудности... «Тройка» УНКВД в своем заседании 2 ноября 1938 года решила судьбу «уголовно - политических» братьев следующим образом: Петра Маркиша и Петра Гавиловского приговорила к расстрелу, а их братьям оставила прежний срок заключения в 5 и 8 лет лагерей. 21 ноября 1938 года первые были расстреляны, а вторые возвращены вновь обживать «архипелаг ГУЛАГ».

Судьба, можно сказать, была более милостива к Викентию Маркишу по сравнению с его братом и в дальнейшем. Он не превратился за 8 лет отсидки в лагерную пыль, в 1945 году был освобожден и возвратился в Кривошеинский район, В 1951 году к нему, в отличие от многих бывших зэков, не была применена директива МГБ и Прокуратуры СССР № 66/241-ее, согласно которой выпущенные на свободу «политические» заключенные вновь подвергались аресту и вторичному осуждению.

Рассматривающие его дело сотрудники 2-го отдела УМГБ по Томской области ст. лейтенант Нехорошев и подполковник Калентьев решили к Маркишу Викентию вышеозначенную директиву не применять «за недостаточностью материалов». Выходит, что еще до реабилитации сомневались в его виновности...

Жил Викентий Маркиш тихо и незаметно, работал конюхом в районном ДПО. О судьбе своего старшего брата, как видно, не знал, о своей реабилитации не хлопотал. С односельчанами разговаривал мало и неохотно, да и те его не очень-то жаловали. Для них он по-прежнему оставался уголовником. Вновь вернулись к его делу лишь в начале 1963 года, когда в «органы» обратилась с заявлением жена Маркиша Петра Акулина Павловна, проживающая в городе Новосибирске. В заявлении просила сказать ей о судьбе мужа, разобрать его дело, если невиновен - оправдать и выслать ей справку

для получения пенсии. Только тогда в отношении братьев Маркишей начался реальный пересмотр дела. 6 марта 1963 года в адрес начальника УКГБ по Новосибирской области полковнику В. М. Ситнову поступило отношение от старшего помощника военного прокурора СибВО полковника юстиции Циханского, в котором он в соответствии с постановлением о возобновлении производства дела на Маркишей по жалобе жены одного из них и просил произвести дополнительное расследование. И далее конкретно в 5 пунктах изложил свою просьбу. Вот только два из них:

«4. - Прошу установить местонахождение в данное время Маркиша и Гавиловского и допросить их по существу предъявленных им в 38 году обвинений. Если они эти показания не подтвердят, то выяснить, в силу каких причин они свои показания, данные ими в 38 году, в данное время не подтверждают.

5. - Прошу проверить наличие компрометирующих материалов на лиц, которые проводили расследование по данному делу в 38 году, т. е. на сержанта ГБ Крысова и мл. лейтенанта ГБ Парфенова, в части нарушения ими соцзаконности при расследовании уголовных дел в 37-38 годах и, в частности, по данному делу, и как был решен вопрос об ответственности этих лиц. Если Маркиш и Гавиловский при допросах дадут показания о применении в отношении их незаконных методов и приемов следствия, то нужно будет истребовать объяснения от Крысова и Парфенова».

Для выполнения этого поручения работниками следственного отдела КГБ была проведена необходимая работа: сделаны запросы в соответствующие архивы на факт причастности Маркишей и Гавиловских к агентуре иностранных разведок, произведен поиск оставшихся в живых обвиняемых и их бывших следователей. Гавиловский Иван в результате поисков найден не был, а вот Маркиша Викентия нашли и 8 апреля 1963 года допросили. В ходе допроса он подтвердил суть своей жалобы, написанной еще в 1939 году, и дал следователю пояснения о методах допроса его сержантом Крысовым. В частности, сказал, что подписать протокол допроса он заставил обманным путем: сначала несколько дней продержал в камере совершенно голодными, а затем привел в свой кабинет. «В кабинете на самом видном месте, - писал в своих показаниях Маркиш, - в корзине находились сайки, колбасы, водка. Перед тем, как допросить, нам объявили, что мы должны подписать показания, так как этого требуют партия и правительство. И судьба наша не зависит от того, признаем мы себя виновными или нет. Нам все равно пришлют наказание, а если мы подпишем и признаем себя виновными, то тогда нам дадут хороший обед... При нас никаких записей следователь не делал и никаких показаний я не давал...".

Примерно то же самое указывал в своей жалобе на следователя и Гавиловский Иван из мест заключения. Получили работники

прокуратуры, занимающиеся реабилитацией братьев Маркишей и Гавиловских, также необходимые сведения на работников НКВД, сфабриковавших в свое время обвинения на них. Сообщили, что начальник 3-го отдела ОМЗ Парфенов Василий Алексеевич работал в этой должности с февраля 1938 года по март 1940 года, затем был перемещен на должность начальника Новосибирского отделения УИТЛ (управление исправительно-трудовых лагерей), откуда был уволен 15 ноября 1940 года как «не обеспечивающий руководство отделением и за отказ переехать на другую работу». Найти его не удалось, а вот бывшего сержанта Крысова нашли и сообщили, что Крысов Александр Фадеевич (1904 года рождения, член КПСС с 29 года, пенсионер) проживает в Томске по пер. Даниловскому, 10, кв. 4. Начальник следственного отдела Томского КГБ полковник Ионов 3 мая 1963 года лично взял у Крысова свидетельские показания. Этот короткий «диалог» бывшего чекиста со следователем КГБ интересен во многих отношениях и стоит того, чтобы его привести полностью лишь с небольшими малозначимыми сокращениями:

"Вопрос следователя: «С какого времени вы работали в органах НКВД?»».

Ответ: «С 35 по 47 год я работал оперативным уполномоченным 3-го отдела управления Сиблага НКВД».

Вопрос: «В 37-38 годах вели вы в лагерях расследование по делам на лиц, обвинявшихся в совершении к-р деятельности?»».

Ответ: «Да, по таким делам вести расследование мне приходилось».

Вопрос: «Какие нарушения соцзаконности вами тогда допускались?»».

Ответ: «Никаких нарушений соцзаконности по делам в ходе следствия я не допускал».

Вопрос: «Помните, вы вели расследование по делу братьев Маркишей и Гавиловских?»».

Ответ: «Расследование мне приходилось вести по многим делам, и поэтому сейчас не помню, вел ли дело на Гавиловских и Маркишей»

Вопрос: «Вам предъявляется для обозрения уголовное дело по обвинению братьев Гавиловских и братьев Маркишей. Скажите, на основании каких данных вы их арестовали?»».

Ответ: «Ознакомившись с указанным делом, я заявляю, что совершенно не помню, какие в то время были у меня материалы на Маркишей и Гавиловских. Но думаю, что какие-то данные, возможно секретные, имелись, и поэтому я их не приобщил к делу».

Вопрос: «Вам предъявляется протокол допроса Маркиша Викентия от 8 апреля 63 года. Что вы теперь скажете?»».

Ответ: «Я сейчас не помню, каким порядком вел расследование по этому делу».

Вопрос: «Маркиш показал, что протокол его допроса вы сами сочинили и путем обмана заставили его подписать. С содержанием

протокола вы его не знакомили. Такой «порядок» следствия вами применялся тогда?»).

Ответ: «Я еще раз заявляю, что совершенно не помню Гавиловских и Маркишей, не помню, каким порядком вел дело по их обвинению, но утверждаю, что фальсификацией следственных документов за время своей работы в лагерях не занимался...»).

Думаю, что следователю Ионову было все ясно и без этого допроса, так как на следующий день уже было утверждено его заключение по делу братьев «уголовно-политических». В своем заключении по материалам дополнительного расследования отметил, что указанные против братьев обвинения не подтверждаются, и полагал бы постановление "тройки» УНКВД в их отношении отменить за отсутствием события преступления, что и было сделано определением ВТ СибВО от 24 мая 1963 года.

«ВОЕННЫЕ»

Семен Иванович Мазюк, в прошлом один из жителей села Белосток Кривошеинского района, военным никогда не был: к началу первой Империалистической ему всего семь лет исполнилось, а до Великой Отечественной дожить было не суждено... И все же отношение к военным, пусть даже и косвенное, имел - работал помощником бухгалтера военстроя Сибирского военного округа, проживал с женой в одном из барачных Томского военного городка. Там его и арестовали 13 июня 1938 года.

Как свидетельствуют документы его архивно-следственного дела, арестован он был как один из участников якобы действовавшей и ликвидированной в Томске шпионско-диверсионной группы, состоящей из поляков, работавших в воинских частях и предприятиях города. Кроме С.И. Мазюка и чернорабочего военстроя Сиб.ВО Егора Зарецкого в указанной группе «состояли» люди действительно военные и известные в своих кругах. Это – Потребо Даниил Емельянович, 1895 года рождения, майор Красной армии, член ВКП (б) с 1920 года, преподаватель томских курсов усовершенствования комсостава РККА. Второй- Добржанский Иосиф Станиславович, 1904 года рождения, капитан Красной армии, член ВКП(б), военный преподаватель Томского артучилища. Третий - Павел Петрович Лукашук, 1894 года рождения, до 1934 года - начальник подразделения войск ОГПУ по охране томской железной дороги, но 27 февраля 1934 года контрольной партийной комиссией исключенный из партии "за развал воинской дисциплины личного состава и скрытие пребывания своей добровольной службы в колчаковской милиции" и, естественно, уволенный с военной

службы. Перед арестом работал комендантом учетно-кредитного техникума.

И если у Лукашука и было "темное прошлое", за которое легко уцепились органы НКВД, то в биографиях Потребо и Добржанского, казалось, ничто не могло угрожать их будущему. Так, Добржанский родился в крестьянской семье под Минском, после окончания педагогического техникума работал учителем, в конце двадцатых годов поступил в Московскую академию им. Крупской. После ее окончания был направлен в распоряжение Ленинградского военного округа, а уж затем из Ленинграда направлен в Томское артиллерийское училище на должность преподавателя истории СССР.

Как видно из документов, и в артучилище Добржанский был не на последнем месте. В характеристике, выданной ему за полгода до ареста начальником училища полковником Пантюхиным и батальонным комиссаром Лебедевым сказано, что член ВКП (б) с 1927 года Добржанский "идеологически устойчив, политически развит и подготовлен, в партийной работе активный, состоит членом партийного бюро училища и членом парткомиссии, (...) иногда в работе проявляет излишнюю горячность... но как член партии и как преподаватель никаких сомнений не вызывает".

Подобные положительные характеристики, вплоть до 37-го года, были и в послужном списке Даниила Емельяновича Потребо. Оставшись в восемь лет без родителей, он в своей же деревне был отдан "на прокормление": весной и летом пас скот, а зимой учился. В 1909 году уехал в столицу и поступил в портновскую мастерскую в качестве посыльного, где и проработал до начала войны. В 1915 году был призван на военную службу, воевал, в годы Февральской революции выбирался в батареинный комитет... В Красную Армию вступил в 1918 году, закончил артиллерийские курсы и, получив звание красного командира, участвовал в боях против денкинцев, подавлял восстание в Армавирском районе, в августе 21-го года принимал участие в военных действиях против врангелевцев. С 32-го по 37-й год Потребо служил в 78-м томском артполку в должностях от начальника штаба до командира полка.

Революционно-чекистской была также и биография его братьев, о которых он написал в 36-м году в своей автобиографии следующее: "...нас всех братьев было пять человек. В настоящее время за границей в Польше должны проживать три брата: Михаил, Григорий и Степан. До 28-го года я совершенно не знал, живы ли они. Но в 28-м году от двоюродного брата в Ленинграде узнал, что старший брат Михаил во время Октябрьского переворота командовал ротой и охранял Смольный, а когда разрешили - уехал на родину. Младший брат Степан участвовал в процессе Белорусской команды и был осужден, а его имущество сожжено

поляками... Брат Иван был председателем ЧК в г. Орджоникидзе, но за дискредитацию ГПУ (убил у себя в кабинете во время допроса князя) был приговорен к расстрелу. Расстрел отложили и послали учиться в Московский институт им. Плеханова. После окончания института он работал в Колхозцентре. В институте во время партийной дискуссии как будто стоял за Троцкого, но после разъяснения ЦК от оппозиции отпал. Из Москвы уехал по мобилизации в Туркестан, и точного места пребывания его сейчас не знаю...".

Эти-то строки из биографии о братьях в Польше и брате-троцкисте и стали кончиком той нити, за которую ухватился вездесущий НКВД. Однако прежде всего ухватилось своё родное партийное бюро, решением которого от 28 ноября 1937 года Даниил Потребо был исключен из рядов партии за «скрытие связи с братом –троцкистом и связей с братьями в Польше и как не выражающий политического доверия...». Вслед за решением дивизионного партийного бюро в июне 1938 года последовал приказ командира 73 стрелковой дивизии комбрига Селезнёва об увольнении из РККА. По логике, вслед за увольнением следовало ждать ареста. Арестован он был 13 июля 1938-го года сотрудником горотдела НКВД Щербининым. Кстати, этот сержант госбезопасности арестовывал и других "однодельцев" Потребо, допрашивал и составлял обвинительное заключение. В результате "дознательской" работы сержанта Щербинина и его начальника Горбенко в отношении Потребо и других появилось обвинительное заключение, в котором, в частности, говорилось: "...названная группа являлась одной из резидентур разветвленной сети польской разведки на территории Западной Сибири, которая ставила перед собой задачу активной диверсии, шпионажа и подрыва мощи Красной Армии в тылу страны в момент войны фашистских государств против СССР. (...). Руководителем шпионско-диверсионной группы, существующей в воинских частях, являлся польский разведчик Даниил Емельянович Потребо. Он в 1927-м году был завербован польской разведкой и по ее указаниям проводил на территории СССР контрреволюционную и шпионско-диверсионную работу против Советской власти. В 1931-м году по заданию польского агента Стриде переехал в Томск и увязался с польским разведчиком Добржанским, с которым создал националистическую группу, куда вовлекли командира запаса, в последнее время работавшего в техникуме, Лукашука Павла Петровича, преподавателя томских курсов усовершенствования комсостава запаса В.Н. Рачковского и С.И. Груздева, офицера царской армии, исключенного из рядов ВКП (б)...

Добржанский И.С., завербованный в 1932 г. в Москве польским разведчиком Адамовичем Э.И., по заданию которого и его содействию в 1933 году вступил в ряды Красной армии и в этом же году переехал в Томск, где работал в качестве военного

преподавателя Томского артиллерийского училища (ТАУ). Работая в училище, в 1937 году увязался с агентом польской разведки Потребо и совместно с последним создал в ТАУ шпионско-националистическую группу, в которую завербовал преподавателя Томского артучилища Гурьева К.М. и зав. шорной мастерской Рудько В.М. В 35-м году передал шпионские сведения о применении новейших видов вооружения РККА, о политических настроениях и экономическом положении курсантов, пропускной способности артучилища; во время проведения занятий с курсантами протаскивал контрреволюционные троцкистские идеи и высказывания, а также допускал пораженческие взгляды при проработке истории ВКП (б), срывал политмассовую работу в школе и не реагировал на факты морального разложения и антисоветского проявления отдельных коммунистов и комсомольцев...

Лукашук П.П. был завербован в агентуру польской разведки Потребо и по заданию которого обработал и вовлек в агентуру польской разведки Мазюка С.И., Зарецкого Е.О. и Савич А.Л. Лично сам и через вовлеченных в 37 и 38 годах собирал шпионские материалы о военном строительстве и плане, намеченном на 39-й год строительстве в томском гарнизоне, о политических настроениях и экономическом положении рабочих, работающих в военстрое...

Мазюк С.И., работая в военстрое, постоянно занимался подрывной вредительской деятельностью, запутывал отчетность бухгалтерии, тем самым давал возможность расхищать строительные материалы, вел контрреволюционную фашистскую националистическую агитацию среди проживающих поляков в г. Томске, среди которых возбуждал эмиграционное настроение, злобу и ненависть по отношению к партии и правительству...

Зарецкий Е.О. вел антисоветскую националистическую агитацию и восхвалял преимущества жизни рабочих фашистской Польши против СССР..."

25 октября 1938 года Потребо, Добржанский, Лукашук и Мазюк в соответствии с постановлением "тройки" УНКВД по Новосибирской области от 19 октября 1938 года были расстреляны. Зарецкий осужден на 10 лет исправительно - трудовых лагерей, и дальнейшая судьба его теряется в этих местах «спецперевоспитания». До сведения родных, согласно заведенному правилу, настоящее решение "тройки" доведено не было: все, мол, получили традиционные десять лет без права переписки.

Как написала в своих воспоминаниях дочь Лукашука Ника Павловна, после ареста отца ее мать пыталась носить передачи мужу в здание НКВД, что по проспекту Ленина, но их у нее не брали, говоря, что он ни в чем не нуждается... Написала она и о том, что ее мать очень боялась, что арестуют и ее, в этом случае восьмилетняя дочь осталась бы одна, поэтому делать запросы относительно судьбы мужа долго не решалась...

В апреле 1940 года жена Добржанского подала жалобу на имя прокурора СибВО с просьбой о пересмотре дела мужа. Рассматривающий жалобу помощник военного прокурора Янушевский в просьбе отказал за "необоснованностью" жалобы. В 1957 году в "органы" написал сын Добржанского, а затем и его 105-летний отец. Рассмотреть их заявления, а так же материалы архивно-следственных дел на Добржанско и других его однодельцев было поручено следователю УКГБ по Томской области А.И. Спраговскому. В результате проведенной следователем А.И. Спраговским работы было установлено, что Д.И. Потребо и другие "однодельцы" осуждены необоснованно и определением военного трибунала Сибирского военного округа от 24 октября 1958 г. реабилитированы.

В 1989 г. при личной встрече Анатолий Иванович Спраговский подробно обстоятельств своей работы по реабилитации конкретно моего земляка С.И. Мазюка и других вышеупомянутых поляков за давностью лет вспомнить не смог, отметив, что приходилось пересматривать дела на многих поляков, необоснованно осужденных в 30-е годы. Он рассказал, что в ходе проверки архивно-следственных дел было установлено, что в отношении поляков репрессии проводились, как правило, следующим образом: по территориальному и ведомственному признаку были составлены списки поляков-мужчин от 17 лет и старше. Однако в эти черные списки попадали и женщины. Затем по составленным заранее работниками НКВД и кадровыми службами предприятий и учреждений спискам были проведены аресты ничего не подозревающих людей. У всех арестованных независимо от общественного положения, партийной принадлежности или же полной аполитичности было стандартное обвинение- участие в контрреволюционной "Польской организации войсковой", шпионаж, террор... А вот так называемая «практическая деятельность» измышлялась и вменялась в вину в зависимости от того, какое положение он занимал в обществе до момента ареста. И так по каждому делу, как одиночному, так и групповому.

Мазюк Семен никогда военным не был, но по воле НКВД стал "военным шпионом", в чьи обязанности входило запутывание бухгалтерской отчетности в строительном подразделении СибВО и затыжка в выдаче зарплаты рабочим. Интересно, что было бы написано в обвинительном заключении на него, работай он перед арестом в другой организации и на другой работе? Не сомневаюсь, что что-нибудь соответствующее обязательно было бы написано. Формальности были бы соблюдены.

СИБИРСКИЙ ПОЛЬСКИЙ КОМИТЕТ

Они шумели буйным
лесом
В них были вера и
доверье,
Но их повыбили
железом,
И леса нет - одни
деревья.

Давид Самойлов

“Следствием по делу вскрытой и ликвидированной контрреволюционной шпионо-диверсионной повстанческой организации “Польской организации войсковой” установлено, что в деятельности названной организации принимали участие...”, - такие слова из постановлений на арест были вписаны в дела многих тысяч поляков, репрессированных в 1937-38 годах не только на территории Сибири, но и в Москве, Пятигорске, Ростове, Казахстане и других больших и малых населенных пунктах всего Советского Союза. Практически всех советских поляков обвинили тогда в организованном заговоре против советской власти. Организованной формой этого заговора, по мнению работников НКВД, должна была быть некая подпольная контрреволюционная организация, под непосредственным руководством которой и по ее прямому указанию должны были действовать “враги народа” с польскими фамилиями и именами. И совсем не важно, что такой организации в природе не существовало, она была создана в недрах НКВД.

Стараниями работников НКВД была сочинена мощная националистическая организация “ПОВ”, якобы имеющая свой организационный центр в Москве и соответствующие комитеты и центры во всех регионах Советского Союза. Вот они-то и должны были, по мнению чекистов, на местах заниматься формированием повстанческих легионов из числа польского населения, собирать шпионские сведения через своих подчиненных и передавать их “заказчику” - Второму польскому генштабу, а также непосредственно вести подготовку ко всеобщему выступлению против Советской диктатуры в установленный день и час...

И, может быть, не стоило говорить об этих мифических центрах и комитетах несуществующей “Польской организации войсковой”, если бы за ними не были реальные человеческие судьбы. Судьбы людей с разными убеждениями, взглядами,

прожитыми жизнями, но одинаковым ее завершением - подвалами НКВД и пулей в затылок.

По расчетам чекистов, всей контрреволюционной работой в Сибири должен был руководить так называемый “Сибирский польский комитет“ организации “ПОВ”, состоящий из людей авторитетных и известных среди поляков. И такие были найдены. В него были определены: известный в Нарымском крае поляк-коммунист с дореволюционным стажем Филиппович-Кенцинский и бывший кадровый офицер колчаковской и польской армий Сосенко, руководитель польского общества в Новосибирске., политэмигрант Плебанек и ксендзы Томского и Иркутского костелов Гронский и Жуковский, бывший командир подразделения войск ЧК на железной дороге Лукашук и заведующий отделом национальных меньшинств Сибрайисполкома Экмиевский.

Для сотрудников УНКВД по Запсибкраю было совсем не важно, что некоторые из “членов” этого “комитета” не только были незнакомы друг с другом, но и являлись людьми противоположных мировоззрений, были идейными врагами.. Это нисколько не смущало людей “с холодной головой”, вооруженных марксистско-сталинской диалектикой о том, что противоположные силы сближаются, если они настроены против... Советской власти. С архивно-следственными делами некоторых “членов” указанного комитета удалось познакомиться и, таким образом, более подробно изучить историю их жизненного пути.

У Филипповича Владислава Иосифовича, уроженца польского города Пабияница, была до Октябрьского переворота в России и после него богатая революционная биография. Начать следует с того, что поведать о том, почему у него до революции были другая фамилия и имя. Настоящие его фамилия и имя - Богумил Кенцицкий, 1888 года рождения, ткач города Лодзи. До 1907 года он вместе с родителями и братьями жил в этом пролетарском городе. В семнадцатилетнем возрасте приобщился к революционной организации ППС, участвовал в революционных событиях 1905 года, принимал участие в баррикадных боях. По заданию своей партийной ячейки в 1907 году участвовал в ряде терактов против царских жандармов и надзирателей, а также вместе с товарищами по партии совершил несколько экспроприаций в пользу своей организации. Скрываясь от полиции во избежание ареста, приобрел подложные документы на имя Владислава Филипповича.

В 1907 году Филиппович-Кенцинский был арестован и как член ППС в административном порядке /что член “боевики” ППС не знали/ выслан в Сибирь на три года. Три года растянулись на всю жизнь. В Нарыме сблизился с ссыльными большевиками. Поддерживал их курс на социалистическую революцию в России. В годы колчаковщины активно участвовал в красном партизанском движении в Нарымском крае. С 1920 года после восстановления в

крае Советской власти возглавлял Нарымский ревтрибунал и местное полит бюро /прообраз будущих “троек “/, жесткой рукой расправляясь как с явными, так и мнимыми врагами партии большевиков, в члены которой вступил в 1920 году. В последующие годы работал там, куда посылала партия: в Чека, на партийно-советских и хозяйственных должностях. Последним местом работы перед арестом первого сентября 1937 года было руководство Нарымской окружной промконторой “Запсиблеспромсоюз”.

Сразу же после ареста в Колпашево Филипповича по распоряжению начальника УНКВД по Запсибкраю спецконвоем направили в Новосибирск в распоряжение начальника 3 отдела УГБ по ЗСК лейтенанта госбезопасности Голубчика. “Вел” непосредственно его дело начальник третьего отделения УНКВД лейтенант госбезопасности Коннов. В деле Филипповича по сути имеется всего два протокола допроса - от восьмого и девятого сентября. В первом отражен рассказ арестованного о своем революционном прошлом, а во втором следователь УНКВД уличил его в обмане партии, и таким образом, полностью «разоружил и заставил отказаться от запирательства...». При аресте Филипповича у него на квартире был изъят довольно солидный личный архив: письма, различные мандаты, бланки, удостоверения, воспоминания о прожитых годах в записных книжках. Среди изъятых бумаг были мандат и делегатский билет участника съезда поляков в Москве 1929 года, приглашение на съезд от руководства польской компартии, а также личные партийные дела члена ВКП/б/, оставшиеся у него после партийной переписи и чистки 1922 и 1928 годов. В них рукой Филипповича было записано, что в 1907 году он был царским судом приговорен к каторжным работам на восемь лет за убийство жандармского ротмистра. В протоколе на допросе он показал, что в Сибирь был выслан административным порядком всего на три года. Получилась неувязка. Обнаружив несоответствие показаний Филипповича на первом допросе и старых анкетных данных относительно прошлого арестованного, следователь заставил его сознаться в том, что к каторге он не приговаривался, а сделал это с целью “приписать себе революционные заслуги”.

Далее Филиппович не запирался и двенадцатого сентября собственноручно написал заявление на имя следователя о том, что хорошо обдумал выставленные против него улики и пришел к убеждению о том, что запирательство бесполезно. Написал, что действительно был участником существовавшей на территории Сибири “Польской организации войсковой” и в названной организации в числе других занимал руководящее положение, а именно являлся уполномоченным Московского центра “ПОВ” по Сибири. В члены контрреволюционной организации якобы был завербован еще в 1929 году во время съезда поляков в Москве руководителями “ПОВ” союзного масштаба Томашем Домбалем и

Болеславом Пржибышевским. /Как видно пригодились следователю изъятые при обыске бланки и записки с подписями партийных товарищей по Москве/.

В конце своего заявления старый революционер написал, что подробные показания о деятельности "ПОВ" Сибири и о своей работе в ней даст дополнительно, но этих показаний в деле нет. Можно только догадываться и строить предположения, что было с ним вплоть до двадцать первого января тридцать восьмого года. В этот день постановлением НКВД СССР он был приговорен к расстрелу. Приговор привели в исполнение немедленно в тот же день. А обвинительное заключение составили только спустя три месяца после приведения приговора в исполнение...

Судьба уготовила сыну дворянина Александру Сосенко военную карьеру еще до его рождения. Судите сами: военными были и дед, и отец. Сам Александр на службе у русского царя дошел до чина полковника и, выйдя в отставку, жил в городе Замостье Люблинской губернии. По линии матери, Елены Адольфовны, урожденной Чернецкой, в роду также были военные. Три брата Александра - Иван, Константин и Евгений, воевали на фронтах первой мировой войны офицерами или вольноопределяющимися. Один из них - Константин, погиб. Две сестры также вышли замуж за военных.

К началу первой мировой войны Александру Сосенко исполнилось восемнадцать лет. Он не мыслил себя вне поля брани, мечтал умереть смертью храбрых за отечество, за свободу Польши. Получив благословение родителей, поступил вольноопределяющимся в девяносто девятый Ивановгородский пехотный полк и был отправлен на фронт в Восточную Пруссию. Был ранен. По выздоровлении в декабре 1915 года поступил в Гатчинскую школу прапорщиков. Окончив ее и став офицером, осенью шестнадцатого года вновь отправлен на фронт в составе пятидесятого Сибирского стрелкового полка. Вновь ранение и контузия. Госпиталь и опять дорога на фронт. В пути, не добравшись до фронтовых окопов, заболел сыпным тифом. В тифозном бараке шла долгая борьба со смертью, медленное выздоровление.

А в это время в России кипели политические страсти, разваливалась Российская империя. Временное правительство Российской республики заявило о признании за польским народом права на независимое демократическое государство, вековой мечты нескольких поколений поляков. Полные энтузиазма и надежды на воссоздание своей государственности, поляки начали создавать польскую армию, активизировали работу многочисленные польские общества и организации...

Выйдя из тифозного барака, Сосенко явился в польское представительство и, получив документы подданного Польши,

выехал в Сибирь на место формирования польской армии. Летом 1918 года прибыл в Ново-Николаевск /Новосибирск/ в распоряжение командования пятой польской сибирской дивизии, принял под свое командование стрелковый батальон. Вместе со многими польскими солдатами и офицерами пережил и испытал радость побед в нескольких сражениях с Красной Армией и горечь всеобщего отступления на Восток. В конце девятнадцатого - начале двадцатого года попал в большевистский плен. В числе двухсот польских офицеров был помещен в концлагерь, что располагался в Красноярске. Через двадцать дней совершил побег из концлагеря, воспользовавшись ротозейством конвоиров. Впоследствии вместе с женой добрался до польского посольства в Москве, а затем - направление в Пленбеж и эвакуация как польских подданных в Польшу.

На родине Александр Сосенко начал служить в частях Польской армии, расположенных в Барановичах и Бресте, но ранения и контузия постоянно о себе напоминали. Пришлось в двадцать третьем году из армии демобилизоваться. Жена Лидия, россиянка по происхождению, постоянно тосковала о родных, оставшихся в Красной России. После долгих колебаний решили вернуться в Россию к родственникам жены.

При переходе границы Сосенко был арестован и за нелегальный переход границы комитетом ОГПУ осужден по статье 66 часть 1 УК РСФСР к трем годам концлагерей. После отбытия этих трех лет в Соловках в двадцать седьмом году его отправили в ссылку в Нарымский округ. Проживал он в поселке Каргасок, на плотбище леспромхоза в тайге, а с 1932 года - в городе Колпашево. Работал механиком-мотористом на электростанции городского педучилища.

Арестовал его одиннадцатого августа тридцать седьмого года сотрудник Нарымского окротдела Смирнов. После предварительных допросов в Колпашево следователями НКВД Суровым и Карповым его переправили в Новосибирск. Основательно “обработанный” специалистами своего дела, Сосенко на допросах у начальника УНКВД по Запсибкраю Горбача и следователя Коннова признался в том, что в 1924 году был нелегально переброшен в СССР со специальными заданиями польских разведорганов. Конкретно это якобы выражалось в том, что Сосенко должен был объединить все разрозненные группы “ПОВ”, существовавшие в Сибири, в одну мощную централизованную организацию, что ему и удалось. Дал показания о том, что под его руководством были объединены существовавшие группы “ПОВ” практически во всех сибирских городах, перечислил фамилии руководителей этих групп, назвал фамилии людей из числа бывших военных офицеров русской армии, которых лично завербовал в организацию “ПОВ” на должности командиров штурмовых повстанческих отрядов. Признался и в том,

что лично к тридцать шестом году разработал план вооруженного восстания организации "ПОВ" в Сибири и затем подробно по пунктам изложил его. В чем только не признался Сосенко своим следователям на допросах, протоколы которых насчитывали не менее двадцати страниц печатного текста! Вот только подписи подследственного на них отсутствуют, а без них протокол не считается документом. И все же, несмотря на такую "оплошность следствия", копии протоколов допросов Сосенко Александра были приобщены в качестве улик к делам многих репрессированных сибирских поляков, в том числе и жителей села Белостока, хотя в них нет даже упоминания о селе или ком-то из его жителей. Постановлением Особого Сопсования НКВД СССР от двадцатого октября тридцать седьмого года Сосенко Александр был приговорен к расстрелу и пятого ноября его не стало.

Особо значительную роль отводилась в планах и расчетах руководства УНКВД по Запсибкраю при проведении репрессий в отношении поляков, литовцев, латышей, немцев на католических священников. Отмечая их огромный авторитет и влияние на католическое население, что соответствовало действительности, местные чекисты делали из этого вывод, что ксендзы давно являются не просто рядовыми контрреволюционерами, а руководителями и организаторами многочисленных шпионско-диверсионных и террористических групп. Естественно, что когда руководству сибирских "органов" потребовалось создание "Сибирского польского комитета", то ксендзы заняли в нем лидирующее положение. В его составе числились три католических священника - ксендзы Юлиан Гронский, Антоний Жуковский и Иероним Церпенто. О последнем известно только то, что до революции он был настоятелем белостокского католического прихода, впоследствии являлся духовным пастырем в Барабинске, Ачинске, Красноярске. В 1935 году в Красноярске ксендз Трепетно был арестован и осужден как польский шпион на десять лет лагерей. Дальнейшая судьба его не установлена. Ксендз Юлиан Гронский был человеком хорошо известным и почитаемым в двадцатые годы среди сибирских католиков. Являясь настоятелем Томского римско-католического прихода с августа 1920 года, а с 1926 года еще и администратором католической церкви по всей Сибири, отец Юлиан продолжал, не смотря на угрозы атеистов-большевиков, помимо службы в Томском костеле, регулярно посещать те деревни и села Томской губернии, где проживали католики. Проводил богослужения, крестил новорожденных, венчал молодых, отпевал усопших, что на языке властей квалифицировалось не иначе как антисоветская агитация, шпионаж, контрреволюционная деятельность. 25 апреля 1931 года Гронский был арестован оперсектором Томского ОГПУ по необоснованному обвинению в том, что, используя связь с заграницей, сообщал "заведомо

неверные” сведения о настроении населения, о преследовании религии в СССР. Обвинили его и в том, что, используя свое влияние на верующих, он вел контрреволюционную деятельность, создавал контрреволюционные группировки на территории Сибири.

Чтобы уличить Гронского в предъявленных обвинениях, кроме него арестовали несколько десятков прихожан - католиков и создали из них эти так называемые контрреволюционные группы, заставив арестованных дать показания как против себя, так и против ксендза Гронского. Решением судебной коллегии ОГПУ от седьмого марта 1932 года Гронский Юлиан Михайлович, 1877 года рождения, уроженец Ковенской губернии, по национальности литовец, администратор римско-католической церкви Сибири был осужден по статье 58-6-11 УК РСФСР к десяти годам концлагерей.

В январе 1934 года во изменении прежнего постановления решением той же Коллегии ОГПУ Гронский был выслан из пределов СССР. Вполне возможно, он был в составе группы ксендзов, которых по договоренности с правительством оитвы в 1934 году обменяли на политзаключенных, содержавшихся в литовских тюрьмах. О дальнейшей его судьбе в архивно-следственном деле сведений не имеется. Как и не упоминается в нем о каком-либо участии Гронского в деятельности так называемой “Польской организации войсковой” и ее “Сибирского центра”.

Меньше повезло в диалоге с сибирскими чекистами ксендзу Иркутской общины Жуковскому Антонию. Практически с самого начала восстановления Советской власти в Сибири, он подвергался репрессиям с ее стороны. Так, в 1920 году почти восемь месяцев содержался под арестом Барнаульской ЧК в качестве заложника. В августе 1926 года был арестован Иркутским ОГПУ и осужден по статье 58-10 /антисоветская агитация и пропаганда/ на три года концлагерей. Отбыв наказание в Вышегородском концлагере Урала, он еще на три года был отправлен в ссылку Северного края. После окончания ссылки, Жуковский вернулся в Иркутск и продолжал вести религиозные службы. А так как к началу тридцатых годов на свободе из всех сибирских ксендзов остался только он, то, переняв эстафету у ксендза Гронского, он начал приезжать и проводить религиозные службы в Новосибирске, Омске, Томске...

Последний его приезд в Томск пришелся на июнь тридцать седьмого в самый разгар репрессий. Через месяц четырнадцатого июля его арестовал сотрудник Томского горотдела НКВД Щербинин. Постановление об аресте /уже после ареста/ составил сотрудник НКВД Романов, кстати тот, кто вел в тридцать первом году “дело” ксендза Гронского.

В Томском горотделе ксендза Жуковского допросили на предмет его знакомства с католиками Томска и его окрестностей /все названные мужчины вскоре были арестованы и расстреляны/, а затем отправили в подвалы краевого НКВД в распоряжение

специалиста по “Сибирскому польскому комитету” лейтенанту госбезопасности Коннову. Очевидно, чекист Коннов был не только в курсе дел “Сибирского полькомитета”, но и вообще “знатоком человеческих душ”. У него ксендз не только “признался” во всех предъявленных обвинениях, но и собственноручно написал заявление на сей счет, ”желая полностью разоружиться перед Советской властью с целью смягчения своей участи”.

В протоколе допроса Жуковского от девятнадцатого августа 1937 года подробно изложена история создания в Сибири организации “ПОВ” с восемнадцатого года по тридцать седьмой, дана периодизация ее деятельности, изложена стратегия и тактика в каждый ее период. Одним словом, не протокол допроса, а обстоятельный доклад. Вот только, читая эти “признательные показания” не можешь отделаться от мысли, что создавал /или диктовал/ этот текст человек военной выучки, а не священник. Обвинительное заключение тоже было по-военному лаконичным: - “Следствием установлено, что Сибирский филиал ПОВ был создан в 1918 году уполномоченным Пилсудского по Сибири Казимиром Гинтовт и другими офицерами польского главного штаба, входившими в польский военный комитет при Колчаке. Как участник ПОВ и польский разведчик А.И. Жуковский в 1918-1919 годах был лично связан с названным выше польским военным комитетом и по заданию последнего вел к-р агитацию в католических костелах за вступление в польские белогвардейские легионы. В 1921 -24 годах Жуковский был связан с польскими офицерами Свидерским и Гинтовт, членами польской делегации в комиссии по репатриации и под их руководством создал филиалы и комитеты ПОВ в Барнауле и Новосибирске... В 1924-34 годах создал филиал ПОВ в Иркутске, на Черемховском каменноугольном руднике и на станциях: Слюдянке, Оловянной, Черемхово. Как член Сибирского комитета ПОВ лично руководил деятельностью комитетов ПОВ в Иркутске, Томске, Барнауле и Барабинске... По заданию названного выше Сибирского комитета в 1936 году имел встречи с военным атташе польского посольства в Москве - польским офицером Лягодой, которому передал шпионские сведения о политическом положении сибирских польских колоний и о подготовке филиалов ПОВ к вооруженному выступлению...”.

Комментарии, как говорится, излишни. Следователь Коннов, сочинивший это обвинительное заключение, на сомневался, то оно будет утверждено без замечаний, а он займется другими членами “Сибирского комитета”. Так и вышло. Постановлением НКВД СССР от четвертого октября 1937 года ксендз Жуковский был приговорен к расстрелу. Расстреляли через восемь дней - 12 октября 1937 года.

Это был последний католический священник в Сибири. Возрождение католических общин началось только через пятьдесят лет.

«ВЕРШИТЕЛИ СУДЕБ»

«О-о, долга! Долга! Долга та скамья,
на которой расселись бы все палачи и
предатели нашего народа, если бы
сажать их от самых ...и до самых»

А.И. Солженицын.

Узнавая все новые и новые факты о преступлениях сталинской клики в тридцатые годы, мы всякий раз поражаемся размаху репрессии, счет жертв которых идет на миллионы, и как-то мало задумываемся над тем, что эти репрессии осуществлялись не сами по себе. Ведь за миллионами жертв террора стоит, пожалуй, не меньшее количество наших же «совтрудящихся», повинных прямо или косвенно в прямом уничтожении другой половины.

Понятно, что и органах ОГПУ-НКВД работали не только Ягода, Ежов и Берия. Многомиллионный ГУЛАГ обслуживался не меньшей армией его стражников. Известно и то, что сотни тысяч добровольных помощников «органов» писали доносы на своих сослуживцев, соседей, близких... миллионы партийных и просто «сознательных» на собраниях и митингах с восторгом одобряли политику «великого рулевого» и его партию. Обо всех не расскажешь. Здесь речь пойдя лишь только о некоторых из тех предстателей репрессивной машины, от кого в тридцатые годы реально зависела судьба многих тысяч жителей сибирских деревень и городов и, в частности, сибирских поляков.

Так кто же были они, вершители судеб моих дедов и прадедов, как к судеб тысяч их соплеменников? Что они думали, какие чувства испытывали, когда творили свои черные дела? Как сложилась их собственная судьба? Трудно ответить на эти вопросы. И хотя длинен, очень длинен список тех, кто оказался в числе «вершителей судеб», кто так или иначе творил произвол или ему способствовал, беспрекословно выполняя приказы и постановления вышестоящих чинов НКВД или партийных секретарей, однако нам эти люди практически не были известны, мы не слышали их покаянных слов, не читали воспоминаний и даже до недавних пор не знали их фамилий, скрытых в многочисленных страницах архивно-следственных дел.

Не стоит, пожалуй, уповать и на архивы КГБ, что с их помощью возможно будет установить буквально пофамильно тех, кто был винтиком» или «шестеренкой» в огромной и сложной машине террора. Не стоит на это рассчитывать по той причине, что значительная часть архивных материалов НКВД была уничтожена, а

другая долгое время хранилась и поныне хранится в архивах УАФБ (преобразованное КГБ), МВД, не доступная для историков.

Приведенные ниже материалы были собраны буквально по крупицам из тех архивно-следственных дел, с которыми пришлось познакомиться, изучая судьбы своих земляков-поляков, некоторые материалы были обнаружены в бывшем партархиве Томской области, некоторые интересные данные получил от историка Игоря Кузнецова.

Кто-то может возразить: зачем ворошить старое? Зачем устанавливать фамилии работников НКВД? Ведь и среди них были разные люди... Конечно, люди, служившие даже в органах НКВД были разные, выполняли разные функции в действовавшей системе террора и, естественно, несут разную ответственность за совершённые преступления. Однако, имена всех их должны быть по возможности преданы гласности. И не ради мщениия, а ради Памяти народной. Народ должен знать не только своих героев, мучеников, но и палачей...

Сейчас пока еще неизвестны фамилии и имена тех, кто приводил приговоры в исполнение в отношении моих дедов и прадедов и их земляков, неизвестен тот, кто их ещё теплые трупы сбрасывал в глубокие ямы на высоком обском берегу в Колпашеве, как, впрочем, не установлено точно и само место их тайного захоронения. Зато документально установлено, с чьего благословения начались массовые репрессии против поляков в СССР, а значит, и моих односельчан. Совсем недавно в ходе передачи партийных архивов и архивов КГБ в государственное хранение членами московского «Мемориала» были обнаружены секретные постановления Политбюро ЦК ВКП(б). Вот одно из них:

«Кремль. Выписка из протокола № 51 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 9 августа 1937 года, № 564-вопрос НКВД.

Решили: утвердить приказ Наркомвнудела СССР о ликвидации польских диверсионно-шпионских групп и организаций ПОВ Секретарь ЦК Сталин».

Этот документ подтверждает, что девятого августа 1937 года в Кремле был утвержден лично «самим» разработанный в ведомстве Ежова план уничтожения поляков, а через три дня в далеком сибирском Белостоке уже была арестована первая партия обреченных... Машина уничтожения день ото дня набирала обороты, втягивая в свои жернова тысячи новых жертв. Однако «отцу народов» этого было мало, если 31 января -1938 года на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято еще одно секретное решение, касающееся судеб поляков:

«Тов. Ежову. Срочно. Секретно.

Разрешить Наркомвнуделу продолжить до 15 апреля 1938 года операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из **поляков** (выделено мной. - Х. В.) латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын, как иностранных подданных, так и советских граждан, согласно существующим приказам НКВД СССР, оставить до 15 апреля 1938 года существующий внесудебный порядок рассмотрения дел арестованных по этим операциям, вне зависимости от их подданства. Предложить НКВД СССР провести до 15 апреля аналогичную операцию и погромить кадры болгар и македонцев как иностранных подданных, так и граждан СССР».

Понятно, что не лично Сталин и его послушное Политбюро осуществляли в стране репрессии в невиданных масштабах. Для этого существовала целая армия готовых на все сотрудников НКВД - от рядового конвоира до «железного наркома» Ежова. Именно при Н. И. Ежове и под его личным руководством разрабатывались планы и операции по уничтожению поляков и многих других национальных меньшинств, живших в то время в «стране победившего социализма». Так называемое «Особое совещание» НКВД СССР, которое утверждало приговоры по большинству арестованных поляков, вынося, как правило, только смертные приговоры, возглавлялось также наркомом НКВД Ежовым и прокурором СССР Вышинским или же их заместителями.

Судьба наркома Ежова типична для многих работников его ведомства, как «мавров, сделавших свое дело»... Когда массовые репрессии приняли невиданный размах, руководство страны переложило всю ответственность за творимый произвол на Ежова и его «команду». В конце 1938 года по личному указанию Сталина руководство НКВД и ряд начальников УНКВД краев и областей были обвинены в проведении массовых арестов и нарушении соцзаконности. Под непосредственным руководством нового наркома НКВД Л. П. Берии в центре и на местах для создания видимости восстановления законности были произведены аресты "врагов народа», пробравшихся в органы НКВД.

В числе репрессированного руководства НКВД, входившего в команды Ягоды и Ежова, было несколько чекистов-сибиряков, занимавших высокие посты в системе этого ведомства. Так, далеко не последней спицей в сталинской административно-карательной колеснице был Матвей Давидович Берман, начинавший свою чекистскую карьеру в Томске в двадцатом году с должности начальника уездной ЧК и дослужившегося в тридцатых годах до комиссарских ромбов, возглавлял ГУЛАГ, работал в должности заместителя наркома внутренних дел. Перед арестом в феврале тридцать девятого года возглавлял Наркомат связи страны. Традиционную сталинскую «награду» - девять граммов свинца - получили за свою верную службу и такие видные чекисты, как

Заковский (Штубиц) и Б. А. Бак, также, как и Берман, начинавшие свой путь к вершине личной славы и закономерному концу. Заковский и Бак в конце двадцатых годов перед назначением на высокие должности в Москве и Ленинграде возглавляли полномочное представительство ОГПУ по Запсибкраю. На их совести было немало уничтоженных и исковерканных судеб сибиряков, в том числе и ксендза Николая Михасенка, настоятеля католического прихода моего родного села.

Не избежали арестов тогда и многие руководящие работники УНКВД по Запсибкраю, в том числе начальник управления Мальцев, бывшие начальники управления УНКВД Горбач и Миронов, начальник Томского горотдела НКВД Овчинников и многие другие из числа ревностных исполнителей распоряжений и приказов- прежнего руководства НКВД. По уже отработанной схеме из числа арестованных работников НКВД их бывшие товарищи по работе быстро сфабриковали дело о так называемой «антисоветской заговорщицкой организации», действовавшей в системе НКВД. В руководящий «центр» этой организации был поставлен бывший нарком внутренних дел Украины Александр Иванович Успенский, с 1935 по 1938 год работавший на руководящих должностях в УНКВД по Запсибкраю.

В обвинительном заключении в отношении его, в частности, указывалось, что еще в тридцать пятом году он якобы в «контрреволюционных целях» наркомом НКВД Г. Г. Ягодой был направлен помощником коменданта Московского Кремля и выполнял задания по расстановке так называемых заговорщиков на руководящие должности. Затем Успенским будто бы была установлена организационная связь с одним из руководителей заговорщицкой организации Ежовым и рядом других руководителей НКВД. «Находясь на ответственных должностях, - отмечалось в приговоре по делу Успенского, он по заданиям организации проводил вербовку лиц, укрывал от разоблачения и разгромов правотроцкистские и другие антисоветские кадры...»

Кроме вымышленных фактов «заговорщицкой деятельности». Успенский признался и в том, что соответствовало действительности, а именно в проведении массовых арестов невинных людей и фальсификации по ним следственных материалов. Во многих действительно совершенных преступлениях, как и в участии в деятельности мифических контрреволюционных организации, созналось большинство арестованных работников НКВД. 27 января 1940 года А. И. Успенский был осужден военной коллегией Верховного суда СССР, приговорен к высшей мере наказания и расстрелян.

Подобная участь постигла руководящих работников УНКВД Запсибкрая Горбача, Миронова и других. В марте 1941 года военный трибунал Запсибкрая за нарушения «революционной законности»

приговорил к расстрелу начальника Томского горотдела НКВД Ивана Васильевича Овчинникова, в послужном списке которого за время своей работы в органах ОГПУ-НКВД с 1923 года было немало совершенных преступлений.

Примерно в то же время, что и Овчинникова в Томске, в Новосибирске арестовали начальника четвертого отдела УН"КВД по Запсибкраю К. К. Пастаногова. В следственных материалах по нему отмечалось, что, будучи начальником оперативного отдела, он в конце тридцать седьмого года выезжал в Колпашево и города Кузбасса Анжерку, Ленинск и Прокопьевск для проведения оперативных совещаний по вопросу активизации «операций» по разгрому якобы существовавших там контрреволюционных шпионско-диверсионных организаций. Специализировался в основном на аресте бывших членов ВКП(б). Как было указано в приговоре, Пастаногов в тридцать восьмом году по необоснованным данным арестовал группу работников кинотреста г. Новосибирска, группу работников Новосибирской областной прокуратуры в количестве четырнадцати человек, а также лиц партийно-советского актива в количестве тридцати пяти человек. В дальнейшем он и его подручные на всех «путем применения физических методов воздействия вписали в протоколы допросов вымышленные факты контрреволюционной деятельности и тем самым сфальсифицировали на них уголовные дела...». Далее там же приводился факт того, что в апреле тридцать восьмого года Пастаногов по указанию бывшего начальника УНКВД Горбача дал распоряжение в городе Леинске арестовать 60 детей в возрасте до двенадцати лет и оформить на них дела как на участников контрреволюционной фашистской организации, в результате чего арестованные дети находились под стражей почти восемь месяцев... За приведенные выше и другие «нарушения» Пастаногов двадцатого ноября сорокового года был военным трибуналом своего ведомства осужден на восемь лет лагерей, однако через год досрочно освобожден.

В период смены «команды» Ежова на «команду» Берии многие работники НКВД неожиданно для себя сменили свои роскошные кабинеты на тюремные камеры, в одночасье превратившись из палачей в жертвы, вот только далеко не безвинные... Для некоторых работников НКВД, думается, не была полной неожиданностью смена своей роли и декораций в проходившем «спектакле» террора, так как аресты сотрудников ВЧК-МГБ были обычным явлением в системе карательных органов страны на протяжении многих лет в ходе так называемых «чисток» аппарата. Например, 15 апреля 1932 года был исключен из рядов партии и выгнан из органов ОГПУ «за связь с троцкистами Нарыма» сотрудник Нарымского оперотряда ОГПУ М. Х. Толстыкин. 23 января 1937 года Кривошеинским райкомом партии был исключён из партии сотрудник райотдела

НКВД А. Г. Летунов «в связи с арестом». В марте этого же года в Кривошеине был арестован бывший работник НКВД В. Н. Петровский за то, что в 1919 году при колчаковском правительстве служил секретарем Ново-Александровского волисполкома «и в двадцатом году активно участвовал в кулацком восстании против Советской власти». Примеров можно привести много и дальше...

В первую очередь система «самоочищалась» от тех, кто был еще человеком, кто не потерял окончательно совести и порядочности, кто осознавал творимый произвол и пытался хоть в чем-то помочь невинным. К таким людям, очевидно, можно отнести работника Кривошеинского райНКВД Николая Алексеевича Черных, кстати, принимавшего участие в арестах и допросах моих односельчан. Как свидетельствуют материалы уголовного дела на Черных, он, работая в тридцатые годы в органах НКВД, стал постепенно осознавать, что происходит в стране что-то не то... Как свидетельствуют его письма жене Раисе, приобщенные к делу, он еще в начале тридцатых годов в разгар коллективизации стал сомневаться в правильности некоторых действий властей. Принимая участие в хлебозаготовках, он воочию убедился, как сгоняли в колхозы крестьян, раскулачивали настоящих тружеников, лишая их нажитого годами тяжелым трудом имущества, дома... Позже эти сомнения усилились, когда стали арестовывать простых крестьян-тружеников по контрреволюционной» пятьдесят восьмой статье. Рассматривая порученные дела на арестованных крестьян, он убеждался, что обвинения против них голословны, и писал в таком случае в протоколах допросов совсем не то, что требовало начальство... О своих сомнениях открыто говорил сослуживцам по работе, пытался отстаивать свое мнение и перед начальником райНКВД Кипервасом, чем и навлек на себя его гнев. С этого момента Николай Черных был обречен. Бывшие товарищи по работе были готовы дать и дали нужные показания против него, припомнив все факты заступничества за арестованных, в частности, за одного поляка Либер Анатолия, обвинявшегося в шпионаже. Припомнили и то, что Черных отказался применять в своей практике так называемые «активные» допросы, чем снижал показатели работы всего райотдела. К тому же и жена Черных, как оказалось, имела родственников за границей, в Польше... Арестовали обоих. Из Раисы Черных быстро сделали польского шпиона и расстреляли, ее мужа обвинили в укрывательстве шпионов и приговорили к пятнадцати годам лишения свободы и еще к пяти годам лишения всех политических прав. Дальнейший его путь затерялся в сибирских лагерях.

И все же людей, подобных Черных, в НКВД работало единицы, так как в эти органы шел особый отбор. Тех, кто был хоть немного гуманнее других, «отсеивали», а самых худших и невежественных, исполнительных и не знающих мук совести, оставляли, постепенно

превращая их в настоящих садистов. Что превращало абсолютное большинство работников НКВД в нечеловека? Что заставляло их переступить все законы и нормы человечности?

У каждого, должно быть, были свои причины, но, очевидно, главная причина у всех была одна - страх оказаться в положении заключенного самому. Этот страх подавлял все иные чувства. Из страха шли на фальсификацию уголовных дел, на избиения и истязания заключенных. Из страха проявляли рвение в работе, выслуживались, доносили на своих сослуживцев и затем их избивали на допросах. Или сами становились объектами истязаний со стороны бывших товарищей по работе, это уж кому как выпало... Не меньшим фактором взращивания целой армии садистствующих молодчиков в форме НКВД была существовавшая в стране для них вседозволенность. Эта, по сути, ничем не ограниченная власть над людьми позволяла творить беззаконие, совершать преступления.

Не избежал участи побыть в качестве подследственного у своих сослуживцев и начальник Нарымского окротдела НКВД Иштван Иштванович Мартон, или, как его по-русски называли подчиненные, Степан Степанович. Известно, что родился он в 1897 году в Венгрии в семье служащих, окончил восемь классов гимназии. В 1915 году был призван в австро-венгерскую армию и в 1916 году попал в русский плен. В плену познакомился с большевиками и в дальнейшем с ними уже не порывал. В 1918 году вступил в партизанский отряд Лаврова, что воевал против белочехов под Иркутском в Сибири. В октябре восемнадцатого года попал к ним в плен, но через два месяца сумел убежать из-под ареста и до двадцатого года скрывался у одного из крестьян. С восстановлением в Сибири Советской власти стал служить в органах ЧК-ОГПУ- НКВД. Служил в Забайкалье, Омске, Барнауле, Томске. С 1934 года стал возглавлять Нарымский окротдел НКВД. Как начальник окружного карательного органа руководил всеми операциями по аресту «врагов народа» на своей территории, утверждал постановления на арест и выписывал ордера...

В январе 1938 года С. С. Мартон был сам арестован и этапирован в Новосибирскую тюрьму. (по другим данным, был вызван на совещание и арестован непосредственно в Новосибирске). Там ему предъявили обвинение в причастности к контрреволюционной правотроцкистской организации и ведении активной борьбы с партией и Советской властью. В постановлении на арест Мартона отмечалось, что, являясь начальником Нарымского окротдела НКВД, он якобы «систематически не выполнял приказов Наркомвнудела и директив УНКВД по борьбе с контрреволюцией, умышленно укрывал от арестов участников правотроцкистской организации и польско-латвийских и японских шпионов». В продолжении восемнадцати месяцев, пока шло следствие по его делу, из него пытались выбить признательные

показания, но Мартон упорно отрицал все обвинения, видимо, прекрасно понимая последствия того если подпишет предъявленные обвинения. Неизвестно, как долго бы еще продержался на непрерывном «конвейерном» допросе бывший начальник нарымских чекистов, если бы не произошедшие аресты сторонников Ежова и принятие к рассмотрению жалоб посаженных ранее сотрудников этого ведомства. В июне 1939 года Мартона освободили из-под стражи, вернули все его награды и звания, деньгами компенсировали подорванное во время допросов здоровье. Как известно, в дальнейшем он работал на руководящих должностях в системе Томасинлага НКВД.

Меньше повезло преемнику С. С. Мартона на должности начальника Нарымского окротдела НКВД Н. А. Сурову. С ним не возились, как с Мартоном: вскоре после ареста он был 21 июня 1938 года приговорен к ВМН и расстрелян. В тридцать седьмом году расстрелян как агент японской военно – политической разведки помощник начальника Томского горотдела НКВД К. Г. Веледерский. Такая же судьба постигла и ряд партийных и советских работников Запсибкрая вместе с бывшим вождем сибирских партийцев Эйхе. Расстрелян был секретарь Нарымского окружкома партии коммунистов Левиц, арестованы и осуждены, как «враги народа» секретари Томского горкома ВКП(б) С. З. Куровский, В. П. Кужелев, М. Ф. Малышев и многие другие из числа тех партийных товарищей, кто организовывал и проводил идеологическое прикрытие творимого в стране террора.

И всё же, говоря о репрессиях среди сотрудников НКВД, партийных и советских работников, не стоит преувеличивать их масштабы. Так, по результатам исследований члена совета томского «Мемориала», кандидата исторических наук И.Н. Кузнецова, репрессированных членов партии среди общего количества всех репрессированных по Томской области в период 30-50-х годов составляло не более одного процента. Основная масса террора пришлась на простой российский народ, на таких, как мои земляки. Подавляющая часть «вершителей судеб», благополучно избегая периодических чисток и перетрясок своих аппаратов, продолжала так же управлять судьбами народа и всей страны, получая год от года все новые и новые ордена, медали, звания, пенсии и спецпайки. Например, известно, что такие бывшие «вершители судеб» местного масштаба, как следователь Кривошеинского РО НКВД А. В. Доценко, дослужились до поста начальника управления топливной промышленности Томского облисполкома, сотрудник Томского горотдела НКВД Г. И. Горбенко стал директором коммунально-строительного техникума. Бывшие сотрудники Нарымского окротдела НКВД И. В. Большаков, С. П. Карпов, С. Ф. Филиппович в пятидесятые годы занимали различные руководящие должности в управлении МВД по Томской области. В УКГБ по Томской области

продолжали служить бывшие активные сотрудники НКВД И. Н. Печенкин, П. А. Казанцев, Д. К. Салтымаков, А. И. Лев, С. А. Прищепа и другие. Бывший сотрудник Томского горотдела по НКВД Н.С. Великанов дослужился до генеральского звания и поста заместителя председателя КГБ Литовской Республики и в пятьдесят восьмом году вышел на пенсию. А. Г. Карташов из следователей НКВД переквалифицировался в адвокаты и работал в Томской коллегии адвокатов. Начальник Кривошеинского РО НКВД Н. П. Кипервас, благополучно проработав в органах КГБ до 1954 года, был уволен из этого ведомства в звании полковника только в связи с уходом на пенсию...

И все же в первоначальный период процесса реабилитации жертв репрессий была предпринята определенная попытка привлечения к ответственности в уголовном и партийном порядке отдельных бывших работников НКВД за их преступления. Однако этому активно противодействовали на всех уровнях те, кто в тридцатые годы сам был «вершителем судеб» и им же по-прежнему оставались в годы пятидесятые.

По подсчетам И. Н. Кузнецова, с 1956 по 1959 год на заседаниях Новосибирского, Кемеровского и Томского обкомов КПСС были рассмотрены персональные дела двадцати семи бывших работников НКВД, и только десять человек из них были исключены из рядов партии за свое прошлое. Никто из них не был привлечен к уголовной ответственности. Самым строгим наказанием для некоторых, кроме исключения из партии, было ограничение до пятидесяти процентов в выплате пенсии, изменение формулировки приказа об увольнении из органов МВД или КГБ или же лишение некоторых ранее полученных наград. Однако и в этом случае некоторые исключенные из партии бывшие фальсификаторы очень быстро добивались пересмотра своего дела и полностью восстанавливали все свои звания и привилегии. Например, бывший сотрудник Томского горотдела НКВД Г. И. Горбенко Томским бюро обкома КПСС 27 декабря 1957 года был исключен из партии за то, что в свою бытность следователем НКВД, только по неполным данным, сфальсифицировал уголовные дела на сто восемьдесят пять человек, сто пятьдесят из которых впоследствии были расстреляны. Однако свое исключение из партии Горбенко посчитал слишком суровым наказанием и ровно через месяц обратился в этот же обком партии с заявлением, в котором указал, что, «придя в тридцать пятом году в Томский горотдел НКВД, еще не имел профессионального опыта, работал по прямому указанию старших начальников и, следовательно, не мог влиять на устранение нарушений законности». Рассмотрев его заявление, бюро обкома на этот раз постановило, «учитывая давность совершенных преступлений», изменить свое прежнее постановление об исключении его из своих «славных» рядов и ограничилось только

строгим выговором с занесением в учетную карточку. Но и этим решением Горбенко не удовлетворился, и в пятидесятом году по ходатайству горкома партии и «в связи с положительной характеристикой» по работе в должности директора коммунально-строительного техникума бюро обкома сняло с него наказание полностью.

Таким образом, факты подтверждают то, что бывшие работники НКВД не только не понесли уголовной ответственности за свое «героическое прошлое», но, оставаясь на руководящих постах в правоохранительных и партийных органах, всячески препятствовали нормальному ходу реабилитации жертв репрессий и наказанию виновных.

Как рассказал в своих очерках-воспоминаниях бывший следователь УКГБ по Томской области А. И. Спраговский, занимавшийся в конце пятидесятых годов реабилитацией, в распоряжении работников следственного отдела УКГБ оказалось много компрометирующего материала в отношении бывших работников НКВД С.П. Карпова, И. В. Большакова, А. И. Льва и других. Спраговский выступил на одном из партийных собраний УКГБ и потребовал уволить бывших фальсификаторов из органов КГБ и исключить их из партии. Ответная реакция последовала незамедлительно, но только не та, на которую рассчитывали выступивший и его товарищи-единомышленники: на следующем партийном собрании А. И. Спраговскому «за клевету на руководящий состав органов КГБ и охаивание старых чекистских кадров» был объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку, и вскоре он был уволен из органов КГБ.

Активно защищал бывших работников НКВД, продолжавших работать в органах безопасности, начальник УКГБ по Томской области полковник С. А. Прищепа, занимавший этот пост с пятьдесят четвертого по шестидесятый год. Как впоследствии оказалось, он сам, будучи в 37-38-м годах оперуполномоченным УНКВД по Московской области, применял в своей практике незаконные методы ведения следствия, истязал невиновных людей. Когда на него в пятьдесят девятом году поступили из Москвы материалы о его темном чекистском прошлом. Томское бюро обкома КПСС ограничилось всего лишь товарищеским осуждением своего члена бюро, квалифицировав его преступления только как «поверхностное проведение следствия». И только после неоднократных обращений в обком партии некоторых следователей УКГБ с требованием наказать Прищепу бюро обкома четырнадцатого июля пятьдесят девятого года приняло постановление об объявлении ему строгого выговора «за грубое нарушение соцзаконности и непартийное поведение». Примерно подобное происходило не только в Томской области, но и по всей стране периода хрущевской «оттепели».

И всё же несмотря на сдерживание процесса реабилитации в пятидесятые годы со стороны «вершителей судеб» и их явное нежелание заниматься этим делом всесторонне, были допрошены ряд бывших следователей НКВД, очевидцев и жертв их преступлений. Таким образом ещё тогда были выяснены некоторые подробности действия механизма репрессивной машины НКВД периода 30-40-х годов. Однако результаты тех исследований не стали достоянием гласности для народа. Проходила эта реабилитация «при закрытых дверях», носила ведомственный характер, а вскоре и вовсе прекратилась...

Сегодня же, знакомясь с материалами архивно-следственных дел репрессированных в тридцатые годы, удалось ознакомиться и с тем, как шел процесс реабилитации в пятидесятые годы, какие объяснения прошлому давали те следователи НКВД, кого удалось допросить. В числе допрошенных следователей НКВД были Филиппович, Смирнов, Меринов, Карпов, с протоколами допроса которых пришлось ознакомиться. Все они в той или иной форме признались, что занимались фальсификацией уголовных дел на арестованных и выбиванием требуемых признательных показаний, рассказали, как это делалось.

Так, Б. М. Меринов, с 1937 по 1949 год работавший оперуполномоченным Нарымского окротдела НКВД на допросе 27 июня 1957 года показал, что в 1937-1938 годах работал в следственной группе, возглавляемой С. П. Карповым, и «вел» дела на участников так называемой РОВС-кой организации, о существовании которой он узнал только из приказов НКВД и целого ряда ориентировок. Вспомнил, что в отношении отдельных граждан были дела оперативного учета, из которых усматривалось, что в прошлом они якобы вели борьбу против Советской власти или служили в Белой и других армиях. Показал, что к эсеровско-монархической организации были отнесены бывшие офицеры, кулаки и категория лиц, ранее репрессированных органами Советской власти. К Польской войсковой организации причислили в основном граждан польской национальности. Следствие велось так называемым упрощенным способом. Была разработана схема, по которой ориентировались следователи при допросах. Допросу предшествовала камерная обработка арестованных, организованная руководством окротдела. Дал показание и в том, что следственной работой окротдела в период операций непосредственно руководили представители управления НКВД по Запсибкраю, в частности К. К. Пастаногов и А. М. Волков, а также начальник отделения окротдела Н. П. Калинин.

На допросе 27 марта 1956 года С. Ф. Филиппович, служивший в Нарымском окротделе НКВД с 1938 по 1940 год, показал, что от него и других сотрудников начальство во время следствия требовало отражения в протоколах допросов практической

контрреволюционной деятельности обвиняемых. Чтобы выполнить это указание, следователи на допросах выясняли место работы арестованных, род занятий, интересовались тем, были ли у них на работе или в деревне какие-либо факты пожаров, падежа скота... Выяснив эти вопросы, следователи искусственно затем подписывали в показаниях обвиняемых совершение тех или иных актов вредительского или диверсионного характера...

Менее откровенным на допросе у следователя Спраговского оказался С.П. Карпов, работавший в Нарымском окротделе НКВД с 1937 по 1940 год и на момент допроса в пятьдесят шестом году дослужившийся до должности начальника особой инспекции УМВД по Томской области. В настоящее время на своём мичуринском участке как образцовый пенсионер ухаживает за пчёлками.

Он на допросе чуть ли не упрекал своих жертв в том, что получить от них признательные показания о причастности к какой-либо контрреволюционной организации не составляло никаких трудностей, так как последние якобы были обеспечены активной внутрикамерной разработкой, агентами которой являлись основные вербовщики. Далее показал, что обвиняемые допрашивались в соответствии с имевшимися на них показаниями других обвиняемых и которые изобличали допрашиваемых в принадлежности к той или иной организации. И якобы на этом основании арестованные и давали признательные показания. Сказал, что допросить арестованных в пределах семи-восьми человек в течении суток считалось нормальным явлением... Отметил, что мер физического воздействия лично он при допросах никогда не применял, а делали или нет это другие работники следствия он не знает...

Принижали свою роль в творимых преступлениях практически все бывшие сотрудники НКВД, считали себя всего лишь исполнителями чужой воли, многие якобы преступного характера ведения следственных дел не признавали и физических мер воздействия к арестованным лично сами не применяли...

Однако факты - вещь упрямая. Архивные документы и воспоминания уцелевших жертв говорят о том, что использование при допросах пыток было одобрено на самом «верху» и являлось широко используемой мерой воздействия на заключенных. Одни использовали их, так сказать, «вынужденно», другие сами проявляли инициативу и изобретательность. Так, например, бывший сотрудник Томского горотдела НКВД Н. С. Великанов, ставший впоследствии генералом, кроме таких обычных «мер воздействия», как удары рукояткой пистолета по голове и позвоночнику или зажим пальцев допрашиваемых дверью кабинета, имел в своем арсенале и такой эффективный способ признательных показаний - наиболее упорных садил задним проходом на ножку стула, применяя, так сказать, старый средневековый прием с чекистским усовершенствованием...

Зато его коллега К. К. Пастаногов был человеком передовых научных взглядов и в своей работе использовал более современные методы пыток. В частности, привязывал арестованных к стулу, прикручивал к их рукам и ногам провода полевого телефона и крутил ручку генератора... Впрочем, не упускал случая поиздеваться над людьми и без всяких современных ухищрений, наступая каблуком сапога на горло или мошонку пытаемых.

Начальник дорожно-транспортного отдела ГУГБ СССР по Томской железной дороге А. П. Невский своих жертв пытал тем, что колот их в ягодицы шилом, накручивал на большой гвоздь пряди волос и таким образом рвал их из головы и других частей тела...

Широко применялись и другие «меры воздействия», в зависимости от интеллектуального уровня и садистских наклонностей «вершителей судеб». И здесь изобретательность их поистине была безгранична. Не зря в свое время подобный опыт советских «органов» тщательно изучался и использовался нацистскими карательными службами.

Проявляли изобретательность работники НКВД не только в пытках, но и в способах приведения смертных приговоров в исполнение: за короткое время без особого шума расстрелять огромную массу народа тоже надо было уметь. В городе Томске членами «Мемориала» путем опроса старожилов и раскопок установлены два места массовых расстрелов: в глубоком глухом овраге недалеко от городской тюрьмы и в подвале горотдела НКВД, что располагался в тридцатые годы в здании по проспекту Ленина, 44.

В овраге расстреливали и тут же закапывали, как видно по всему, без особых предосторожностей, так как глухое место на окраине города исключало, по мнению палачей, проникновение сюда «посторонних глаз». И все же многие горожане знали, что на Каштаке в овраге расстреливают «врагов народа». Живущие недалеко от оврага жители слышали порой вечерами и ночью со стороны оврага глухие щелчки выстрелов и крики людей. Наиболее любопытные пробирались днем в овраг и находили небольшие холмики свежевскопанной земли, а также еще пустые траншеи. Раскопки в 1989 году членами «Мемориала» предполагаемых мест расстрелов подтвердили воспоминания старожилов...

В горотделе НКВД приговоры приводились в исполнение в одной из подвальных камер. Сотрудник томской городской газеты Геннадий Бурматов поделился своими воспоминаниями о том, как еще в сороковые годы стал обладателем этой чекистской тайны. Вот что он рассказал:

«Моя тетя по матери в тридцатые годы работала зав. столовой НКВД в корпусе напротив нынешнего горсовета. Здесь она познакомилась с офицером НКВД Михаилом Елисеевичем Негановым и вышла за него замуж. От «тяжелой» работы он к

началу сороковых годов запил, но продолжал еще служить в «органах». В конце войны его, наконец, выгнали из НКВД и грозились, сняв броню, отправить на фронт. Но тут кончилась война, и про него забыли. Михаил Елисеевич Неганов, полагая, как он сам говорил, что с окончанием войны произойдет амнистия и соответственно история экзекуций НКВД так и так будет известна, стал в разговорах с близкими родственниками открыто вспоминать о своих «занятиях» в НКВД в тридцатые годы. Однажды я слышал его рассказ в разговоре с моими родителями. Он поведал о том, что в 1937 году, в самый разгар репрессий, технология массовых убийств в застенках НКВД была по-своему специфической. Столярам-плотникам давали «особый» заказ: наточить несколько ящиков деревянных пробок. Ящики с пробками приносили в одну из комнат подвала НКВД, где расстреливали «врагов народа». Затем по одному вводили их, укладывали на пол и стреляли в голову. Тут же сноровисто затыкали образовавшуюся дыру в голове пробкой. Тело убитого оттащивали в другую комнату, а сюда, как в парикмахерской, «приглашали следующего клиента». Но, несмотря на такую продуманную технологию убийств да молодую смекалку затыкания дыр в голове пробкой, фонтанчики из голов убитых все же на какой-то краткий период, пока рука тянулась за пробками, частично заливали пол. После такой «обработки» трех-пяти человек все равно приходилось вытирать с пола лужи крови. Да и пробки точить – лишняя работа. Тогда начальство решило сменить технологию убийства. Приговоренных к расстрелу стали со связанными руками грузить в машины и увозить на Каштак, а там сбрасывать в ров и прибивать ломиками по головам. При этом убиваемые «неблагодарно» ревели. Их дикий рев разносился по округе, и, чтобы заглушить его, сотрудники НКВД стали привозить с собой на Каштак две наковальни. Двое чекистов вхолостую колотили молотками по наковальням, а остальные колотили усердно ломиками «врагов народа». Со стороны это могло слышаться обыкновенной работой с криками «Эй, ухнем!».

О способах устранения «врагов народа» в Колпашевском окротделе НКВД рассказал мне при встрече в 1989 году житель Томска Иван Григорьевич Стариков, в 1937-1938 годах служивший в конвойном взводе Нарымского НКВД. Сам он лично, как говорил, осужденных не расстреливал, но знал, кто и как это делал. По его воспоминаниям, в числе палачей был его сослуживец коммунист Григорий Трифонов, впоследствии призванный на фронт и там погибший; сослуживцы из конвойного взвода Петр Иподистович Волков, Метла, Севостьянов, также коммунисты; сотрудник НКВД по фамилии Белослюдцев и другие. При расстреле палачи разыгрывали следующий «спектакль»: объявляли о формировании этапа в Томск и проведении перед этим медицинского свидетельства. Ничего не подозревающих заключенных в

нижнем белье по одному заводили в специальную комнату, где за столом в белых халатах сидела «медицинская комиссия» в присутствии «санитаров». Люди в белых халатах вначале спрашивали анкетные данные, интересовались самочувствием, а затем шел «медосмотр», Белослюдцев, игравший роль врача, приказывал обреченному встать на специальное приспособление для измерения роста, установленное вплотную возле небольшой тряпичной ширмы. За ширмой, как раз за спиной «измеряемого», стоял один из специалистов своего дела с наганом в руке... Минутой позже подоспевшие «санитары» оттаскивали труп в другое помещение и приглашали на «медосмотр» следующего. Позже расстрелянных сбрасывали в глубокие ямы, вырытые прямо на территории окружного НКВД. Причём ямы эти закапывались не сразу, а по мере заполнения. Во избежание трупного запаха одна партия трупов от другой пересыпалась слоем извести. Вот эти – то ямы и были вскрыты весенней Обью в мае семьдесят девятого года. Варварски уничтожили эти тайные захоронения «вершители судеб» уже 70-80-х годов...

Рассказал И. Г. Стариков и о том, что одежду расстрелянных грузили не на одну, а на две-три подводы и увозили на луга сжигать. Выполняли такую ответственную работу часто и только ночью бойцы конвойного взвода из числа коммунистов. Политрук конвойного взвода Шалдо однажды на этом деле «погорел», прельстившись одной черной полудохой, из подлежащих уничтожению. Каким-то образом об этом «непартийном поступке» Шалдо стало известно начальству, и его сняли с работы.

Поведал Стариков также и о том, что расстрелы в Колпашеве происходили не только на территории окрестдела НКВД, но и где-то еще за городом. Вывод об этом он сделал на том основании, что зимой заключенных часто садили в специально сделанную будку на тракторных санях и увозили будто бы в Томск, но трактор подозрительно быстро возвращался, и уже без арестованных... Ходили слухи среди обского населения и о том, что нарымские чекисты уничтожали «врагов народа» также путем затопления их в баржах, однако каких-либо более точных сведений об этом в томском «Мемориале» пока не имеется.

Сопоставляя воспоминания единственного уцелевшего белостокца Ивана Александровича Иоча с этими слухами и отсутствием многих фамилий односельчан в обнаруженных колпашевских «расстрельных» списках, я склонен думать о том, что эти слухи имеют под собой реальную основу. Ведь известно, что такой способ расправы над «врагами революции» использовался еще в годы гражданской войны, позже «врагов народа» топили в баржах в белом море. А ведь все самое «передовое и эффективное» в своем деле чекисты использовали не упускали возможности...

Итак, познакомившись с приведенными выше данными о некоторых сибирских «вершителях судеб», их собственными судьбами и делами, мы лишний раз могли убедиться в том, что в период хрущевской «оттепели» подавляющее большинство НКВДэшных палачей не пострадало, а продолжало активно работать в системе карательных органов. И не потому, что об их «славном прошлом» не было властям известно: просто они еще были нужны продолжавшей функционировать системе советского тоталитаризма. Они сами были властью.

ЧАСТЬ 2

ДОДНЕСЬ ТЯГОТИТ...

ДОБРОВОЛЬНАЯ СИБИРЬ

Века нищеты и безволя
Позволь же, о родина-
мать,
В сырое, в пустое
раздолье,
В раздолье твое
прорыдать...

Андрей
Белый. 1908 г.

Для многих, а для поляков тем более, слово “Сибирь” почти всегда стояло рядом со словом “Каторга, ссылка, депортация...”. И для этого были все основания, так как из всех дорог, ведущих в Сибирь, для них дорога каторжников, ссыльных, депортированных была самой проторенной в течение нескольких столетий при всех правительствах и режимах. Но в то же время были и те, кто ехал в наши суровые края добровольно в поисках своего личного счастья и лучшей доли.

Конец XIX столетия характеризовался в России стремительным экономическим развитием сибирского региона, его усиленной колонизацией. Строительство Великой транссибирской железнодорожной магистрали потребовало огромного количества рабочих рук. В Сибирь устремились потоки добровольных переселенцев, в том числе переселенцев из числа польского населения. Как и многие, работали они на строительстве железной дороги в качестве чернорабочих и специалистов, железнодорожных служащих, занимали различные должности в государственных учреждениях и частных заведениях в зависимости от сословного, имущественного положения и полученного образования.

Другой категорией добровольных переселенцев-поляков являлось крестьянство. Начиная с окончания строительства сибирской “железки” вплоть до 1914 года оно составляло основную часть среди поселенцев. Переселение их шло, главным образом, с малоземельных западных губерний Российского государства:

Гродненской, Виленской, Витебской, Седлецкой, Курляндской. Точную цифру переселенцев-поляков, решивших связать свою судьбу с хлеборобством в Томской губернии, установить не представляется возможным, так как тогда учет населения велся не по национальному признаку, а по вероисповеданию. Кроме католиков-поляков, в губернии проживали также другие представители католического мира - латыши, литовцы, белорусы, украинцы. На 1914 год в Томской губернии насчитывалось 43 868 лиц католического вероисповедания, из них 32 199 человек проживало в сельской местности, в частности, в селах и деревнях Томского уезда - 9 402 человека. Поляками-переселенцами в Томском уезде были основаны такие чисто польские поселки как Андреевка и Ломовицкий /Семилужская волость/, Петропавловка и Полозово /Молчановская волость/. В 1899 г. на территории вновь образованной Ново-Александровской волости появился также польский поселок, получивший через несколько лет название Белосток - родина моих дедов, родителей, моя родина.

Понятно, что не от хорошей жизни решились некогда мои предки, как и их земляки, вековечные хлеборобы, на переселение в далекую Сибирь. Безземелье, низкое плодородие местных песчаных почв не позволяли прокормить большие крестьянские семьи. Многие, покидая родные хаты, уходили на заработки в соседние города и местечки. Так, по семейным воспоминаниям дошло, что один из моих прадедов - Иоч Александр, после смерти отца Казимира в 1884 году уехал из своего родного поселка Ютевцы, что расположен в десяти километрах от городка Щучино Гродненской области Белоруссии, в губернский город Вильно и работал там несколько лет пожарным. Другой предок - Стец Станислав, был личным кучером у одного из польских магнатов, имеющего свое имение в селе Яблонь Седлецкой губернии, ныне Бяло-Подляское воеводство Польши. Третий предок - Ханевич Иван, вместе со старшим братом Осипом подрабатывал тем, что занимался перевозом грузов и пассажиров от станции Поречье до города Гродно. Сами жили они в деревне Салати в пяти километрах от железнодорожной станции Поречье железной дороги Петербург-Варшава, сейчас это Гродненский район Гродненской области. Подобными приработками занимались в те годы многие малоземельные крестьяне Гродненщины, Виленщины, Белостокщины, но и они не давали необходимых средств к существованию.

Десятки семей покидали родные места, уезжая в Америку, Канаду, а с конца XIX века и в восточные районы Российского государства. Царское правительство было заинтересовано в переселении крестьянства в Сибирь, обещая поддержку, льготы и содействие в обустройстве на новом месте. Так оказался один из моих прадедов - Иоч Алесандр в 1896/97 годах в Томской губернии

в качестве ходока-разведчика. В Переселенческом управлении получил предложение осмотреть отведенные под заселение участки тайги в Николаевской волости Томского уезда, что располагалась в ста верстах к северо-западу от губернского города на левобережье Оби.

Что это были за места в то время можно узнать из докладной записки чиновника по крестьянским делам Райского томскому губернатору от 15 сентября 1898 года: "...что касается участков в Николаевской волости, на которых определяется приблизительно 800 семей, то они стоят в худших условиях по сравнению с другими переселенческими участками как в отношении путей сообщения, так и в отношении приобретения на них хлеба и земледельческих орудий. В ближайших к этим участкам деревнях у старожилов можно приобрести в необходимом количестве только скот. Переселенцы на участках Юкаринском /сейчас деревня Вознесенка Кривошеинского района/, Рыбаловском /прежнее название села Белосток/, Черловинском /ныне село Петровка/ и Сайнаковском, располагающихся недалеко: от трех до двенадцати верст от села Монастырского и деревень Кайменаковой, Ереминой и Рыбаловой Николаевской волости могут еще рассчитывать найти хлеб в этих деревнях или в крайнем случае в поселках Богородской волости по реке Шегарка, где много имеется хлеба у крестьян-старожилов. На остальных же участках: Большом Татоше, Гришкинском, Кривошеинском, Междуреченском, Пудовском, Александровском и Крыловском хлеба будет негде достать для переселенцев этих участков в количестве 1420 души мужского пола и не менее женского... В отношении путей сообщения, в частности необходимо сказать, что переселенцев на участках Юкаринском, Рыбаловском, Сайнаковском и Черловинском представляет существенное неудобство речка Шегарка, довольно многоводная: она отделяет их от всех ближайших старожильческих деревень. Связь с ними прекращается весной во время разлива воды месяца на полтора-два, устроить через нее мост невозможно так как его смывает водой. Необходимо было бы устроить на этой речке паром, но для переселенцев это будет не под силу. Кроме этого, необходимо было бы устроить по дорогам на участке: Рыбаловском - три моста. Один на крутом логу в семь сажень, второй через речку Степановку длиной в десять сажень и третий на "Буераках" в семь сажень... На других участках есть более или менее значительные топи, но я полагаю, что гати через них могут быть проложены переселенцами без посторонней помощи, хотя, прежде чем они их сделают, будут на топяx ломать лошадей и портить телеги..."

Неизвестно, чем прельстил Ханевича Осипа, его односельчан - Мазюка Героима и Маркиша Осипа, братьев Иоч Александра и Ивана и еще нескольких ходоков из всех предложенных к заселению переселенческих участков кусок тайги на берегу таежной речки,

который в документах Переселенческого управления числился как Рыбаловский переселенческий участок. Может быть понравился тем, что на нем, кроме вековой тайги, было несколько еланей - выгоревших мест, поросших высокой пахучей травой Иван-чая, - меньше труда потребуется для раскорчевки под пашню. А может быть и потому, что там уже стояли две избышки пасечников соседней Молчановской волости: есть, где остановиться на первое время. Очевидно, понравилась и глубокая полноводная речка, протекающая рядом...

Записав за собою и своими родственниками наделы земли, вернулись они на родину за семьями. Еще и там долго вместе с родными решали все плюсы и минусы столь серьезного намерения. Наконец, решившись, на следующий год по весне, получив переселенческие свидетельства и подъемные, распродав громоздкие вещи и распрощавшись с односельчанами и родственниками, тронулись в путь. До Томска ехали железной дорогой в товарных вагонах вместе со скотом и провиантом для него, утварью и крестьянскими орудиями труда. На семью выделяли по одному вагону-товарняку. От Томска до села Молчаново, где находился один из переселенческих пунктов, плыли на пароходе по великой сибирской реке Оби, а там уже своим ходом через таежные урманы и болота на места обетования... Так на карте Томской губернии появился в 1899 году еще один новый переселенческий выселок Ново-Рыбаловский в 13 семей.

Трудно обживались на новом месте земляки-первопроходцы, встретила их суровая сибирская природа с ее немилосердным таежным гнусом летом и невиданными морозами зимой, от которых не спасали ни самодельный накомарник, ни наспех вырытые полуземлянки. Не редкостью был падеж скота от бескормицы и нападения диких животных, ведь совсем рядом, как выяснилось, располагались две медвежьих берлоги. Был голодомор детей и смерть их от дизентерии и простуд, а еще был труд от зари до зари по раскорчевке тайги под пашню, каждый клочёк которой был полит слезами и потом. Однако труд не был в тягость, это не был труд крепостного или раба. Каждый работал на своей земле и знал, что благополучие его семьи отныне и впредь будет зависеть только от него самого и Бога, а не от панов и государственных чиновников.

Следует сказать, что помощь государства переселенцам в Сибири была все же немалая. Ходоки получили бесплатные проходные свидетельства за проезд к местам будущего заселения, семьи переселенцев имели льготный тариф на перевоз багажа и свой проезд по железной дороге. Так, взрослые и дети старше десяти лет платили только четверть цены пассажирского билета третьего класса, а дети моложе десяти лет провозились бесплатно. Перевоз клади стоил по копейке с пуда за каждые 100 верст. За лошадь и крупный рогатый скот при перевозке нужно было платить по

полкопейки за каждую версту дороги. Кроме льготных тарифов на проезд, каждая переселенческая семья могла получить до ста рублей беспроцентной ссуды на домообзаведение и покупку сельхозинвентаря. Новоселы освобождались от государственных налогов на первые три года полностью, а последующие три года платили их в половинном размере. призывники в армию получали отсрочку на три года.

Помимо льгот и ссуд, государство тратило значительные средства на обустройство для переселенцев хлебозапасных магазинов и пунктов по продаже сельхозинвентаря, строительство фельдшерских пунктов, школ, церквей, мостов, дорог, рытье колодцев. Так, только на обустройство мостов и прокладку гатей ранее указанных переселенческих участков Николаевской волости и изготовление паромной переправы через речку Шегарку томский губернатор запросил в Переселенческом управлении МВД на 1899 год десять тысяч рублей. Чуть позже намеченные работы по прокладке дороги были выполнены и засыпанные гати стали частью Нарымского тракта. В поселке Кривошеинском в этот год был открыт хлебный склад-магазин, из которого переселенцам на семена и прокорм до нового урожая было продано в 1899 году 4 500 пудов зерна и муки. Из них 284 пуда приобрели основатели поселка Ново-Рыбаловского. В следующем 1900 году у них уже был собственный хлеб...

Несколько лет спустя, в Ново-Александровском поселке построили фельдшерскую больницу, школу и церковь, и этот переселенческий поселок стал центром вновь образованной Ново-Александровской волости, в состав которой вошли несколько десятков поселков и деревень переселенцев.

И все же, говоря о помощи царского правительства переселенцам во времена Столыпиной реформы, не следует преувеличивать эту роль, что делается в настоящее время. Из-за нехватки денежных средств переселенцы получали пособия и ссуды на домообзаведение в значительно меньшем размере, чем это объявлялось официально. Так, из отчета заведующего Томского переселенческого района Михайлова за 1907 год можно узнать, что в тот год ссудного кредита переселенцам было отпущено в среднем по 35 рублей на семью, но не более 40-50 рублей на семью, и получили их только 12% желающих. Только 27% ходяков могли взять ссуду для проезда к месту водворения на жительство. Цены же на продовольствие, инвентарь, скот резко возросли из-за увеличения спроса на них. Корова стоила 40 рублей, лошадь - 70 рублей, плуг - до 30 рублей. Стены амбара стали стоить до 100 рублей, а дом мог обойтись в 150 рублей и больше...

Переселенец освобождался на первые три года только от государственных налогов, но не от сельских, волостных и приходских сборов, размеры которых были значительно больше

государственных и достигали до 25 рублей в год. Кроме местных сборов в деньгах, нужно было выплачивать натуральные налоги, работать на строительстве дорог, мостов, огораживать деревенскую поскотину...

Переселенческие управления не справлялись со стихийным потоком переселенцев и ходоков, а он был огромен. Так, с 1894 года по 1898 год в томскую губернию приехало переселенцев 43 тысячи человек, а в следующем пятилетии уже более 48 тысяч человек. Только в 1907 году - период наибольшего размаха земельной реформы премьера П.А. Столыпина, в губернию прибыло 30 тысяч переселенцев. Как докладывал глава Томского переселенческого подрайона Михайлов, "...масса бедного и голодного люда стоит перед чиновником с утра до вечера, неотступно следует за ним, молит и угрожает, бьет по нервам и не желает знать никаких требований закона кроме закона пустого желудка. Естественно, появлялось побуждение скорее устроить их вне очереди и дать им преимущества перед другими, которых еще не видит глаз...". Далее, в том же отчете Михайлов отмечал, что в 1907 году настроение прибывающих ходоков и семейных переселенцев было чрезвычайно повышенное, выражавшееся неоднократно в открытом порицании действий властей и настойчивом требовании лучшей земли, общего довольствия, бесплатных билетов для проезда и выдачи путевых ссуд. Массовый размах приобрел самозахват земли. Многие из требований переселенцев решались, но чиновники, занимающиеся переселением, накормить тысячи голодных были не в состоянии и полагали, что крестьяне должны работать в поле и кормить себя сами, а не жить на пособия.

Не всех переселенцев устраивал такой подход властей к их нуждам, да и многие на месте убеждались, что Сибирь не по их плечу и чрезмерно трудна для проживания. И как итог этого - не меньший поток возвращающихся обратно на родину. например, в 1901 году из Сибири вернулись к прежним местам проживания более пяти тысяч семей. Тогда же только четвертая часть ходоков нашла Сибирь себе по нраву. В 1907 году 800 семей переселенцев из водворенных на жительство в Томскую губернию в этот же год возвратились обратно. Власти на это смотрели спокойно и трезво, предупреждая желающих переселиться в Сибирь в специально издаваемом для переселенцев журнале "Сибирское переселение" о том, что в Сибири хозяйничать значительно труднее, чем в Европейской России и что "плохого хозяина Сибирь не переделает в хорошего".

Как видно, не устрашили моих земляков сибирские морозы, таежное зверье и тяжелая работа на пашне. Выдержали, обустроились, прижились. Вместо землянок и избушек со временем выстроили крепкие сибирские пятистенки, амбары и овины, вырыли колодцы с высокими "журавлями", огородили поселок изгородью...

Год от года выселок пополнялся жителями. Построенный в 1908 году костел еще больше привлекал в эти места переселенцев-католиков. Когда весной 1914 года в деревню на жительство приехали сразу несколько семей из-под Бяло-Подляска, кстати, одни из последних добровольных переселенцев в наши края, то селиться им в границах поселка уже было негде. Пришлось селиться за деревенской поскотиной на другом берегу довольно большого по деревенским меркам озера-пруда, прозванного в шутку «Байкалом». Так с тех пор жителей этого выселка в 18 домов стали в деревне звать «забайкальцами». Изменил свое название и сам поселок. На деревенском сходе решено было назвать его Белостоком, в память о метах своего прежнего проживания в своей молодости, и чтоб их потомки знали, откуда родом их отцы и деды...

О том, чего добились мои земляки за полтора десятка лет хозяйствования в Сибири, могут служить данные Всероссийской сельскохозяйственной переписи, проведенной в поселке в конце июля 1916 года. Так, по данным переписи в поселке числились 95 крестьянских самостоятельных хозяйств и проживало 516 человек, под пашней находилось 285 десятин возделанной земли. Во всех хозяйствах насчитывалось 267 лошадей и 374 головы крупного рогатого скота. Понятно, что 1916 год был далеко не лучшим годом по показателям для России: шла война, многие мужья и сыновья были на фронте, хозяйства приходили в упадок. Но думается, что и в предвоенные годы показатели в поселке были не на много выше. По сравнению со старожильческими селами и крестьянами мои земляки были просто голодранцами. Не велико богатство в три-четыре десятины пашни на семью в 7-10 человек, две лошади в конюшне да три коровенки в стайке... Но именно они и такие как они накормили перед войной Россию, масло от их коровушек стало популярным в Европе. Хлебопашцы же, по сути, только встав на ноги, мечтали о большем и несомненно добились бы своего, да не судьба: первая Империалистическая, революция, Гражданская, новые времена со своими новыми законами...

СЕЛЬСКИЙ ХРАМ

Судьбу известных всем российских соборов, уничтоженных или испоганенных, в точности повторило великое множество безвестных сельских церквушек, мечетей, костёлов. И в тоже время судьба каждой церквушки, как и человека, по-своему неповторима и уникальна, а значит, заслуживает внимания и места в истории. Своя судьба сложилась у польского костёла в селе Белосток Томской области.

Были когда-то мои односельчане людьми религиозными и Бога чтили. Хлеборобы, приехавшие в Сибирь по столыпинской реформе

из западных губерний России, перенесли весь свой прежний крестьянский уклад, не потеряли веры отцов. Католиков среди переселенцев было предостаточно, и селиться они старались вместе, держались друг за друга. Так появились в конце XIX - начале XX веков на территории Ново-Александровской волости Томского уезда латышско-латгальские села Маличевка, Малиновка, польское село Белосток.

И вот немного погодя, после мало-мальского обустройства на новых землях, задумали односельчане строить костел. Было это, как вспоминают старожилы по рассказам своих родителей, в 1902 году. Всем миром собирали деньги: «обложив каждую душу пятирублевым окладом», что было в то время суммой немалой (за 10 рублей корову можно было купить). Однако этих денег не хватало: вновь складывались, просили ссуду у губернатора.

Место под храмом выбрали самое видное в округе: на пригорке, с трех сторон окруженное ложбинами. Села, как такового, еще не было. Люди жили на заимках, а дома стали возводить вокруг будущего костела. Лес для него заготавливали прямо на месте строительства, выбирая высокие и крепкие, сосны, кедр, лиственницу строить костел наняли специалистов на стороне, хорошо знающих свое ремесло. С такой любовью и мастерством сложили они здание, что до сих пор не могут понять деревенские плотники, в какую «лапу» и как сложены стены. Кроме храма, построили рядом деревянную колокольню, а невдалеке - большой семикомнатный дом со всеми хозяйственными постройками - жильё для ксендза. Комплексно строили, как сейчас выражаются.

Потребовало все это денег немалых и времени порядочно. Закончено строительство было, как говорят, в 1909 году. (Такая цифра была вырезана на дверях). Красавец получился костел. Выполненный в виде католического креста, величаво возвышался над округой. Крытую способом «рыбьей чешуи» железную прыщу венчал большой крест, обитый белыми блестящими пластинами. Поэтому крест довольно ярко светился на солнце и был далеко виден. Внутренний вид костела, по мнению старожилов, в своем полном убранстве был великолепен. Высокие ажурные окна занавешивались тканью, до этого просто незнаемой в селе. Иконостас состоял из 15 больших икон с иконой святого Антония в центре (костел носил его имя). Сколько было икон поменьше, сейчас уж никто не помнит.

Под высоким потолком висела красивая стеклянная (под хрусталь) люстра. В зале находилось несколько небольших скамеек для прихожан. Украшением костела была фисгармония - инструмент, напоминающий орган. Купил ее на свои деньги и передал храму деревенский «меценат» крестьянин Александр Дащук. Прихожане избрали его приходским старостой, уважая за большую заботу о костеле. Помнят люди, что под его руководством

вокруг костела была изготовлена ограда, разбиты дорожки, посажено возле храма несколько десятков кедерок и пихт. Такие же насаждения сделаны были на кладбище. Возле ворот и калитки костела была вкопана коновязь, так как на праздничные богослужения приезжали многочисленные гости почитай со всей волости. Только когда в 1913 году открыли в Маличевке свой костел, гостей поубавилось. Вот что вспоминает Черкашина (Артиш) Зоя Ивановна:

«В костел все от мала до велика ходили. Придет май, так мы целый месяц ходили... Мужики в храме с правой стороны стояли, а бабы-с левой, мы же, ребяташки, на коленях молились. Некоторые взрослые тоже на коленях. Мужики больше стояли, а скамейки - для тех, кто молитвы по книжке мог читать. Хоры наверху устроены были. Пели там кто умел. Красиво и празднично все это было, особенно в большие праздники. На Пасху «крестный ход» вокруг костела делали, в два колокола звонили. Далеко слышно было...».

Во всех отношениях большое значение для села имел храм, даже в том, что село очень быстро росло и к 1916 году насчитывало уже 95 хозяйств и 516 жителей. П. Р. Серко рассказал о том, что его отец приехал в Сибирь в 1911 году из Виленской губернии. Зиму пропортняжил в селах, а весной поехал на родину, забрал оттуда мать с отцом, брата с сестрой, сам женился и в мае 1911- года вернулся в Сибирь уже навсегда. Белосток же выбрал главным образом из-за костела. Так поступали в то время многие. Почти 25 лет служил храм людям так, как было ему завещано. Мог и дальше служить, по пришли другие времена.

С 1921 года началась настоящая война с «религиозным культом». Начались притеснения священнослужителей, активизировалась антирелигиозная пропаганда. Ксендз Мяхасенок вынужден был из Белостока бежать, его жилой дом реквизируют под школу, Сам костел пока не закрывали, богослужения проводили наезжающие иногда из города священники, к приезду которых приурочивали жители крещения детей, венчания и другие церковные надобности.

Валерий Ипполитович Мазюк рассказал, что 2 февраля 1929 года он сам венчался в белостокском костеле с еще тремя парами, среди которых были и мой дед Ханевич Василий и бабушка Габриеля. Венчал их томский ксендз по фамилии Гронский. Скорее всего это было последнее венчание и последняя служба в костеле. В 1930 году сельсоветские власти его закрыли. Сделано это было не самоуправно, а по закону больших властей. 8 апреля 1929 года ВЦИК и СНК РСФСР издал Закон «О религиозных объединениях», суть которого сводилась к усилению давления на духовенство и церковь, как ярых сторонников кулачества и врагов Советской власти. В этом законе говорилось и о том, как проводить ликвидацию молитвенных зданий, соблюдая социалистическую законность. На местах даже видимости законности не соблюдали.

Начались повсеместно массовые погромы церквей, аресты священников.

Белостокский сельсовет костел закрыл, но разорять его окончательно не решался, боясь гнева прихожан. Власти выжидали для этого удобного случая, усиленно воспитывая в антирелигиозном направлении ребятшек в школе, а свой актив - на собраниях группы бедноты. Костел тем временем сиротливо стоял, напоминая о себе лишь печальными ударами колокола только в дни чьих-нибудь похорон или пожаров. Праздничных же перезвонов белостокцы больше не слышали. Пришлось второй моей бабушке Степаниде ехать венчаться в 1934 году в томский костел. Когда пошел по деревням и селам «Великий перелом», когда в Белостоке многие жители оказались «лишенцами», были обложены многочисленными налогами и запуганы церковные активисты. Александр Дацук раскулачен, а Рафаил Серко осужден на два года, только тогда местный актив решился сбросить колокола и крест. Как вспоминал П. Р. Серко, при сбрасывании колоколов вывели из школы всех учеников и заставили тащить за веревку, очевидно, в воспитательных целях или из взрослых никто не соглашался. Но недружно тянули ребята веревку, а может, силенки мало было: задел, колокол при падении часть карниза, поломав его, а, на землю упав, сам треснул. Сброшенные колокола потом на подводах в район увезли, обитый же пластинами крест ученикам на забаву отдали. Однако полного разграбления храма жители не допустили, выступив в его защиту.

Когда же в страшных для Белостока 1937-1938 годах как «врагов народа» арестовали практически всех мужчин села и те навсегда стинули в колпашевских застенках НКВД, костел оказался беззащитен и вскоре подвергся полному разграблению. Председатель сельсовета Таткин вместе с подручными выбрасывали на улицу разную церковную утварь, иконы. Практически ничего не смогли сохранить женщины, с плачем наблюдая за таким варварством. Только некоторые решались поднять из грязи что-то и спрятать. Моя бабушка Степанида рассказывала, что смогла тогда спрятать 5 образов, которые впоследствии всю жизнь висели в «красном» углу ее дома.

После разграбления костела судьба самого здания сложилась, можно сказать, не так уж и плохо. Здание сохранилось и стоит на месте до сих пор. В годы войны в нем хранили зерно всех соседних колхозов, а после войны «переоборудовали» под сельский клуб. Переоборудование состояло в том, что здание значительно уменьшили по высоте для экономии дров при отоплении, ободрали все архитектурные излишества, разобрали колокольню. «Осарили», одним словом, здание.

Первое время местные девушки в новый клуб ходить не решались, боясь осуждения старушек: как можно танцевать в

костеле, хоть и в бывшем, но потом осмелели. Молодость свое взяла... Так и служит до сих пор в селе костел делу сельской культуры и не разу серьезно не был отремонтирован. Только в конце 60-х годов силами студенческого отряда был произведен ремонт фундамента. Кстати, тогда ими был найден закладной камень с нишей, в которой хранился стеклянный флакон с запиской и золотым крестом. Крест студенты «замылили», записку же отдали за ненадобностью нам - ребятам. Как помню, был это небольшой настоящий пергаментный свиток, исписанный латинским шрифтом. Надо думать, было это письмо жителей потомкам своим. Только не смогли мы прочитать тот пергамент, попросили кого-то из взрослых, так и пропало письмо непрочитанное...

Мечтали мы тогда о новом Доме культуры, а от старого готовы были с радостью отказаться. Помнится: каждое новое совхозное начальство обещало построить новый Дом культуры, а пока потерпеть в старом. Двадцать лет прошло, и все это время костел исправно нес свою новую службу, но, похоже и ей скоро придет конец, Дело в том, что наконец-то жители села дождались нового Дома культуры - большого двухэтажного кирпично-типового здания, готового вступить в строй с месяца на месяц.

И радоваться бы от души этому, да не дает покоя тревога за костел. Ненужным он становится начальству, как пенсионер, свое отработавший. Совхоз намерен вернуть его сельскому Совету, а тому он и даром не нужен - только лишние хлопоты...

Стоит сказать, что имеет белостокский храм ценность историческую: насколько известно, нет больше в нашей огромной стране сохранившихся деревянных костелов, кроме него и еще одного в Иркутской области, о котором писала газета «Труд» 26 сентября 1990 года.

Может еще костел людям хорошо послужить, по прочности он не уступит многим новостройкам, только бы ремонт небольшой провести. И хозяева могут найтись. Они, собственно, и не терялись: это верующие католики, продолжающие жить в селе. Несмотря на все усилия властей, не убита окончательно вера у моих односельчан: отмечают, как и прежде, религиозные праздники, старушки проводят богослужения у себя на дому, отпевают, как положено, ушедших в мир иной. Вот бы и вернуть им храм, восстановив справедливость. Отдавать долги никогда не поздно. Верится мне, что когда-нибудь будут венчаться мои дочери в белостокском храме, как когда-то в 1929 году венчалась моя бабушка. И не прервется связь времен.

Я ПОЛЬСКИЙ БЫ ВЫУЧИЛ...

Нападать на язык народа-
значит, нападать на его сердце.

Генрих Лаубе

Немало в Сибири сегодня живёт тех, кто имеет польскую фамилию. Гораздо меньше среди них тех, которые считают себя поляками. И, к сожалению, лишь единицы сохранили язык своих предков, их древнюю культуру и традиции. Нельзя их в этом винить, это не вина их, а беда... Еще при царском режиме для поляков, попавших в Сибирь, обычно не по своей воле, в числе прочих запретов был запрет на открытие школ для своих детей. В советское время большевики тоже понимая, что язык народа связан с его национальным духом, проповедуя «пролетарский интернационализм», стали планомерно и методично внедрять в жизнь всех национальных меньшинств страны ленинско-сталинскую национальную политику. В результате такой политики и родилось поколение людей без корней, «без рода и племени»...

Примером того, как отучали говорить на польском языке моих земляков, как и большинство сибирских поляков, может служить история польской школы в селе Белосток. История одной из семи польских национальных школ, существовавших в середине 20-х годов на территории Томской губернии.

До революции далеко не во всякой деревне были школы, не было ее и в Белостоке, польском селении на севере Томского уезда. Это не значит, что в селе все сплошь были неграмотными. Еще до переселения в Сибирь в конце XIX- начале XX века многие посещали школы у себя на родине, умели читать и писать, кроме польского и белорусского знали литовский, латышский и немецкий языки. Старик Тадеуш Шимановский, прозванный в селе «американцем», прилично говорил на английском. Он с 1901 по 1907 год жил в США, работал на сталеплавильном заводе. Дети с детства от родителей слышали родную речь, от соседей перенимали русский и белорусский, латышский языки. Хуже было с умением считать и писать. Взрослые, знающие досконально только премудрости хлеборобского дела, не в состоянии были сами научить своих детей грамоте и, если говорить честно, не видели в этом большой необходимости. Умение читать, расписываться да вести счет считалось у многих верхом грамотности, а дальнейшее продолжение учебы - излишеством.

После открытия в 1910 году в селе костела и приезда на постоянное жительство ксендза, обучением детей время от времени заниматься стал именно он. По закону он не имел права открывать школу при костеле, учить польскому языку. Поэтому занятия

проводились полутайно и нерегулярно в доме того или иного жителя села. Один из старожилів села В. И. Мазюк вспоминал, что ксендз учил его и других ребятишек по-польски правильно говорить, читать молитвы и писать. Проучившись в этой своеобразной школе зиму, он её больше не посещал, научившись только азам грамоты. Зоя Ивановна Черкашина (урождённая Артиш) поведала, что учиться в детстве не ходила, так как «матка прясть пряжу заставляла, а ксёньжки за икону забрасывала». Научилась Зоя Артиш тогда, как и десятки её ровесниц, только расписываться. Большого же, тем более девушкам, и не требовалось.

Однако в дальнейшем жизнь внесла изменения в такое мировоззрение. Жители сами в конце концов поняли необходимость образования для своих детей и открыли в селе школу после Февральской революции 1917 года. Из архивных источников удалось выяснить, что перед восстановлением в Томской губернии Советской власти здесь уже работала учительницей некая пани Скавинская. Располагалась школа на дому у местных жителей, посещало занятия несколько десятков человек. Чему и как учила пани, по чьему распоряжению была образована школа, установить не удалось.

В 1920 году, с момента восстановления в Сибири власти большевиков, все польские колонии- поселения попали в сферу деятельности польской секции Томского губкома партии большевиков. Поляки - коммунисты и стали на практике реализовывать политику большевиков по отношению к своим соплеменникам, «национальную по форме и пролетарскую по содержанию». Это проявлялось в том, что их силами среди польских колоний активно стали насаждаться польские национальные школы, но без изучения основ католической религии. Под них стали отбирать помещения, принадлежащие костелам. Все это вызывало протест со стороны католиков-поляков. Они не были против польских школ как таковых, но активно протестовали против внедрения в них атеизма и антипольской пропаганды.

В начале февраля 1921 года север Томского уезда с инспекторской проверкой посетил инструктор губернии РКП (б) Казимир Буляндо, один из активистов польской секции губкома. В поселке Маличевском он одобрил инициативу местных коммунистов, отобравших у католического прихода помещение под школу. По поводу же польских школ в Белостоке и деревне Полозово написал 7 февраля 1921 года в подотдел национальных меньшинств при губкоме партии докладную - рекомендацию следующего содержания: «В Ново-Александровской волости Томского уезда находятся две польские школы первой ступени. Одна в деревне Полозово с числом посещающих 50 человек. Вторая в деревне Ново-Рыбалово (Белостокский посёлок) с числом детей, которые должны посещать школу 150 человек, не считая детей из

близлежащих посёлков и хуторов. В настоящее время школа находится в избе одного крестьянина, пожертвовавшего ее ради неприкосновенности дома, в котором живет католический ксендз. Настоящим прошу взять под школу две комнаты в ксендзовом доме (...) не считаясь ни с каким противостоянием набожных прихожан, подстрекаемых ксендзом. В случае бойкотирования школы прихожанами вменить в обязанность Новоалександровскому волисполкому принять надлежащие меры, вплоть до отправки саботирующих школу родителей на принудительные работы...»

Впоследствии, по его же рекомендации польские школы в Белостоке и Полозове были выведены из подчинения Молчановского районного отдела образования и переданы в непосредственное подчинение подотделу национальных меньшинств Томского губнаробраза. В Белосток направили нового учителя Юлиана Оскарбского, с классной доской и другими школьными принадлежностями. Раньше он работал в городской польской школе. Но совсем недолго обучал новый учитель деревенских ребятишек латинскому алфавиту и правильному произношению польских слов. Руководство польской секции губкома партии задумало создать агитлетучку с театром для агитационной пропаганды среди отъезжающих на родину польских беженцев и бывших военнопленных. Получил предписание и Юлиан Оскарбский, оставив школу, срочно отбыть в распоряжение польской секции. Учитель не хотел уезжать из деревни и участвовать в очередной политической акции коммунистов - поляков, однако его желания не спрашивали, отправили в город в сопровождении сотрудника Молчановского ЧК...

Можно сказать, что с того момента и вплоть до 1928 года дела с преподаванием польского языка в школе повисли между небом и землей. Формально школа существовала, а на деле ее не было. Так, в 1923-1924 учебных годах в школу ходило всего 46 человек, а учил их некий Иван Алексеевич Борисов. О польском языке он, надо полагать, имел весьма отдаленное представление. Позже в школе работал учитель Арик, мало чем отличавшийся от предшественника...

В сентябре 1928 года в село приехал в качестве заведующего школой 53-летний поляк Петр Сыманович, имеющий еще дореволюционный опыт работы в школе. Принял школу от учителя Арика, как свидетельствуют архивные документы, в весьма запущенном состоянии. В акте проверки школы отмечалось, что в результате такой работы ученики школы к концу учебного года оставались неграмотными, «охват детей учёбой был незначительным, не было дисциплины, (...) помещение для учёбы не приспособлено, пособий нет. В результате чего имеется полное отсутствие авторитета школы...».

Учителю Сымановичу пришлось этот авторитет создавать заново. Обладая большим педагогическим опытом и огромным трудолюбием, он за короткое время сумел многое изменить в работе школы к лучшему. Начал с обхода жителей, душевного и уважительного разговора с каждым из родителей детей, убеждал их отпустить в школу детей и приходиться учиться самим. И уже к середине октября 1928 года в школу пришло 106 учеников, 24 из них были из русских семей. Впервые в селе начал работу пункт по ликвидации неграмотности для взрослых на 50 человек.

Довольны были жители и тем, что новый учитель не требовал отдать под школу приходской дом, остававшийся пока пустым после уезда ксендза Михасенка, что не произносил на собраниях антирелигиозных и антипольских речей. Постепенно дела в школе налаживались, и, пожалуй, впервые односельчане увидели реальные плоды образования своих детей. Кроме учебных занятий ребятишки начали ставить небольшие спектакли на польском языке, читать стихи и петь песни. Одна из учениц Сымановича, Мария Антоновна Арещенко (урождённая Иоч), сама впоследствии проработавшая в школе 40 лет, вспоминая своего первого учителя, без запинки прочитала несколько детских стишков на польском языке из тех, что разучивала в школе более 60 лет назад. По её воспоминаниям, учитель Сыманович пользовался любовью и уважением как своих учеников, так и взрослых жителей села несмотря на то, что некоторым ученикам здорово от него доставалось за нерадивость и баловство.

Однако далеко не всем деятельность нового заведующего школой пришлась по душе. Председателю сельсовета Майсаку новый учитель внушал неприязнь из-за того, что не любил заниматься общественной работой и уклонялся от его поручений. Невзлюбил Сымановича и приехавший в Белосток организовывать детскую площадку комсомольский активист Ребецкий, как видно презиравший вообще всех старых "буржуазных спецов". В конце концов, взаимная неприязнь учителя и молодого активиста Ребецкого переросла в открытый конфликт, разрешить который комсомолец решил очень просто: написал донос на Сымановича «куда следует». В заявлении – доносе он охарактеризовал учителя как одного из скрытых врагов Советской власти, сторонника и друга местных кулаков, дал характеристику как человека, чьи симпатии всецело на стороне «английского щенка - панской Польши». В доказательство своих обвинений привел «факты» его якобы контрреволюционных мыслей и поступков...

Участь учителя, за короткое время сумевшего пробудить в душах юных и взрослых белостокцев интерес к учёбе, была решена. 15 августа 1929 года из Томского окружкома ВКП (б) секретарю Кривошеинского райкома партии была вручена записка следующего содержания: «Тов. Сахаров! Предъявитель сего т. Реутт назначен в с.

Блосток зав. польшколой на место Сымановича. Я считаю, что Сымановича надо снять. Тов. Реутт сам рабочий слесарь по металлу. Он работал и учился на курсах учителей, и окроно дает о нем отзыв, как одного из лучших курсантов. До сего времени он работал на заводе слесарем, и я считаю, что это довольно хорошая кандидатура на заведывающего. Считаю, что это довольно хорошая кандидатура на заведывание школой. Главное, что с рабочей идеологией...».

И вновь на несколько лет не было в школе польского языка, хотя школа осталась польской. Занятия проводились в соответствии с «рабочей идеологией» нового заведующего. Но всё же школа оставалась польской, требовались учителя польского языка. Таковыми пригласили работать местных жителей Петра Дащука и Валерия Мазюка, ставших первыми «доморощенными» педагогами в селе. Вот что вспоминал Валерий Ипполитович Мазюк о том времени:

«В 1931 году я вернулся домой после службы в Красной армии. Чем-то заниматься надо было, а тут как раз предложили идти учителем в школу учить детей польскому... Сам я польский выучил когда мальчишкой ксендзу во время службы прислуживал, да ещё одну зиму в школу бегал. В армии ещё немного подучился русскому. Вот и все мои университеты... Когда устраивался в школу, приехал зав. роно и вместе с заведующим школой Хвалько меня проэкзаменовали, признав годными к преподаванию. В школе тогда было 4 класса, но я учил детей читать и писать по-польски только в первом классе. Проработал зиму, а на второй год меня уволили из-за того, что в активистах не хотел ходить и отказался ехать преподавать польский в село Маличевку. В этом селе жили в основном латыши и латгальцы и им мой польский был ни к чему...»

Петра Дащука после года работы в белостокской школе все же перевели в польскую школу деревни Полозово, где он был единственным учителем на 59 учеников. Белостокская же школа вновь оказалась без учителей польского языка, хотя бы и таких «доморощенных» как Мазюк и Дащук. Впрочем, тогда же, зимой 1932 года, от перегрева печей сторело и само здание школы. Не пошел впрок реквизированный дом ксендза...

На следующий год в качестве учителей приехала в село польская семья Червонных. Петр был из так называемых польских перебежчиков, добровольно перешедших польско-советскую границу в 1925 году с группой друзей в надежде получить высшее образование в первой стране победившего социализма. Вместо университета его отправили в Сибирь под негласный надзор органов ОГПУ. Здесь встретил ту единственную, которая стала для него женой и матерью двух его детей. Мария Осиповна, урождённая Мазур, была из семьи польского рабочего, жившего до революции в Петрограде. В Сибирь приехала, спасаясь от голода. Гимназическое образование, полученное в Петрограде, позволяло легко найти место

учительницы русского языка и литературы. Она и в Белостоке преподавала эти предметы, а младшую группу учила польскому. Её муж, имея за плечами гимназию в городе Новогрудке, преподавал математику. К концу 1933 года он был назначен директором школы.

Получив такое назначение, Пётр Дмитриевич Червонный проявил все свои организаторские способности и, используя хорошие отношения как с районным начальством, так и с большинством жителей села, добился строительства в селе новой школы с мастерской и необходимыми подсобными помещениями.

Построили здание всего за год, по тем временам просто шикарное: большие, светлые окна, просторный коридор, 7-8 классных комнат с фабричными партами. Белостокская школа получила статус «семилетки», увеличился штат учителей, значительно возросло число учащихся за счет детей из близлежащих поселков. Все бы хорошо, да только изменение статуса означало, что из польской школа стала сначала «русско-польской», а позже и «чисто» русской. Преподавание польского языка было сведено к минимуму и вскоре совсем прекратилось.

Такие изменения в жизни школы не остались без внимания односельчан. Так, на собрании жителей села 26 ноября 1936 года, на котором обсуждалась Сталинская конституция, был поставлен вопрос и о школе. Предварительно высказав свое одобрение по одной из статей этой «самой демократичной» конституции, среди прочих прав гарантирующей и право граждан СССР и на образование, местный житель Викентий Михня задал организаторам собрания вопрос о причинах прекращения обучения польскому языку.

Неизвестно что ему ответили тогда устроители собрания и товарищи из района, однако хорошо известно как впоследствии чисто по-сталински была решена эта проблема. Нет человека - нет и проблемы. В 1937 году органы НКВД арестовали всех учителей - поляков, вслед за ними и всех мужчин-поляков села, в том числе и задававшего тот злополучный вопрос. Оставшиеся женщины и дети больше вопросов о польской школе и польском языке не задавали никому почти полвека. Матери боялись говорить на родном языке с детьми, те же, сами став взрослыми, уже не могли рассказать своим детям о красоте и богатстве родного языка, польской культуры, польской истории...

Пятьдесят лет не было слышно в Белостоке чистой польской речи, в школе не звучали польские песенки и стихи. Так было до 16 мая 1991 года. Именно этот день можно считать новой точкой отсчета в истории Белостокской школы. Село с ознакомительным визитом посетила учительница из Гданьска Анна-Мария Сwiatковская. Гостья сразу же стала разучивать с детьми игры, песенки, считалки на польском языке. И хотя никто из ребят не знал польского, но учительницу они прекрасно понимали. К концу

встречи она настолько их покорила, что благодарные школьники не хотели ее отпускать, пригласили пани Святковскую приезжать учить их языку, на котором говорили их прадедушки и прабабушки.

В следующем учебном году пани Анна ежемесячно приезжала в село и учила детей языку, истории Польши, а потом навсегда уехала в родной город Гданьск. Ее труды не пропали даром. Многие деревенские ребятишки и их родители вновь осознали себя поляками, для которых слова Польша, польский язык - не просто звук...

«БЛОШИННЫЙ СРОК» или «КРЕСТЬЯНСКАЯ» СТАТЬЯ

За последние два года мы узнали довольно много о творившихся в 30-е годы в нашей стране беззакониях и преступлениях, ранее просто не известных не только читателю, но и историкам. Сейчас, говоря о совершенных в те годы злодеяниях, мы преимущественно вспоминаем о таком ведомстве, как НКВД, и его любимой и всеохватывающей 58-й статье УК РСФСР, по которой были осуждены миллионы граждан страны. Все это так. В то же время изучение архивов и воспоминания старожилов позволяют говорить, что не менее массовый террор, преимущественно в отношении крестьянства, был начат значительно раньше 37-го года, еще до коллективизации, и продолжался не один десяток лет.

Имею в виду массовые осуждения крестьянства за неуплату или недоплату многочисленных денежных и натуральных налогов. Кто-то может сказать, что за это не расстреливали и надолго не сажали. Все верно. Для таких преступников в основном применялась статья 61, часть III Уголовного кодекса РСФСР, предусматривавшая максимальную «меру социальной защиты» в виде двух лет исправительно - трудовых лагерей. Заключенных по этой статье называли в лагерях «бытовиками», а срок заключения - «блошиным». Но и эти «блошинные» сроки, раздававшиеся в массовом порядке, калечили судьбы миллионов простых тружеников, разлучали их со своими семьями иногда навсегда. Эта «чисто крестьянская статья» в то же время давала неограниченный простор для самоуправства местных властей и органов правосудия.

В этом отношении показательна судьба одного из жителей села Белосток Кривошеинского района, моего земляка Серко Рафаила Петровича, 1886 года рождения. В 1933 году он вместе с односельчанами Викентием Сенько и Адамом Мазюком был осужден по статье 61 УК РСФСР на два года лишения свободы за неуплату налогов и мифическую «эксплуатацию наемной рабсилы». Наказание все трое отбывали в исправительно - трудовом учреждении Колпашева Нарымского округа. В заключении Серко

серьезно заболел малярией и вскоре на основании постановления Особой комиссии от 19 июня 1934 года был досрочно освобожден. Как вспоминал его сын Петр Рафаилович, привез он вместе с матерью своего отца из Колпашева на телеге едва живым. Когда поднялся Р. Серко на ноги, стали заставлять вступать в колхоз, но он отказался, ссылаясь на нездоровье. Обложили со всех сторон налогами, только где их выполнишь...

27 марта 1936-го года народный суд Кривошеинского района вновь открытым показательным судом приговорил Рафаила Петровича к двум годам лишения свободы по уже известной нам статье Уголовного кодекса. В приговоре было сказано, что осужден за то, что в момент вручения ему обязательств на 1936-й год по весенне-посевной кампании в количестве 7 гектаров 45 соток разных культур - принять это обязательство категорически отказался, а также не рассчитался еще с рядом других обязательств. Учитывая личность подсудимого и им содеянное, что в Белостокском сельском Совете из 93 хозяйств (единоличных хозяйств - авт.) обязательство по посеву приняли только 3 хозяйства и что подсудимый неоднократно штрафован. А также и хозяйство распродано...». Определением Нарымского окрсуда от 1 сентября 1936-го года судебное дело Рафаила Серко все же было пересмотрено и переквалифицировано на ст. 61 ч. II, по которой срок заключения ограничивался одним годом. Этот год неволи Рафаил Петрович отбывал в Дмитровском исправительно - трудовом лагере НКВД, строя вместе с десятками тысяч заключенных известный канал «Волга - Москва».

Отбыв положенный срок, вновь вернулся в село. Однако, еще не успев прийти в себя от лагерных харчей и рабского труда, Рафаил Серко 2 сентября 1937-го года вновь, уже в третий раз, был осужден по знакомой 61 статье, часть III УК РСФСР да два года лагерей. Основанием для такого приговора народного суда в отношении Р. Серко и еще одного белостокца - Михаила Саевича, явился «материал» от прокурора Кривошеинского района о том, что «обвиняемые Серко и Саевич, имея тесную связь между собой, по обоюдному между собой сговору отказались от выполнения обязательств по зернопоставкам. Серко Р. П. обязательство по зернопоставке 7ц. 24 кг., из них августовского задания 108кг., не выполнил. Посев полностью не убрал, а имеющееся намолоченное зерно не сдавал. Кроме этого, также уклоняется от уплаты других налогов. Имея мясopоставки в количестве 62 кг., их не выполнил совершенно, так же как не приступил к уплате денежного налога в сумме 1062 рубля, от выполнения указанных обязательств отказывается»...

На этот раз Рафаила Петровича «исправляться» отправили в Юргинские лагеря. Как рассказал его сын Петр, они зимой 1937-го года получили от отца только одно письмо и больше никаких вестей.

Запросы в разные инстанции результатов пока не дали. Так и не знает до сего дня сын о том, где могила отца и есть ли она. Как не знает и о том, будет ли реабилитирован его отец. Ведь статья-то уголовная и срок пустячный, одним словом, «блошинный срок».

Кто сможет сказать, сколько было по стране таких «уголовников», подобных Р. Серко, осужденных по пресловутой 61-й статье и другим уголовным статьям и указам правительства только за то, что не могли нести тяжкое бремя советской экономической барщины? И кто они: уголовники, не имеющие права на реабилитацию, или такие же жертвы сталинских репрессий, осужденные внесудебными «тройками» и «особыми совещаниями»? Кто скажет?

КАК СОЗДАВАЛИ НАШ КОЛХОЗ

Виновны ль мы,
Коль хрустнет ваш хребет
В тяжелых нежных наших
лапах?

Александр Блок

Вспоминается такой случай из моего школьного детства семидесятых годов: на одном из уроков истории учительница стала спрашивать нас о том, кто наши родители и к каким классам и “прослойкам” они относятся. Мой ответ, что родители мои и я являемся крестьянами, вызвал смех одноклассников и ироническую улыбку учительницы. Ребята смеялись, должно быть, сразу представив меня с сохой на пашне, погоняющем лошадь. Учительница же сказала, что мой ответ неверен так как крестьянства как класса уже фактически не существует - слился с рабочим классом, а мои родители, работающие в совхозе, практически ничем не отличаются от рабочих государственных промышленных предприятий. И в подтверждении этого тезиса далее стала говорить что-то о сближении города и деревни, уровнях жизни горожанина и сельчанина... Почему-то меня такое разъяснение тогда не убедило: ведь в деревне же живут родители, а не в городе. Только много позже понял я, что учительница тогда была права, сама того не понимая. Не были мои родители, как и их односельчане, крестьянами хоть и работали на земле.

Кончилось крестьянство в начале тридцатых годов в ходе коллективизации по-сталински, крестьянина - хлебопашца сменили колхозник и совхозник с совершенно другой психологией и иным

отношением к земле и работе. Если и сохранялось что-то по первости в колхозниках от прежнего крестьянского быта в виде неистовства в работе, бережливости готовности прийти на помощь “всем миром”, то постепенно и это улетучивалось...

Коллективизация стала одним из самых тяжелых по последствиями самым масштабным преступлением против собственного народа партии “меченосцев”. Как сказал А.И. Солженицын, этот летописец великого народного страдания россиян, все, что произошло в стране после коллективизации, было ни чем иным, как только последствием первого. Именно тогда окончательно сломали хребет российскому крестьянству и в его лице российскому народу, а в последующие годы его только добивали... Организованная по единому сценарию из Московского Кремля эта так называемая “кампания” коллективизации, прошла губительным смерчем по каждой деревне, аулу, кишлаку, хутору... Не минула чаша сия и моего родного села. Как это происходило, рассказали старожилы села да архивные материалы сельсовета и НКВД.

Как известно, время “Великого перелома”, то есть массовой коллективизации, пришлось на конец 20-х - начало 30-х годов. В Белостоке же колхоз был создан только в апреле 1935 года. О том, чего стоили сельчанам эти пять лет сопротивления коллективизации, можно только догадываться. Чего только не было использовано из арсенала местных органов власти и активистов колхозного движения против сопротивляющихся коллективизации! Это и лишение избирательных прав, и бремя налогового пресса, и распродажа имущества, и раскулачивание, и аресты, и осуждение... Пожалуй, не было только высылки семей раскулаченных из села дальше, в Васюганские болота. Но зато не один год наблюдали сельчане за тем, как высылали других. Начиная с тридцатого года по Нарымскому тракту через село довольно часто шли зимой на север Нарымского округа обозы раскулаченных. В самом селе находили временный приют многие административно ссыльные и раскулаченные.

Как рассказывал В.С. Пронский, в их доме одно время в начале тридцатых годов жил один старик-осетин. У себя на родине он имел отару овец в 150 голов. Не захотел вступать в колхоз - оказался в Сибири. В доме Мазюка Адама жили сосланные муллы. По воспоминаниям Пронского, очень уж занятно было ему и его одногодкам наблюдать как молились муллы: начнут молиться и ничто уже их отвлечь не может... Не долго они побыли в селе, отправили их куда-то дальше на Север. Одним словом, знали мои односельчане последствия сопротивлению коллективизации в селе, но знали также и то, как живет в вновь испеченным колхозникам. Пример работы колхоза в соседней деревне Вознесенке, созданного тамошними активистами еще в 1930 году, говорил о многом. А

потому - стояли на своем сельчане, уповая на Матерь Божию, что она не допустит разора их крестьянских подворий.

Однако следует заметить, что не все так думали и поступали. Кроме противников создания в селе колхоза, были и сторонники коллективизации. К их числу относились местные активисты из числа “сельских пролетариев”, сельсоветских работников и деревенской интеллигенции в лице учителей и заведующего избой-читальней. Сельскими пролетариями, то есть не имеющими своего сколь-нибудь стоящего хозяйства, были в большинстве своем местные лодыри и пьяницы, получившие при Советской власти почет и большие права распоряжаться чужими судьбами и учить других как надо жить. В составе сельсоветских активистов числились также несколько так называемых “середняков”, полагавших за лучшее для себя и своих семей не конфликтовать с властями, а плыть по течению событий, не противоречить “генеральной линии”.

Суть своей позиции один из них в разговоре с соседом выразил следующей фразой: - “Мое дело агитировать за колхоз, а ваше - отказываться...”.

Как свидетельствуют архивные документы Белостокского сельского совета начала тридцатых годов, примерно в таком же духе и проходила несколько лет в селе агитация за колхоз. Приезжал какой-либо райуполномоченный, собирал сельский сход, и выступал с пламенной речью, призывая записываться в колхоз. За ним слово брали местные активисты и вслед за райуполномоченным обещали с созданием в селе колхоза райскую жизнь, высказывали готовность самим первыми вступить в колхоз. Но как только начальники из села уезжали, почему-то, казалось бы решенный вопрос, повисал в воздухе. Впервые так произошло после посещения Белостока райуполномоченным Сколянным, специально приехавшем 22 марта 1930 года по вопросу коллективизации. В поддержку его на деревенском сходе выступил председатель сельсовета из местных жителей Майсак Мартин, но других желающих стать тогда колхозниками тогда не нашлось. Подобное произошло и после сельского собрания граждан 24 июля 1931 года, на котором уполномоченный райисполкома Вишневский выступил с разъяснением о преимуществе колхозного хозяйства перед единоличным и “подробно охарактеризовал насущный момент коллективизации на основе ликвидации кулачества как класса”. После выступления активистов Майсака и Николаенко новый председатель сельсовета Дроздов закончил собрание словами о том, что коллективизация - единственный путь выхода из нужды и нищеты и призвал записываться белостокцев в колхоз. Счастливым колхозником никто стать не пожелал, и на этот раз призыв остался безрезультатным.

Не добились власти проведения коллективизации в селе также и в следующем 1932 году, безрезультатными оказались тридцать третий и тридцать четвертый годы...Одних председателей сельсовета, как не справившихся с главной задачей "данного момента" заменяли другими, меняли составы сельских советов, но вопрос коллективизации в селе по-прежнему не решался. Местные активисты объясняли это происками классового врага, который, как выразился на очередном собрании еще в 1932 году местный учитель Хвалько "езде и всюду пролазит и действует по всему Белостокскому совету, но члены сельсовета уделяют на это мало внимания, а нужно разбить классового врага...".

В качестве классового врага определили местных жителей Мазюка Адама, Карпыша Людвиг, Сенько Викентия, Бельских Михаила и еще ряд сельчан только за то, что один из них имел оставшуюся от отца в наследство шерсточесалку, другой еще в 1914 году построил у себя во дворе ветряную мельницу, сгоревшую в 1923 году. Третий в период НЭПа имел в селе бакалейную лавку... Хозяйства всех объявили кулацкими и конфисковали, а самих лишили избирательных прав. Мазюка Адама и Сенько Викентия еще и осудили в 1932 году на два года тюрьмы. Одним словом, все было сделано для того, чтобы устранить препятствия для успешной коллективизации, но и при этом колхоза в селе власти не "сколотили".

2 июля 1934 года в ЦК ВКП/б/ состоялось очередное совещание по вопросам коллективизации, на котором выступал с речью Иосиф Сталин. Там он объявил о начале завершающего этапа коллективизации в стране. Через несколько месяцев грозные директивы ЦК о завершении кампании насущного момента долетели и до сибирской глубинки. Чтобы в срок выполнить директивы по коллективизации, советские органы власти Кривошеинского района, как видно по всему, не могли обойтись без такого незаменимого в их работе ведомства как райНКВД. Во всяком случае, дальнейшие события в Белостоке, связанные с созданием колхоза, проходили при непосредственном участии карательных органов и по их сценарию.

Сценарий же был до примитивности прост и стар, как мир: арестовать наиболее сопротивляющихся коллективизации жителей села и затем устроить большой показательный процесс для устрашения остальных. В январе 1935 года, а может быть и раньше, работниками Кривошеинского РО НКВД с помощью сельсоветских работников, а может быть и не только их, был собран необходимый компромат на ряд жителей села. В самом начале февраля тридцать пятого года начальник Нарымского окротдела НКВД Мартон утвердил постановление об аресте и привлечению к суду семнадцати жителей Белостока и соседних Ново-Андреевских хуторов за то, что все они проводили якобы "антисоветскую и антиколхозную агитацию, добились развала инициативной группы по организации в

селе колхоза, а также на почве классовой ненависти имели договоренность убить председателя сельсовета и некоторых других активистов села...”.

1-3 февраля 1935 года пять человек из семнадцати были арестованы и отправлены в районный отдел НКВД. С остальных взяли подписку о невыезде за пределы села до решения суда. Приехавший в село сотрудник Нарымского окротдела НКВД Тютюнник совместно со своими товарищами из Кривошеинского райотдела стал собирать и оформлять протоколами свидетельских показаний “преступные деяния” привлеченных к суду. За короткий срок было допрошено в качестве свидетелей 22 человека, часть которых составляли местные активисты. Уж чего только не наговорили они на заданную тему про своих соседей, односельчан, в одно смешивая правду с домыслами, представляя личные бытовые конфликты как классовую борьбу.

По мнению почти всех активистов, главными противниками мероприятий партии и правительства на селе были ранее раскулаченные жители села Бельский, Карпыш и Мазюк Адам, незадолго до этого вернувшийся в село из мест заключения. Лишенные полностью всего своего имущества в ходе раскулачивания, они не скрывали своей ненависти к инициаторам разорения их хозяйства, что не могло не найти соответствующего отражения в показаниях следователю НКВД со стороны бдительного актива.

Так, председатель интегрального товарищества Потуремский Степан показал, что еще весной 1934 года Мазюк и Карпыш “устраивали засаду с целью убить его за покупку их имущества при раскулачивании...”.

Шпаркович Альфонс дал показания о том, что весной 1933 года был избит в доме Кондрацкого Станислава польским перебежчиком Сургело Наполеоном, который при избиении выкрикивал: “Вот тебе колхоз!”, а затем его избил “кулак” Мазюк Адам. Его также якобы 26 августа тридцать четвертого года “пытались убить кулаки Карпыш с Мазюком и подкулачником Кондацким Станиславом...”.

Активист Артемов Николай дал показания в отношении всех соседей по хутору, заявив, что постоянно является объектом нападков со стороны Качан Агафьи, сестры кулака Мазюка Адама и ее сына Осипа за то, что он “выявил” /таким словом официально называлось тогда доносительство/ у них пять овец, укрытых от облажения налогом...

В протоколе свидетельских показаний активиста Киселя Ипполита указано, что одно время с ним беседовал Лютый Петр и убеждал его в нежизненности колхозов, а услышав об убийстве секретаря ЦК ВКП/б/ Кирова, заявил: - “...Нечего горевать, одного убили, худшего нам от этого не будет...”.

На младшего брата Лютого Петра - Ивана, были получены показания, что он распространял среди местного населения антиколхозные призывы, прочитав их в письме, полученном местной жительницей Иоч Франей от ксендза. Впоследствии на допросе он подтвердит, что действительно ходил узнать, что пишет ксендз. Узнал только, что письмо пришло из Италии, но "...понять из письма больше ничего не мог...".

На вопрос следователя НКВД о том, почему в Белостоке, несмотря на наличие "больших культурных сил" в лице учительства, до сих пор нет колхоза и во всех политкампаниях село плетется в хвосте, бывший заведующий школой Хвалько ответил буквально следующее: "Я село хорошо знаю с двадцать седьмого года, а с 1932 года по октябрь тридцать четвертого года работал в селе зав. школой, и за все время, как я знаю село, Белосток представляет собой сгусток реакционных настроений. Ни одно мероприятие Советской власти и партии населением Белостока в жизнь не принимается правильно и встречает бешеное сопротивление со стороны населения. Например, в 1931 году в день 1 Мая на демонстрацию из всего населения села, насчитывающего около 800 человек, вышло только 7 человек. Остальные, так как был пасхальный день, ушли в костел или сидели дома. Ученики из школы все убежали в костел, а на демонстрацию не пошли... Все это происходило и происходит благодаря влиянию на население классово-чуждых и враждебных Соввласти сил кулачества...".

Так называемые "свидетельские показания" активистов Белявского Адольфа, Назарука Осипа, Пилатова Антона, Киселя Антона, Дащука Василия, Червонного Петра /директора школы/, Верещагина Павла /зав. избой-читальней/, сельсоветских работников - Коршунова Михаила, Сергуна Ивана, Таткина Ивана, - ничем не отличались от вышеупомянутых показаний, разве что дополняли их новыми подробностями происков "классово-чуждых" сил в селе. Их стараниями к числу этих самых "сил", кроме уже упоминавшихся сельчан, были причислены также братья Михня - Викентий, Антон и Феликс, а также Иоч Эдуард, Попов Трофим, Пилевич Матвей, Игнатов Афанасий, Мазюк Павел и Пронский Бронислав.

Кроме того, Пронского Бронислава заместитель председателя сельсовета Сергун Иван Адамович хотел "сдать" в НКВД его и жену Анну, дочь Лидию и сына Павла только за то, что при попытке ареста Бронислава 17 февраля тридцать пятого года силами сельсоветских работников жена и дети Пронского оказали сопротивление членам сельсовета, обрушившись на них лопатой и деревянной колотушкой. После этого был составлен в райНКВД донос-просьба принять в отношении семьи Пронского самые решительные меры "дабы не допустить остальным массам последовать этому заразительному примеру...". Здесь же высказывалась просьба привлечь к суровой ответственности и

“перевоспитать административно” сельисполнителя Лютого Станислава, давшего возможность Пронскому Брониславу убежать из дома в лес и тем избежать ареста.

Почему-то тогда просьба сельсоветского работника Сергуна в РО НКВД была оставлена без последствий и семья Пронского Бронислава к суду привлечена не была. По решению старшего следователя Нарымской окружной прокуратуры Митина было прекращено дело в отношении самого Бронислава и еще семерых односельчан “за недостаточностью предъявленных улик” или же отсутствием в их действиях состава преступления.

Дело Михни Феликса выделили в особое производство “как явно смахивающее на шпионаж”, поскольку он сам признался в том, что в 1931 году по поручению своего отца Венедикта и братьев ездил в польское консульство в Москву для получения разрешения на выезд в Польшу. Но и до него “органы” добрались лишь через два года - в тридцать седьмом, а пока предстояло расправиться с саботажем в деле коллективизации.

Обвинительное заключение, составленное на восемь человек, окружным прокурором Стариковым было утверждено, и дано “добро” на проведение показательного судилища над противниками коллективизации в селе в целях устрашения всех остальных. Перед показательным судом еще 17 марта 1935 года состоялось подготовительное заседание Нарымского окружного суда в составе председателя Кичигина и членов окрсуда Сидорова и Скрябина, на котором практически и решили судьбу отданных на заклатие белокстокцев, определив для каждого из них статью уголовного кодекса с соответствующими сроками заключения. Заседание на 4-5 апреля 1935 года выездной сессии Нарымского окружного суда под председательством судьи Кичигина Т.В. и участия прокурора Глебова И.И. рассчитано было, главным образом, на устранение населения Белостока и окружающих деревень, сопротивляющихся коллективизации.

5 апреля 1935 года выездная сессия окружного суда “Именем РСФСР” приговорила Мазюка Адама, Карпыша Людвига и Бельского Михаила по статьям 58-10 и 19-58-8 УК РСФСР /здесь и далее в редакции 1926 г./ каждого к 10 годам ИТЛ, братьев Лютых Петра и Ивана по статье 58-10 соответственно к 8 и 3 годам ИТЛ, Кондрацкого Станислава по ст. 19-58-8 к 6 годам, Качана Осипа и Сургело Наполеона по ст. 73-1 часть 11 УК к 5 и 4 годам жизни в ГУЛАГе...

“Судья определяет, а ГУЛАГ располагает” - именно такими словами можно определить дальнейшую судьбу осужденных: только трем из восьмерых удалось выйти на волю и впоследствии умереть дома своей смертью. Бельского освободили досрочно через восемь лет “по состоянию здоровья”, то есть без всякого здоровья, Мазюк освободился в 1946 году, отбыв полученную десятку “от и до”,

Кондрацкий вместо шести лет отсидел двенадцать лет и был освобожден только в феврале 1947 года. Вышел из лагеря “спецперевоспитания” в тридцать седьмом году и Лютый Иван, получивший самый маленький срок из всех своих “однодельцев” в три года лагерей, но в конце октября 1937 вновь был арестован и 8 января 1938 года расстрелян. Его старший брат Петр умер 19 апреля 1942 года в Севуралаге НКВД. По решению “тройки” УНКВД Дальстроя в Колымских лагерях расстреляли 5-10.05 1938 года /такую дату сообщили сыну Владимиру/ Карпыша Людвиг. Навечно остались в магаданской земле Качан Осип и Сургело Наполеон. Такова оказалась плата белостокцев в деле претворения в жизнь программы партии Ленина-Сталина о коллективизации в масштабе все страны...

Могут спросить, а что же с колхозом? Сразу после показательного процесса организовали активисты на сей раз колхоз, назвали его “Красный штандар”/так в оригинале- Х.В./, что в переводе с польского означает “Красное знамя”. Хоть так, а не колхоз имени славного наркома НКВД Генриха Ягоды! Ведь назвали же активисты соседней деревни Крыловки свой колхоз “Имени Крыленко” в честь наркома юстиции СССР в благодарность за помощь работникам Кривошеинской прокуратуры в деле проведения коллективизации в этой деревне-летом 1935 года в Крыловке силами выездной бригады работников прокуратуры был организован колхоз в 15 крестьянских хозяйств....

Белостокский председатель сельсовета Таткин Иван Демидович отблагодарил “органы” за помощь в организации колхоза по-деловому - чуть позже в 1937-38 годах, помогая им выявлять «врагов народа» в селе даже среди своих ближайших друзей-активистов. А пока /через 9 месяцев после показательного процесса/ на деревенском собрании 16 января 1936 года при отчете сельсовета о проделанной работе удовлетворенно отметил в прошедшем году громадный рост в селе коллективизации. А закончил свое выступление словами о том, что “не стоит останавливаться на достигнутом, так как в селе еще есть единоличники, саботирующие мероприятия Советской власти...”.

До сегодняшних дней существует в селе колхоз, правда под другим названием и статусом “сельхозпредприятия”. Новые веяния фермеризации пока не докатились до тех краев, упорно отказываются мои земляки выходить из колхоза, то бишь из сельхозпредприятия, и брать отнятую в тридцатые годы землю, не хотят вновь стать как их деды единоличниками, то есть фермерами по-современному. Должно быть, одни из них в деле фермеризации всей страны ждут указаний и конкретной помощи в этом деле от,/уж не знаю каких/, вышестоящих органов, а кто-то не берет землю из опасения быть вновь впоследствии раскулаченным... Вот такая диалектика нашей жизни.

ИЗ РОДОСЛОВНОЙ...

Сибиряк,
Я рос в лесном краю,
Где текут Иртыш, и
Обь, и Лена...
Знаю родословную
свою
Только до четвёртого
колена...

Василий Фёдоров

ИВАН ФОМИЧ, ВЕЗУЧИЙ ЧЕЛОВЕК

Ивана Киселя, прожившего в селе Белосток Томской области всю свою жизнь, без всякого преувеличения можно назвать человеком, которому очень часто везло в жизни. Родился он в селе в год начала в России социалистического эксперимента и как ровесник "Великого Октября" другой жизни, кроме советской, не знал. Поэтому удачи и везение его были чисто наши, советские...

О детстве его мало что можно рассказать. Известно только, что рано остался без родителей, много чего перенес в своем "голопузом" детстве, но ведь выжил же, не умер. Вот вам и первое везение...

Повезло Ивану Фомичу и в 38-м году, когда февральской ночью практически всех деревенских мужиков из числа поляков "скопом" арестовали по "линии НКВД" и погнали этапом в Колпашевский окротдел НКВД. Мало кто оттуда вернулся, а вот Ивану Киселю повезло, и повезло по - крупному: ему не только не дали срок, но и вообще не судили. Через несколько дней пребывания в камере вывел его вечером конвоир за город в овраг, приказал, не оглядываясь, бежать, а сам выстрелил. Так и не узнал Иван Фомич- промахнулся тогда конвоир или стрелял вверх. Впоследствии никто его больше не арестовывал, да и он о том случае молчал долгие годы...

В следующий раз повезло Ивану Фомичу перед войной. Буквально накануне войны с Германией его вместе с группой деревенских мужчин вновь забрали, но на этот раз в трудармию. Согласия, конечно же, не спрашивали. Ивану Фомичу вместе с братом Кузьмой и другими земляками довелось рубить уголь в шахтах Кузбасса. Люди бывалые говорили, что "статус"

трудармейца в те годы ничем практически не отличался от "прав и обязанностей" советского зэка. Обязанностей у трудармейцев, как и у заключенных, было множество, а право только одно - отдать свою ничего не стоящую государству жизнь и бесплатную рабочую силу для великих и малых строек социализма. С братом его, Кузьмой, такое и произошло - был заживо погребен в одной из подземных штолен во время очередного обвала. Иван Кисель испытывать судьбу дальше на трудовом фронте не стал и самовольно сбежал из шахты в родную деревню. За дезертирство из трудармии по закону военного времени полагался военный трибунал, однако Иван Фомич избежал и его: вышел из подполья и записался добровольцем на фронт...

Разговор о значении счастливого случая и везении на фронте особый. Переоценить их просто невозможно. Как известно, от "пули- дуры" никто не был застрахован, тем более на передовой. Иван Фомич в герои не рвался, но и воевал, не прячась за спины других. Служил сначала рядовым в составе 15-го стрелкового полка, позже в рядах 110-го стрелкового полка 1-го Белорусского фронта. В марте 44-го года получил ранение и около полугода пролежал в эвакогоспиталях. Немного подлечили и вновь отправили на фронт освобождать Польшу, родную землю своих предков. Вновь ранение и как итог боевого пути - в апреле 45-го года увольнение из армии с диагнозом "легкое ранение в левое плечо с повреждением нерва..."

Естественно, Иван Фомич считал себя тогда везучим человеком: разве это не везение, что остался жив, дошел до дома на своих ногах. Далеко не всем фронтовикам досталось такое счастье. Например, другой его брат, Иосиф, погиб на одном из фронтов в 1942 году.

Не меньше везло Ивану Фомичу и в мирной послевоенной жизни. Сразу же после возвращения домой поставили его в колхозе бригадиром полеводческой бригады, одно время работал председателем колхоза, а в 68-м году при преобразовании колхоза в совхоз назначен был управляющим Белостокским отделением совхоза.

Одним словом, большую часть своей трудовой жизни провел он на руководящей работе "местного масштаба". Отличительной чертой работы руководителей этого уровня было то, что за все высокие производственные успехи хозяйства, если они были, как правило, почести и награды доставались начальству повыше, но зато все "шишки" за какие-либо просчеты и недостатки сваливались на головы руководителей низшего звена.

Получил и Иван Кисель за все годы своего руководства, кроме грамот и благодарностей, немало выговоров и взысканий по административной и партийной линии... Повезло, что еще под судом не был за всякие невыполнения и неподчинения. Ведь немало людей из его "сословия" поплатились своими должностями, партийными

билетами или даже свободой за настоящие и мнимые злоупотребления на своих постах.

Известно, что испытание властью над людьми, пусть даже самой маленькой, далеко не все проходят без последствий. Как говорят, были и у Ивана Фомича свои рецидивы «командной болезни». И все же полученная власть над людьми не испортила окончательно Ивана Фомича. В памяти большинства односельчан он остался как бригадир и управляющий совхозным отделением, отличавшийся от других местных начальников главным образом большей человечностью и справедливостью к людям, личным бескорыстием и веселым характером. А это немало для доброй памяти о себе. Повезло и в этом...

Конечно же, были и в жизни Ивана Фомича периоды, когда о везении думать не приходилось. Так, например, подобное произошло в 45-м, когда вернулся он раненый в село, и оказался чужим и лишним для своей жены. Непросто было пережить такое, оставить двух дочерей (ещё двое его детей умерли в годы войны, когда он был на фронте). Но и это пережил Иван Фомич.

Позже женился на Степаниде Пилевич, оставшейся по воле НКВД без мужа с двумя малолетними детьми. Это была моя бабушка, а ее дочь Валентина – моя мама. Вот так и стал Иван Фомич для нее и её младшего брата Александра хоть и не родным, но заботливым отчимом. Позже родилась дочь Галина. Для меня же и моих братьев дед Фомич был и остался в памяти самым добрым и любимым дедом, о котором всегда вспоминаем с теплотой в душе. Повезло нам с дедом, но думаю, что и ему не меньше повезло с нашей бабушкой, бывшей ему верной спутницей жизни почти сорок лет...

Дед Фомич, а так его под старость звали в селе не только мы, но и буквально все взрослые и даже пожилые люди, был человеком примечательным во многих отношениях. Уйдя на пенсию, он по-прежнему считал своим долгом быть в курсе всех совхозных дел и при обнаружении недостатков не давал нерадивому спуску, кем бы он ни был. Охотно выполнял множество самых разных общественных нагрузок и поручений: от члена народного контроля до депутата сельсовета...

Настоящей же страстью, которой полностью смог отдаться только с выходом на пенсию, была охота. В охоте также был удачлив, принося в качестве трофеев домой не только дичь, но и шкурки лисиц, рога лосей и даже однажды большую шкуру матерой медведицы.

Под стать его облику, внушительной даже в старости фигуре, был и его характер, не терпящий суеты и быстрых изменений своих взглядов на что-либо. Воспитанный в молодости в духе сталинского кодекса "строителя социализма", он далеко не сразу принял новые веяния периода хрущевской "оттепели".

Так, его дочь Галина рассказала, как в детстве оказалась свидетелем семейного конфликта на почве идейных расхождений родителей по вопросу личности "отца народов". Было это сразу после XX съезда компартии, когда впервые в открытую заговорили о культе личности. В их доме в то время на полочке стоял портрет Сталина (положение бригадира колхоза обязывало). И вот однажды моя бабушка Степанида схватила этот портрет и хотела бросить его в печку, выкрикивая, что он изверг, столько народа погубил, а дед Фомич давай этот портрет отнимать, матерясь и тоже в ответ выкрикивая: "... мы на фронте в бой шли, крича "за родину, за Сталина!, а за Хрущева ни одна курва кричать не будет..."

Нет, стопроцентным сталинистом он не остался, многое в своих взглядах пересмотрел, но по-прежнему довольно высоко оценивал роль Сталина в войне. Он был человеком своего поколения и им остался до конца дней.

Можно сказать, что деду Фомичу повезло, как это ни кощунственно звучит, и вовремя уйти в мир иной. Умер он в 1982 году после продолжительной болезни, испытал мучительные физические боли. Но, кто знает, страдал ли бы он меньше, доживи до наших сегодняшних дней, видя полнейший развал Союза, колхоза и всего того, что составляло смысл всей его жизни. Всю жизнь он молился другим богам, имел другие идеалы и этим был счастлив. Воистину блажен, кто верует, а уж во что верить - дело сугубо личное...

АНТОНОВЫ УНИВЕРСИТЕТЫ

Есть люди, считающие, что человек сам определяет свою судьбу. Может быть и так, но жизнь человеческая - штука сложная, сотканная из множества случайностей и мелочей, в определенный момент становящихся причиной крутого поворота в судьбе. Мы же эти превратности судьбы пытаемся как-то объяснить и с чем-то связать...

Антон Ханевич, один из жителей Белостока, над перипетиями своей судьбы никогда не размышлял, а уж в молодости тем более. Жил как все: не хуже, но и не лучше других своих сверстников. В раннем детстве - обычная жизнь деревенской детворы начала 30-х годов со своими маленькими радостями и печалью. Родители не баловали, но и сильно не строжились - единственный в семье был. Родившаяся за год до него сестрѐнка умерла, прожив всего несколько месяцев. Это же самое случилось и с младшей сестрой. Поэтому Антошку как единственного ребёнка в семье берегли и баловали. Больше ласки доставалось от бабушки с дедом.

Одним словом, раннее детство осталось в его памяти одним из тех немногих моментов, о которых вспоминают с улыбкой и светлой

грустью. Впрочем, период счастливого детства был для него совсем непродолжительным. Сначала коллективизация в селе, внёсшая разлад в устоявшийся крестьянский уклад жизни, позже - арест как «врагов народа» отца Василия, деда Александра и других родственников, детская память о которых сохранила лишь только отдельные эпизоды. Оставшись в семье за единственного мужчину, далеко не сразу осознал своё новое положение. Матери было не до него, бабушку не слушался. Короче, жизнь свою определял самостоятельно. Учился в школе неплохо, но имел нарекания со стороны учителей за свое поведение. На шестом году учебы закончилось это тем, что после очередной проказы директор школы Ильясов схватил его за ухо, вывел на школьное крыльцо, поддал коленом под зад и выгнал из школы окончательно. На этом школьные «университеты» его и закончились.

Правда, была в его детской жизни еще одна попытка получить образование в городе, через несколько месяцев закончившаяся возвращением в деревню. Сам он об этом эпизоде буквально следующее: «В один из дней я с друзьями Валеркой Ханевич да Казиком Иоч решили сбежать из деревни в город, так как в колхозе невыносимо было... К тому же в деревню приезжал накануне какой-то вербовщик и приглашал поступать в ФЗО, говорил, что никакой справки из колхоза не требуется. Для нас это главным было, потому что из колхоза нас никто и не думал отпускать. Предупредили матерей и ночью пешком в город, до которого почти 200 километров...

В Томске нас отправили в Моряковское ФЗО учиться на судовых столяров. Через полгода приехала нас навестить мать моя с дядькой Станиславом, привезла немного собранных дома продуктов. И так нам после домашних сухарей домой захотелось, что силы не было терпеть и мы решились на побег...

Дождавшись кое-как воскресенья, отпросились якобы в лес за шишками, а сами домой. Шли ночами, а днём в кустах прятались, боялись погони. Искали нас, конечно. Во - первых, думали, что мы в тайге заблудились, да и за самовольный побег из ФЗУ полагалось уголовное наказание и принудительное возвращение. Приезжал в деревню за нами милиционер, но я в то время больной дома лежал с большой температурой. Посмотрел на меня милиционер, махнул рукой и не стал забирать... Уж не помню, по какой причине и друзья мои избежали принудительного возвращения в рабочий класс...».

Так и остался Антон в деревне, работал на разных колхозных работах, а затем был отправлен на курсы трактористов. Окончив их, получил в Рыбаловской МТС старый колесный трактор «ХТЗ». Одному завести мотор этого «дитя индустриализации» было трудно даже для здорового мужика, а для шестнадцатилетнего парнишки тем более. Заводили трактор вдвоём с прицепщиком, таким же пацаном - одноклассником Антоном Пилатовым. К концу второго года

работы считался Антон Ханевич уже квалифицированным специалистом. И работать бы ему дальше на тракторе всю жизнь, если бы не случай с бутылкой керосина. О том, что это был за случай и какую роль он сыграл в его последующей жизни, Антон поведал следующее: «Бригадиром тракторной бригады у нас был николаевский мужик Алемпий Лаппа. И вот пашу я как-то на колеснике недалеко от своей деревни. Приходит вечером деревенский парень Володька Михня с просьбой налить ему бутылку керосина для домашней коптилки. Заглушил я трактор, открутил трубку и налил ему бутылку, а бригадир случайно увидел... Назавтра начали бригадира за что-то в сельсовете «прорабатывать», а тот, оправдываясь, возьми да скажи, что перерасход горючего в бригаде происходит по причине растаскивания его на личные нужды. В качестве примера привел меня и тот случай, что сам видел. Как на грех оказался при этом разговоре в сельсовете районный прокурор, приехавший по своим каким-то другим делам. Услыхав такие слова бригадира, он попросил его тут же написать на меня соответствующее заявление, а они, мол, меня «попугают» для того, чтобы другим неповадно было.

Тот и написал. Судили меня показательным открытым судом в родном селе по Указу от 47-го года* как расхитителя социалистической собственности. Районный судья Соболева «дала» 7 лет лагерей». Народные заседатели из местных мне потом, как бы оправдываясь, говорили, что меньше по этому Указу и нельзя было получить, так как я уже к тому времени был совершеннолетний и льготой как малолетка не пользовался...».

Получив свои 7 лет лагерей, Антон Ханевич под стражу сразу же в зале сельского клуба, где проходил суд, не был взят, а отпущен домой под подписку по причине осенней распутицы. И только 23 ноября 49-го года, через 21 день после суда, его вызвали повесткой в район и присоединили к большому этапу заключенных, шедшему пешком из Колпашева до Томска.

С этого момента и начались для него лагерные "университеты», воспоминаниями о которых он не очень-то любил делиться с кем-либо. И только несколько раз, в семейном кругу, уступая просьбам сынов, рассказывал тот или иной эпизод из своей жизни советского заключённого. Конечно же, эти отрывочные воспоминания ни в коей мере не могут претендовать на полноту отражения всех перипетий лагерного периода его жизни. Да и рассказывались они мимоходом и по случаю. И все же, сложенные вместе, они хоть в малой степени дают представление о тех годах. Можно было бы эти воспоминания Антона коротко дать в изложении, однако предоставим возможность ему самому рассказать о тех годах так, как он это рассказал своим сыновьям: «Этап заключённых, с которым я шел до Томска, был огромный, охранялся конвойными на лошадях и охранниками с собаками. В этапе встретился со своим бывшим односельчанином

Кузьмой Гавриленко, осужденным в Колпашево на 10 лет за грабежи барж на Оби. Был он мужик тертый, прошедший «огни и воды». Он меня научил, как в лагере жить и, можно сказать, от смерти спас. Хороший совет тогда дорого ценился... Из городской тюрьмы, что на улице Пушкина и сейчас расположена, нас направили в лагерь на шпалопропиточный завод в районе Черемошников. Занимались пропиткой смолой железнодорожных шпал. Работа адская, мало кто на ней долго выдерживал. Чувствую, что и я начинаю сдавать, вот-вот «согнусь». Тогда-то и дал мне Кузьма Гавриленко тот дорогой совет. При встрече сказал, что скоро придут в лагерь вербовщики, которые будут набирать бригады специалистов на строительные объекты. Посоветовал назваться каким-нибудь специалистом, лишь бы только избежать шпалопропитки, верного места своего конца. Сказал он, что в будущем неизвестно как сложится, но хуже не будет... И точно, вышло, как он говорил: через несколько дней приехали «сваты-вербовщики» и начали записывать в бригады специалистов. Я назвался водопроводчиком. И вот всех нас, «специалистов», в конце 1950 года погнали в Новосибирск. Там устроили проверку нашим специальностям. В ходе этой проверки бригадир меня сразу же разоблачил: я ведь и в глаза-то батарею отопления до тюрьмы не видел, не говоря уже о прочих сантехнических премудростях. За обман списали меня в штрафную бригаду, где пробыл почти полгода. Бригада наша занималась выкорчевкой пней на месте будущей Новосибирской ГЭС. О том, что на этом месте будет ГЭС, я узнал много позже, а тогда не до интереса было...

На каждого нарядчик давал определённую норму, да только выполнить её было практически невозможно. Не сделал норму - не получишь паёк. Как говорили тогда, социалистический лозунг «Кто не работает, – тот не ест» в действии. Но уголовники еду всегда доставали и со мной делились. Начнёшь работать, а они: «Тебе что, «деревня», жить надоело, ляг в яму и умри!».

Нечего делать, ложишься. Правда, иногда и харчами делились со своего котла. Около полгода продолжалась эта волынка на грани жизни и смерти, а потом после штрафной бригады работал в другой зоне в черте города на шлакоблочном заводе. Здесь работать было гораздо легче. Я агрегатом шлакоформовочным управлял. Подсобные работы выполняли пять-шесть женщин, тоже из заключённых. Когда перевели наш завод на хозрасчет, то тогда намного легче стало, завелись деньжата в кармане.

При освобождении купил себе сапоги хорошие, костюм приличный, кстати, первый в своей жизни. Одним словом, приоделся. Когда ехал в поезде домой, то меня никто за бывшего заключённого не принимал... Освободиться же мне раньше срока помогла смерть Сталина в пятьдесят третьем году. Хорошо помню, как нас всех заключённых вывели из бараков на улицу, построили на

плацу и стали мы слушать по радио трансляцию похорон Иосифа Сталина. Лагерное начальство плачет, один пожилой военный стал по стойке «смирно», взял «под козырёк» и так стоял как каменный до тех пор, пока шла передача по радио.

Мы же стояли на плацу, явно не выражая своих чувств. Может, кто-то из нас и радовался такому событию, предугадывая предстоящие изменения, но в открытую не решался их показывать... А потом нам, зекам – «бытовикам» объявили амнистию по случаю смерти «Вождя народов». Целыми пачками стали разбирать дела и нас из лагеря выгонять...

Освободившись из лагеря, приехал в Томск, остановился у дядьки в Самуськах, прописался у него, так как решил остаться в городе, получил паспорт. Устроился на работу на ГРЭС-2. Решался вопрос с общежитием, но мне его не давали из-за отсутствия каких-то там справок. За ними нужно было ехать в деревню. Тут как раз бабка Стефания умерла, мать одна оставалась. Решил её к себе в город забрать. Поехал в деревню. Встретил там друга Шурку Назарука, он, как и я, из города в деревню на побывку приехал, учился в ремесленном училище.

Собрались вместе с ним в город возвращаться. Мать на дорожку мне в чемоданчик бутылку самогонки положила, чтобы веселее было ехать. Бутылка эта, на сей раз бутылка самогонки, опять сыграла в моей жизни не последнюю роль.

Вот сейчас думаю, а что если бы не положила бы её мне мать в чемодан, куда бы повернулась моя жизнь и кем бы я был и где жил сейчас? Однако по порядку. Одним словом, собрались с Назаруком в город идти, а перед этим зашли и сельсовет справку взять. Председателем сельсовета был тогда Петр Александрович Козырский. Зашли мы с Шуркой к нему, а у него милиционеры Виноградов и Миронов сидят, разбираются по факту кражи у одного жителя из соседней деревни Верх-Бровки куска сала. Гадают, кто из местных то сало мог стащить, а тут на пороге собственной персоной два парня «городских» нарисовались. Вот вам и первые подозреваемые. Приказали открыть свои фанерные чемоданчики. Сала, украденного кем-то, в наших чемоданах, конечно же, не оказалось, но у меня нашли эту самую бутылку самогона...

Тогда самогоноварению была объявлена очередная война. Были опубликованы новые Указы, проводились показательные суды, однако народ продолжал гнать и пить, не отказывались от рюмки и сами начальники из тех, кто с этим самогоноварением на местах боролся...

Обнаружив эту злосчастную бутылку, начали допытываться у меня, где я её взял и, соответственно, кто варил эту самогонку. Хотя и так ясно было, откуда у меня эта бутылка. Но не скажу же я, что это мать моя мне её положила. Это же ей верный срок. Взял все на себя, тогда они мне: «Если останешься в колхозе, то это дело

«замнем», а если нет - судить будем...». Нет, чтобы мне согласиться хотя бы для видимости, а я начал твердить, что в городе устроился на работу, мать хочу с собой забрать...

Опять судили. Дали год тюрьмы за самогоноварение. Отсидел в Томской тюрьме весь этот год «от звонка до звонка». Просился на этап, но меня не брали: кому я был нужен с таким маленьким сроком, только возни больше. И на общие работы в тюрьме не водили, так как на строгом режиме из-за второй судимости находился, рецидивистом считался. Мне этот год дольше лагерных в несколько раз показался...».

На этом закончились лагерные «университеты» Антона и началась долгая жизнь на свободе, где порядки и нравы мало отличались от лагерных. Но не ожесточился он сердцем. Никого, кроме себя, за свою испорченную молодость не винил, жертвой репрессий себя не считал и не считает. Попыток уехать в город больше не делал.

Оставшись в родном селе, более тридцати лет проработал деревенским шофером, накатав по деревенским хлябям не одну сотню тысяч километров. Собственными руками построил просторный светлый дом, в ограде которого растут посаженные вместе с детьми несколько деревьев. Вместе с женой Валентиной вырастили, выучили трех сыновей. У них теперь свои семьи, своя жизнь. Что еще надо человеку для счастья?

Однако удовлетворен ли он прожитыми годами, я его не спрашивал. Как-то не принято об этом спрашивать у своего отца, да и рано еще подводить итоги. Жизнь продолжается...

** Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», указ, аналогичный Постановлению ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года, прозванный в народе "Указом о трех колосках» - прим авт.*

НЯНЬКА

Жила она в старой развалившейся избышке рядом с нашей деревенской изгородью. И, бывало, родители, уходя на деревенские вечеринки, просили ее нянчиться со свои первенцем, то есть со мной. Впрочем, возится ей доводилось не только со мной, но еще и с доброй половиной “ползунков” нашей округи.

Она - это деревенская дурочка Мария, которую в деревне все, невзирая на возраст, почему-то звали не иначе как Маника. Кто и когда дал ей это искаженное имя- кличку - не известно.

Была она из местных, родившаяся последней девчонкой в большой крестьянской семье Матвея Маркиша. Большими

умственными способностями не отличалась, но была и без явных интеллектуальных недостатков. Скорее всего, дурочкой стали звать ее вначале в семье, а потом и по деревне за безотказность в работе, неумение схитрить да за простоватый вид. Брать ее в жены никто из местных парней и вдовцов не желал, словом, женихов не находилось. Так и жила Маника, выполняя самую тяжелую работу дома и в колхозе. В годы войны работала на зерносушилке грузчиком, таская стокилограммовые кули с зерном, делала безропотно все, что прикажут. О другой жизни и не мечтала...

Однако и ей улыбнулось счастье в лице пришлого ухажера по имени Кузьма. Впрочем, сам он представлялся при знакомстве всегда по имени-отчеству и любил, когда к нему именно так обращались. В отличие от своей избранницы, дураком назвал в первую очередь сам себя. Доказывая это, говорил, что еще в детстве его ударила по голове копытом лошадь, и неизменно в таких случаях порывался показать на голове какой-то шрам.

Возможно, что так оно и было, и какие-то умственные отклонения у него действительно имелись. Во всяком случае, справка какая-то у него была, дававшая ему право считаться дураком "по праву". И все же его почти без колебаний можно было отнести к тем дуракам, про которых говорят, что они в некоторых случаях умнее академиков. Как мне кажется, Кузьма Егорович еще в своей молодости своим умишком дошел до вывода, что дуракам у нас легче живется, с них меньше спрос...

От работы в колхозе при всякой возможности Кузьма отлынивал, дескать, какой дурак будет работать даром? Однако и в своей избушке делал только самое необходимое, перекладывая большую часть семейной работы на жену. Единственно, чем Кузьма занимался с удовольствием, так это ухаживал за своими собаками, которых у него бывало сразу несколько штук. Понравившуюся собаку он на что угодно мог обменять или украсть. Ради собак мог голодать и голодал, скармливая им свои скудные запасы еды. Предпочитал держать собак свирепых, хотя охранять в доме было практически нечего. Но это по меркам взрослых Кузьма был самым беднейшим в деревне, а для нас, пацанов, Кузьма Егорович казался, чуть ли не вторым Ротшильдом: весь его двор был буквально завален сокровищами - разными банками, проводами, испорченными и выброшенными радиоприемниками, шестеренками и еще Бог знает чем. Одним словом, всем, что хоть чуть-чуть блестело или звенело... Все тащил Кузьма Егорович в свой двор, считая, что у хорошего хозяина - все пригодится. Себя он относил к таковым. Каюсь, не раз совершали в детстве мы тайные набеги на его двор и уносили нужную для себя железку.

Жили Кузьма и Маника тем, что пока были силы, ходили на заработки: по просьбе деревенских баб помогали им косить и убирать сено, копать картошку. Маника нянчилась с детьми,

начальство заставляло ее ходить и на колхозные работы. Сами они держали поросенка, и было время, держали и корову. Сажали картошку и капусту. Одним словом, обузой они никому не были. Под старость свое личное домашнее хозяйство уже не держали и жили на небольшую пенсию, собирали пустые бутылки. Помогали односельчане, отдавая ненужные вещи умерших родственников или демобилизованных из армии сыновей. Для Кузьмы любимой одеждой всегда была солдатская форма, которую он не снимал во все времена года. На всех деревенских свадьбах и поминках Кузьма и Маника являлись как бы “штатными” гостями и приходили на них без всякого приглашения.

Были они в селе вроде местной достопримечательности. Над ними шутили и подсмеивались, отмечая “плюшкинские” склонности Кузьмы и собачью преданность к мужу Маники, по их поводу ходили деревенские анекдоты и поговорки. Иначе говоря, были они таким же естественным и вечным атрибутом деревенской жизни, как утренний рассвет с голосистым пением петухов или же речка Бровка с ее заросшим руслом...

Приезжая в деревню к родителям погостить, часто встречал я эту неразлучную пару. Конечно же, выглядели они не так как тридцать лет назад. Время делало свое: у Маники и без того не стройные ноги превратились в полное колесо, плохо стала слышать и говорить. А вот муж её, казалось, мало изменился за эти годы. Разве что еще больше усох и издали напоминал скорее подростка, чем старика.

Людям свойственно умирать. И, скорее всего, в свой отведенный Богом срок Маника с Кузьмой тоже бы заняли свое место на деревенском кладбище. Однако не суждено им было умереть в своей избушке. Как-то в свой очередной приезд в деревню узнал я, что Кузьму и Манику без их согласия и ведома одна их родственница оформила и сдала в Дом престарелых, то ли, позарившись на их полуразрушенную избушку, то ли, действительно пожалев их и посчитав за лучшее для них же отправить обоих на казённые харчи.

Рассказывали жители, что приехала милиция, затолкала зареванных и сопротивляющихся пожилых людей в машину и увезла умирать в чужие места.

Совсем недавно услышал о том, что Кузьму прошлой зимой нашли мертвым на проселочной дороге - пытался в сорокаградусный мороз в резиновых сапогах на босую ногу бежать из Дома престарелых в деревню. Маника пока жива, если это можно назвать жизнью...

Ежели забыть о них,
То Бог на небе забудет
обо мне.

Адам Мицкевич

МАРТИРОЛОГ
Установленный список жителей села Белосток,
репрессированных в 1930-е годы

АРТИМОВИЧ АДАМ ОСИПОВИЧ - 1912 г.р., уроженец с. Белостока, единоличник. Арестован 11 февраля 1938 года. Расстрелян 14 мая 1938 года.

АРТИШ АНТОН ОСИПОВИЧ - 1915 г.р., уроженец с. Белостока. Судим 18.10 1937 года по ст. 58-2-4-6-9-11 УК РСФСР. Расстрелян (дата расстрела не установлена).

АРТИШ БОЛЕСЛАВ ИОСИФОВИЧ - 1907 г.р., уроженец с. Белостока, член колхоза. Арестован 11 февраля 1938 года. Расстрелян 14 мая 1938 года.

АРТИШ ИВАН ИВАНОВИЧ - 1905 г.р., уроженец д. Вознесенки Белостокского сельсовета, единоличник. Арестован 12 февраля 1938 г. Расстрелян 14 мая 1938 года.

АРТИШ ИОСИФ ИОСИФОВИЧ - 1903 г.р., уроженец с. Белостока, член колхоза. Арестован 11 февраля 1938 года. Расстрелян 14 мая 1938 года.

БАХ ПАВЕЛ МИХАЙЛОВИЧ - 1904 г.р., уроженец с. Белостока, счетовод. Перед арестом проживал в г. Томске. Арестован 10 февраля 1938 года. Расстрелян 2 июня 1938 года.

БАХ СТАНИСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ - 1900 г.р., уроженец с. Белостока, бухгалтер, органист костёлов с. Белостока, г. Томска и г. Новосибирска. В 1931 г, ОСО ОПТУ г. Новосибирска приговорен по ст. 58-6-10 УК РСФСР к 3 годам ИТЛ. Вторично арестован 9 февраля 1938 года в с. Татьяновка Шегарского района Томской области. Расстрелян 8 мая 1938 года.

БЕК АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ - 1884 г.р., уроженец г. Варшавы, учитель немецкого языка. Перед арестом проживал в г. Колпашево. Арестован в 1937 году. Расстрелян 8 января 1938 года.

БЕЛЬСКИЙ МИХАИЛ АДАМОВИЧ - 1883 г.р., уроженец д. Провалка Соболянской волости Гродненской губернии, единоличник. Арестован 2 февраля 1935 года. Приговорен выездной сессией Нарымского окружного суда по ст. 58-10 УК РСФСР к 10 годам ИТЛ. Освобожден в 1943 году.

БЕЛЯВСКИЙ АНТОН ОСИПОВИЧ - 1912 г.р., уроженец с. Белостока, член колхоза. Арестован 16 февраля 1938 года. Расстрелян 12 мая 1938 года.

БЕЛЯВСКИЙ ВАСИЛИЙ ОСИПОВИЧ - 1908 г.р., уроженец с. Белостока, бригадир колхоза. Арестован 11 февраля 1938 года. Расстрелян (дата расстрела не установлена).

БОРИСОВЕЦ ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ - 1911 г.р., уроженец д. Баранове Слуцкого района Белоруссии, учитель. Арестован 13 августа 1937 года. Расстрелян 5 октября 1937 года.

БУЖЕЛОВСКИЙ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ - 1905 г.р., уроженец г. Вильно, перебежчик из Польши, единоличник. Перед арестом проживал в д. Вознесенка Белостокского сельсовета. Арестован 24 апреля 1937 года. Расстрелян 28 августа 1937 года.

БУЕВИЧ ВИКЕНТИЙ ФЕЛИКСОВИЧ - 1902 г.р., уроженец Лепельского уезда Витебской губернии, член колхоза. Арестован 16 февраля 1938 года. Расстрелян 12 мая 1938 года.

ГАВРИЛЕНКО ИВАН ВИКЕНТЬЕВИЧ - 1883 г.р., уроженец д. Светлице Полоцкого уезда Витебской губернии, кузнец колхоза. Арестован 12 февраля 1938 года. Расстрелян 14 мая 1938 года.

ГЕЛБУТОВСКИЙ МАРЬЯН ИВАНОВИЧ - 1892 г.р., уроженец Волынской губернии, председатель колхоза. Арестован 11 февраля 1938 года. Расстрелян 14 мая 1938 года.

ГЕЛБУТОВСКИЙ ФЕОФИЛ ИВАНОВИЧ - 1899 г.р., уроженец с. Михайловка Богородской волости Томского уезда. Перед арестом проживал в п. Пиковка Колпашевского района, работал зав. отделением Леспродторга. Арестован 15 марта 1938 года. Расстрелян 23 мая 1938 года.

ГРИК БЛАЖЕЙ УСТИНОВИЧ - 1872 г.р., уроженец п. Узбереж Гродненской губернии и уезда, член колхоза. Арестован 20 октября 1937 года. Расстрелян 8 января 1938 года.

ГРИК ИОСИФ АВГУСТОВИЧ - 1889 г.р., уроженец г. Гродно, единоличник. Перед арестом проживал в д. Никифоровка Кожевниковского района. Арестован 5 июля 1938 года. Приговорен по ст. 58-6-10 УК РСФСР к 8 годам ИТЛ. Освобождён в 1943 году.

ГРИК ИОСИФ ИОСИФОВИЧ - 1912 г.р., уроженец с. Белостока, монтажник пункта "Заготзерно". Перед арестом проживал в с. Вороново Кожевниковского района. Арестован 20 января 1938 года. Расстрелян 9 марта 1938 года.

ДАЩУК ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ - 1902 г.р., уроженец станции Долгодеревенской Челябинской области, председатель колхоза. Арестован 13 августа 1937 года. Расстрелян 4(5) ноября 1937 года.

ДАЩУК ПЁТР АЛЕКСАНДРОВИЧ - 1869 г.р., уроженец д. Городище Седлецкой губернии, председатель ревизионной комиссии колхоза. Перед арестом проживал в пос. Топки Кожевниковского района. Арестован 12 февраля 1938 года. Расстрелян 28 мая 1938 года.

ДУДЧЕНКО ИВАН СПИРИДОНОВИЧ - 1915 г.р., уроженец д. Шаровка Полтавской волости Тобольской губернии учитель. Перед арестом проживал в с. Колывань Западно-Сибирского края. Арестован 10 января 1938 года. Расстрелян 3 марта 1938 года.

ДУЛИНЕЦ ИПОЛИТ ОСИПОВИЧ - 1892 г.р., уроженец д. Дулино Виленской губернии, член колхоза. Арестован 11 февраля 1938 года. Расстрелян 14 мая 1938 года.

ИОЧ АЛЕКСАНДР КАЗИМИРОВИЧ - 1963 г.р., уроженец д. Ютевцы Лидского уезда Виленской губернии, член колхоза. Арестован 14 января 1938 года. Приговорен к ВМН. Умер в Березовском концлагере в районе г. Колпашево 20 апреля 1938 года до приведения приговора о расстреле в исполнение.

ИОЧ АНТОН ИВАНОВИЧ - 1895 г.р., уроженец д. Ютевцы Лидского уезда Виленской губернии, член колхоза. Арестован 11 февраля 1938 года. Расстрелян 14 мая 1938 года.

ИОЧ ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ - 1918 г.р., уроженец с. Белостока, член колхоза. Арестован 12 февраля 1938 года. Приговорен по ст. 58-6-8-9-10-11 УК РСФСР, к 10 годам ИТЛ. Из мест заключения освобождён в 1948 году.

ИОЧ ИВАН СТАНИСЛАВОВИЧ - 1912 г.р., уроженец с. Белостока, член колхоза. Арестован 16 февраля 1938 года. Расстрелян 12 мая 1938 года.

ИОЧ КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ - 1904 г.р., уроженец с. Белосток, член колхоза. Арестован 11 февраля 1938 года. Расстрелян 14 мая 1938 года.

ИОЧ КУЗЬМА МАТВЕЕВИЧ - 1893 г.р., уроженец д. Ютевцы Лидского уезда Виленской губернии, единоличник. Перед, арестом проживал в с. Кривошеино. Арестован 10 февраля 1938 года. Расстрелян 14 мая 1938 года.

ИОЧ ОСИП ИГНАТЬЕВИЧ - 1910 г.р., уроженец с. Белостока, член колхоза. Арестован 11 февраля 1938 года. Расстрелян 14 мая 1938 года.

ИОЧ ФЕЛИКС КАЗИМИРОВИЧ - 1864 г.р., уроженец д. Ютевцы Лидского уезда Виленской губернии, член колхоза. Арестован 13 августа 1937 года. Расстрелян 4 (5) ноября 1937 года.

ИОЧ ЭДУАРД МАРТЫНОВИЧ - 1893 г.р., уроженец д. Ютевцы Лидского уезда Виленской губернии, столяр. Перед арестом проживал в с. Кривошеино. Арестован 10 февраля 1938 года. Расстрелян 14 мая 1938 года.

КАРЕЛИН НИКОЛАЙ МАКСИМОВИЧ - 1878 г.р., уроженец д. Батакон Нерчинско-Заводского района Восточно-Сибирского края, священник православной церкви. В 1928 году был арестован Читинским окротделом ОГПУ, в 1931 г. приговорен к 1,5 годам лишения свободы и к 3 годам ссылки в Нарымский край. Ссылку отбывал в с. Белосток, перед арестом работал завхозом школы. Арестован 13 августа 1937 года. Расстрелян 21 октября 1937 года.

КАРПЫШ ЛЮДВИГ ЛАВРЕНТЬЕВИЧ - 1889 г.р., уроженец с. Яблонь Седлецкой губернии, единоличник. Арестован 1 февраля 1935 года. Выездной сессией Нарымского окружного суда приговорен к 10 годам ИТЛ. Отбывая срок заключения в лагере Дальстроя НКВД, в 1938 году был вновь арестован и приговорен к ВМН. Расстрелян 5-10 мая 1938 года.

КАЧАН ОСИП КАЗИМИРОВИЧ - 1914 г.р, уроженец Ново-Андреевских хуторов Белостокского сельсовета, единоличник. 5 апреля 1935 года Выездной сессией Нарымского окружного суда приговорен по ст.73-1 ч.2 УК РСФСР к 5 годам ИТЛ. Срок

заклучения отбывал в Дальлага НКВД. Данные об освобождении из мест заклучения не обнаружены.

КИСЕЛЬ ПАВЕЛ ОСИПОВИЧ - 1873 г.р., уроженец д. Лихачи Гродненской губернии, член колхоза. Арестован 16 февраля 1938 года. Расстрелян 12 мая 1938 года.

КРИВДА МИХАИЛ АНТОНОВИЧ - 1871 г.р., уроженец Седлецкой губернии, рабочий шахты. Перед арестом проживал в г. Шахты Ростовской области. Арестован в феврале 1938 года. Расстрелян (дата расстрела не установлена).

КРИВДА ФРАНЦ ИВАНОВИЧ - 1909 г.р., уроженец с. Белостока, член колхоза. Арестован 11 февраля 1938 года. Расстрелян 14 мая 1938 года.

КОНДРАЦКИЙ СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ - 1907 г.р., уроженец с. Белостока, единоличник. Арестован 3 февраля 1935 года. 5 апреля 1935 года Выездной сессией Нарымского окружного суда приговорен по ст. 58-8 УК РСФСР к 6 годам ИТЛ. Освобождён в 1947 году. 20 августа 1956 года вторично осуждён народным судом Кривошеинского района к 2 годам лишения свободы. Освобожден 17 июля 1957 года досрочно по определению Томского областного суда.

ЛЮТЫЙ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ - 1887 г.р., уроженец д. Майдангорное Люблинской губернии, единоличник. 5 апреля 1935 года Выездной сессией Нарымского окружного суда приговорен по ст. 58-10 УК РСФСР к 3 годам ИТЛ. Освобождён в 1937 году. Вторично арестован 21 октября 1937 года. Расстрелян 8 января 1938 года.

ЛЮТЫЙ ПЁТР МИХАЙЛОВИЧ - 1885 г.р., уроженец д. Майдангорное Томашевского уезда Люблинской губернии, единоличник. 5 апреля 1935 года решением Выездной сессии Нарымского окружного суда приговорен по ст. 58-10 УК РСФСР к 8 годам ИТЛ. Умер 19 апреля 1942 года отбывая срок в Севураллаге НКВД.

ЛЮТЫЙ ФРАНЦ ИВАНОВИЧ - 1917 г.р., уроженец с. Белостока, монтер Кривошеинского отделения связи. Арестован 16 февраля 1938 года. Расстрелян 12 мая 1938 года.

МАЗЮК АДАМ ГЕРАСИМОВИЧ - 1897 г.р., уроженец с. Салатье Гродненской губернии, единоличник. В 1933 году приговорен народным судом Кривошеинского района по ст. 61 УК РСФСР к 2

годам ИТЛ. Вторично арестован 3 февраля 1935 года и приговорен Выездной сессией Нарымского окружного суда по ст. 58-10 УК РСФСР к 10 годам ИТЛ. Срок заключения отбывал в лагерях Кемеровской области, Хабаровского края. Коми АССР. Освобождён в 1945 году.

МАЗЮК АНТОН МИХАЙЛОВИЧ - 1897 г.р., уроженец д. Салатье Гродненской губернии, член колхоза. Арестован 8 февраля 1938 года. Расстрелян 14 мая 1938 года.

МАЗЮК АНТОН СТАНИСЛАВОВИЧ - 1904 г.р, уроженец с. Белостока, конюх колхоза. Арестован 11 февраля 1938 года. Расстрелян 14 мая 1938 года.

МАЗЮК ИППОЛИТ МИХАЙЛОВИЧ - 1884 г.р, уроженец д. Салатье Гродненской губернии, член колхоза. Арестован 11 февраля 1938 года. Расстрелян 14 мая 1938 года.

МАЗЮК МИХАИЛ ИВАНОВИЧ - 1910 г.р., уроженец с. Белостока, член колхоза. Арестован 16 февраля 1938 года. Расстрелян 12 мая 1938 года.

МАЗЮК ПАВЕЛ МИХАЙЛОВИЧ - 1887 г.р., уроженец д. Салагье Гродненской губернии, член колхоза. Арестован 11 февраля 1938 года. Расстрелян 14 мая 1938 года

МАЗЮК СЕМЕН ИВАНОВИЧ - 1907 г.р., уроженец с. Белосток, помощник бухгалтера Военстроя СибВО. Перед арестом проживал в г. Томске. Арестован 13 июня 1938 года. Расстрелян 25 октября 1938 года.

МАЗЮК СТАНИСЛАВ ЛЮДВИГОВИЧ - 1870 г.р.. уроженец д. Салатье Гродненской губернии, член колхоза. Арестован 11 февраля 1938 года. Расстрелян 14 мая 1938 года.

МАЗЮК СТАНИСЛАВ ПАВЛОВИЧ - 1887 г.р., уроженец д. Салатье Гродненской губернии, единоличник. Арестован 11 февраля 1938 года. Расстрелян 14 мая 1938 года

МАЗЮК ФРАНЦ МИХАЙЛОВИЧ - 1910 г.р., уроженец с. Белостока, бригадир колхоза. Арестован 14 января 1938 года. Расстрелян 1 апреля 1938 года.

МАРКИШ ВИКЕНТИЙ МАТВЕЕВИЧ - 1909 г.р., - уроженец с. Белостока, единоличник. Арестован 6 мая 1937 года. Приговорен районным судом Кривошеинского района по ст. 136 УК РСФСР к 8

годам ИТЛ и 5 годам поражения в правах. В местах заключения в ноябре 1938 года вторично приговорен по ст. 58-2-6-9-11 УК РСФСР к 8 годам ИТЛ. Освобождён в 1945 году.

МАРКИШ МАТВЕЙ ФАДЕЕВИЧ - 1878 г.р., уроженец д. Салатье Гродненской губернии, член колхоза. Арестован 12 февраля 1938 года. Расстрелян 14 мая 1938 года.

МАРКИШ НИКОДИМ ИГНАТЬЕВИЧ - 1899 г.р., уроженец с. Белостока, бригадир колхоза. Арестован 11 февраля 1838 года. Расстрелян 14 мая 1938 года.

МАРКИШ ПЁТР МАТВЕЕВИЧ - 1905 г.р., уроженец с. Белостока, десятник дорожного участка Кривошеинского "Дорстроя". Арестован 5 мая 1937 года. 13 сентября 1937 года народным судом Кривошеинского района приговорен по ст. 136 УК РСФСР к 10 годам ИТЛ. В период отбывания наказания в ИТК - 2 г. Томска решением "тройки" УНКВД от 22 октября 1938 года приговорён к ВМН. Расстрелян 21 ноября 1938 года.

МАРКИШ ПЁТР ФАДЕЕВИЧ - 1883 г.р., уроженец д. Салатье Гродненской губернии, сторож почты. Арестован в 1838 году. Расстрелян (дата расстрела не установлена).

МИХАСЁНОК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ - 1888 г.р.. уроженец д. Лисовская Режицкого уезда Витебской губернии, ксёндз католических приходов с. Белостока, г. Томска, г. Новосибирска. Перед арестом проживал в г. Новосибирске. Арестован 4 апреля 1927 года. 25 октября 1927 года Особым совещанием при Коллегии ОГПУ приговорен по ст.58-6 УК РСФСР к 3 годам ИТЛ без применения амнистии. После отбытия наказания в Соловецких лагерях решением Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 28 апреля 1930 года выслан в Северный край сроком на 3 года. Находясь в ссылке в г. Великий Устюг, умер (не позднее 8 мая 1933 года).

МИХНЯ АНТОН БЕНЕДИКТОВИЧ - 1892 г.р, уроженец д. Яблонь Радинского уезда Седлецкой губернии, рабочий шахты. Перед арестом проживал в пос. Коминтерн Шахтинского района Ростовской области. Арестован 26 февраля 1938 года. Расстрелян 14 сентября 1938 года.

МИХНЯ ВИКЕНТИЙ БЕНЕДИКТОВИЧ - 1883 г.р., уроженец д. Кудрий Радинского уезда Седлецкой губернии, рабочий шахты. Перед арестом проживал в пос. Коминтерн Шахтинского района

Ростовской области. Арестован 26 февраля 1938 года. Расстрелян 14 сентября 1938 года.

МИХНЯ ИОСИФ БЕНЕДИКТОВИЧ -1888 г.р., уроженец д. Пиянда Радинского уезда Седлецкой губернии, член колхоза. Арестован 11 февраля 1938 года. Расстрелян 14 мая 1938 года.

МИХНЯ РОМАН БЕНЕДИКТОВИЧ - 1884 г.р., уроженец д. Яблонь Радинского уезда Седлецкой губернии, член колхоза. Арестован 11 февраля 1938 года. Расстрелян 14 мая 1938 года.

МИХНЯ СТАНИСЛАВ БЕНЕДИКТОВИЧ - 1896 г.р, уроженец д. Яблонь Радинского уезда Седлецкой губернии, единоличник. Арестован 11 февраля 1938 года. Расстрелян 14 мая 1938 года.

МИХНЯ ФЕЛИКС БЕНЕДИКТОВИЧ - 1902 г.р., уроженец д. Яблонь Радинского уезда Седлецкой губернии, ветсанитар колхоза. Арестован 13 августа 1937 года. Расстрелян 5 октября 1937 года.

МОЗЖЕРИН ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ - 1885 г.р, уроженец с. Ордынск Ордынского района Западно-Сибирского края, столяр. Арестован 20 октября 1937 года. Расстрелян 8 декабря 1937 года.

НАЗРУК ВИКТОР СЕМЁНОВИЧ - 1903 г.р, уроженец Седлецкой губернии, единоличник. Перед арестом проживал в Азово-Черноморском крае. Арестован в 1938 году. Расстрелян (дата расстрела не установлена).

НАЗРУК ИВАН СЕМЁНОВИЧ - 1899 (1900) г.р., уроженец Седлецкой губернии, единоличник. Перед арестом проживал в Азово-Черноморском крае. Арестован в 1938 году. Расстрелян (дата расстрела не установлена).

НАЗРУК ИОСИФ СЕМЁНОВИЧ - 1908 г.р, уроженец д. Пашенка Радинского уезда Седлецкой губернии, продавец сельпо. Арестован 21 октября 1937 года. Расстрелян 8 января 1938 года.

ПИЛАТОВ АНТОН НИКОЛАЕВИЧ - 1892 г.р., уроженец с.Солоной Курляндской губернии, конюх колхоза. Арестован 11 февраля 1938 года. Расстрелян 14 мая 1938 года.

ПИЛЕВИЧ БЕРНАТ ИВАНОВИЧ - 1914 г.р., уроженец с. Белостока, заведующий конефермой колхоза. Арестован 11 февраля 1938 года. Расстрелян 14 мая 1938 года.

ПИЛЕВИЧ БОЛЕСЛАВ ИВАНОВИЧ - 1895 г.р., уроженец д. Стерхово Ошмянского уезда Витебской губернии, член колхоза. Арестован 11 февраля 1938 года. Расстрелян 14 мая 1938 года.

ПОПОВ ТРОФИМ НИКИТОВИЧ - 1888 г.р., уроженец г. Вильно, единоличник. Арестован 11 февраля 1938 года. Расстрелян 14 мая 1938 года.

ПРИМАК НИКОЛАЙ ОСИПОВИЧ - 1901 г.р., уроженец с. Белостока, единоличник. Арестован 11 февраля 1938 года. Расстрелян 22 мая 1938 года.

ПРОНСКИЙ СИГИЗМУНД ИВАНОВИЧ - 1881 г.р., уроженец д. Микелевщина Гродненского уезда и губернии, единоличник. Арестован в апреле 1931 года. Освобождён в марте 1932 года. Вторично арестован в 1937 году в г. Томске. Перед арестом работал сторожем в костно-туберкулёзном диспансере. Расстрелян 22 октября 1937 года.

ПРОНСКИЙ СТАНИСЛАВ ИВАНОВИЧ - 1883 г.р., уроженец д. Микелевщина Гродненской губернии, столяр госбанка. Арестован 14 января 1938 года. Расстрелян 1 апреля 1938 года.

РАДЮК ИВАН КАЗИМИРОВИЧ - 1914 г.р., уроженец с. Белостока, единоличник. Арестован 11 февраля 1938 года. Расстрелян 14 мая 1938 года.

РОДЗЕВИЧ ИЛЬЯ ВОЙЦЕХОВИЧ - 1879 г.р., уроженец с. Гуран Гродненской губернии, единоличник. Арестован 11 февраля 1938 года. Расстрелян 14 мая 1938 года.

РУДКОВСКИЙ АНТОН МИХАЙЛОВИЧ - 1912 г.р., уроженец Дрисенского уезда Витебской губернии, член колхоза. Арестован 16 февраля 1938 года. Расстрелян 12 мая 1938 года.

СЕНЬКО ВИКЕНТИЙ АНТОНОВИЧ - 1876 г.р., уроженец д. Богдановцы Лидского уезда Виленской губернии, единоличник. В 1933 году приговорен народным судом Кривошеинского района по ст.61 УК РСФСР к 2 годам ИТЛ. Вторично арестован 11 февраля 1938 года. Расстрелян 14 мая 1938 года.

СЕРКО РАФАИЛ ПЕТРОВИЧ - 1886 г.р., уроженец д. Ивашевцы Лидского уезда Виленской губернии, единоличник. В 1932 году приговорен народным судом Кривошеинского района по ст.61 УК РСФСР к 2 годам ИТЛ. Приговорен 27 марта 1936 года по ст.61 УК РСФСР к 2 годам ИТЛ. 2 сентября 1937 года по ст.61 У К

РСФСР к 2 годам ИТЛ. Умер в местах заключения 30 апреля 1938 года.

СМОЛИЧ ВИКЕНТИЙ КАЗИМИРОВИЧ - 1866г.р, уроженец д. Узнога Слуцкого уезда Минской губернии, член колхоза. В 1929 году был раскулачен, приговорен по ст.58-6 УК РСФСР к ссылке с семьёй в Нарымский край. Вторично арестован 20 октября 1937 года. Расстрелян 8 января 1938 года.

СМОЛИЧ ВИТОЛЬД ВИКЕНТЬЕВИЧ - 1909 г.р., уроженец х. Богоровщина Копыльской волости Минской губернии, бухгалтер. Перед арестом проживал в г. Краснокамске Пермской области, работал бухгалтером "Камбумкомбината". Арестован 7 августа 1937 года. Расстрелян 20 сентября 1937 года.

СУРГЕЛО НАПОЛЕОН ЛЮДВИГОВИЧ - 1902 г.р., уроженец д. Авижансы Виленской губернии, единоличник. Беженец из Польши. 5 апреля 1935 года Выездной сессией Нарымского окружного суда приговорен по ст.73- I ч.2 УК РСФСР к 4 годам ИТЛ. Срок наказания отбывал в Дальлаге НКВД. Данные об освобождении из мест заключения не обнаружены.

ХАНЕВИЧ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ - 1907 г.р., уроженец с. Белосток, член колхоза. Арестован 11 февраля 1938 года. Расстрелян 14 мая 1938 года.

ХАНЕВИЧ ИППОЛИТ ОСИПОВИЧ - 1886 г.р., уроженец д. Салатье Гродненского уезда и губернии, член колхоза. Арестован 11 февраля 1938 года. Расстрелян 14 мая 1938 года.

ХАНЕВИЧ КУЗЬМА ОСИПОВИЧ - 1892 г.р., уроженец д. Салатье Гродненского уезда и губернии, член колхоза. Арестован 16 февраля 1938 года. Расстрелян 12 мая 1938 года.

ХВАЛЬКО КОНСТАНТИН ПАВЛОВИЧ - 1898 г.р., уроженец д. Новосёлки Виленской губернии. Беженец из Польши. учитель. Перед арестом проживал в пос. Красный Яр Кривошеинского района, работал директором школы. Арестован 22 сентября 1937 года. Расстрелян 4 (5) ноября 1937 года.

ЦЕРПЕНТО ИЕРОНИМ ИЕРОНИМОВИЧ - 1878 (1888) г.р., уроженец местечка Кривичи Виленского уезда и губернии, ксендз католических приходов с. Белостока, г. Томска, г. Ачинска, г. Красноярска. Перед арестом проживал в г. Красноярске. Арестован 2 июля 1935 года. 24 июля 1936 года ВТ СибВО был приговорен по ст.58-3-6-10-11 УК РСФСР к 10 годам ИТЛ. В 1937 году в местах

заклучения вновы был судим по ст.58 УК РСФСР и постановлением комиссии НКВД СССР и прокурора СССР от 4 января 1938 года приговорён к ВМН. Расстрелян 18 января 1938 года.

ЧЕРВОННЫЙ ПЁТР ДМИТРИЕВИЧ - 1905 г.р., уроженец г. Новогрудок. Беженец из Польши. Директор школы. Арестован 13 августа 1937 года, Расстрелян 5 ктября 1937 года.

ШИМАНОВСКИЙ ВИКЕНТИЙ ВЕНЕДИКТИВИЧ - 1889г.р, уроженец д. Поречье Гродненского уезда и губернии, член колхоза. Перед арестом проживал в д. Ново-Андреевка Белостокского сельсовета. Арестован 20 февраля 1938 года. Расстрелян 12 мая 1938 года.

ШИМАНОВСКИЙ ТАДЕУШ ВИКЕНТЬЕВИЧ - 1871 г.р., уроженец д. Поречье Гродненского уезда и губернии, сторож костёла. Арестован 14 января 1938 года. Расстрелян 1 апреля 1938 года.

ШВЕДКО ПАВЕЛ КАЗИМИРОВИЧ - 1912 г.р., уроженец с. Белостока, тракторист колхоза "Борец" д. Егорове Кривошеинского района. Арестован 16 февраля 1938 года. Расстрелян 12 мая 1938 года.

ШВЕДКО СТАНИСЛАВ КАЗИМИРОВИЧ - 1904 г.р., уроженец с. Белостока, конюх колхоза. Арестован 11 февраля 1938 года. Расстрелян 14 мая 1938 года.

ШПАРКОВИЧ АЛЬФОНС ФЕЛИКСОВИЧ - 1879 г.р., уроженец Виленской губернии, член колхоза. Арестован 11 февраля 1938 года. Расстрелян 14 мая 1938 года.

ШПАРКОВИЧ СТАНИСЛАВ ФЕЛИКСОВИЧ - 1875 г.р., уроженец д. Подвороницы Виленской губернии, член колхоза. Арестован 10 февраля 1938 года. Расстрелян 14 мая 1938 года.

ШУМСКИЙ ИЛЬЯ ИЛЬИЧ- 1909 г.р., уроженец с. Белостока, член колхоза. Арестован 16 февраля 1938 года. Расстрелян 12 мая 1938 года.

ШУМСКИЙ КОНСТАНТИН ИОСИФОВИЧ - 1899 г.р., уроженец д. Кацкели Ошманского уезда Виленской губернии, плотник колхоза. Арестован 11 февраля 1938 года. Расстрелян 14 мая 1938 года.

ШУТЬ АНТОН ФИЛИППОВИЧ - 1915 г.р., уроженец с. Белостока, член колхоза. Арестован 16 февраля 1938 года. Расстрелян 12 мая 1938 года.

ЯНУШКО МОИСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ - 1870 г.р., уроженец с. Яблонь
Седлецкой губернии, сторож маслозавода. Арестован 11 февраля
1938 года. Расстрелян 14 мая 1938 года.

БЕЛОСТОКСКАЯ ТРАГЕДИЯ

(из истории геноцида поляков в Сибири)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Часть первая- ТАК БЫЛО...

Свидетели и свидетельства

Наказание умолчанием или долгая дорога к правде

Хроника террора

Их трагические судьбы

«Сибирский польский комитет»

Вершители судеб

Часть вторая- ДОДНЕСЬ ТЯГОТЕЕТ...

Добровольная Сибирь

Сельский храм

«Я польский бы выучил...»

«Блошинный срок или «крестьянская статья»

Как создавали наш колхоз

Из родословной

Часть третья- МАРТИРОЛОГ

Установленный список жителей села Белосток, репрессированных в тридцатые годы

Василий Антонович Ханевич

БЕЛОСТОКСКАЯ ТРАГЕДИЯ
(Из истории геноцида поляков в Сибири)

Редактор - В.З. Нилов
Технический редактор - С.Г. Ханевич
Художественный – А.В. Слухаев

Подписано к печати 30.08.93. формат 60x84, 1/16
Бумага типографская №2. Печ. л. 13. Усл. печ. л. 12,09
Тираж 500 экз. Цена договорная

Издательство редакции газеты «Томский вестник»
634029. Томск. пр. Фрунзе,3.

ООО. Томское областное управление статистики